

СТАРЕЦЬ
ПАВЕЛ
ТАГАНРОГСКИЙ

СТАРЕЦ ПАВЕЛ

ТАГАНРОГСКИЙ

Жизнь и подвиги в Бозе
почившего прозорливого
старца-подвижника
Павла (Павловича)
Таганрогского,

описанные после смерти
старца
живущей в его келии
послушницей
Марией Цурюпиной
на основании сказаний
о нем лиц,
живущих с ним
и знающих его

Издание Ростовской-на-Дону епархии
1994

НЕ ЗАБЫТА СВЯТЫНЯ

*Тихо плещет Азовское море,
Омывая Таганий Рог.
Едут люди и в скорби и в горе
К старцу Павлу во град Таганрог.*

*Этот старец был строгий подвижник,
Миру Божьему ведом всему,
Из далеких селений и ближних
За советом спешили к нему.*

*За людей всех и Господа ради
Он усердный молитвенник был,
И с горячею верой, в отраде,
Христиан православных любил.*

*В житии своем старец убогом
Обличал маловерных порок.
Пред людьми и пред Господом Богом
Почитался в миру как пророк.*

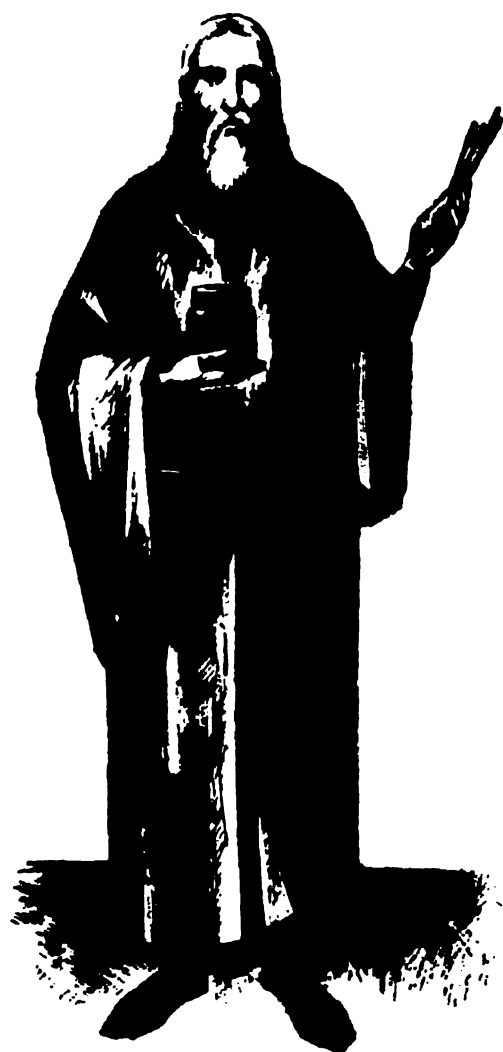
*Не забыть богомольцам дороги
К той могиле, где старец почил.
Возле церкви святых в Таганроге,
Где блаженный их вере учил.*

*Тихо плещет Азовское море,
Быстроходные мчатся суда.
Едут люди и скорби и горе
Изливать на могилу сюда.*

*Верят в то, что над этой могилой
Благодатью молитвы своей
Старец Духом и Божией Силой
Исцеляет страданья людей.*

*Вечно будут духовные чины
В песнопеньях Творца прославлять,
В день великого старца кончины,
По нему панихиды справлять.*

Протоиерей НИКОЛАЙ УВАРОВ

*Печатается по благословению
митрополита Ростовского и Новочеркасского
ВЛАДИМИРА*

Минуло 115 лет после кончины блаженного старца Таганрогского Павла, но мы сегодня можем прочесть его житие, которое было подробно описано почитателями старца и издано в 1911 году. Переиздание книги «Старец Павел Таганрогский» через 83 года—это дань его светлой памяти. При подготовке текста к печати пришлось восстанавливать отдельные слова и страницы книги, чудом уцелевшей и сохраненной верующими, с тем чтобы современный читатель проникся той любовью и верой, которые народ питал к избраннику Божию, молящемуся и сегодня пред Престолом Господним за всех нас, грешных.

СЛОВО

митрополита Ростовского и Новочеркасского Владимира

Книга о жизни и подвиге прозорливого *старца Павла Таганрогского* впервые была напечатана в 1911 году, через тридцать с лишним лет после его блаженной кончины. Тогда были еще живы многие свидетели подвига старца. Их воспоминания и свидетельства, как очевидцев, вошли в книгу. Это обстоятельство делает книгу чрезвычайно ценным историческим документом. Книга предлагает свидетельства людей, которые жили рядом с старцем, служили ему и людям, приходившим к нему, молились с ним, видели, скорбь его и печаль о человеческих немощах, сами получали от него наставления, помощь и исцеления.

Павел Павлович Стожков (1792—1879 гг.) родился, рос и воспитывался в дворянской семье. Однако, когда Господь призвал его на подвиг, он в буквальном смысле исполнил заповедь Божию о любви (Мрк. 10, 21): продал все свое наследство, раздал его людям, а сам пошел паломником учиться смирению, воздержанию, молитве, подвигу и святости в прославленных монастырях.

Он начал и нёс свой подвиг в то время, когда Россия расцветала буйным цветом гениальных представителей нации: поэтов, писателей, композиторов, художников, экономистов и мыслителей. В России было отменено крепостное право. Талант нации рвался в свободный полёт. К сожалению, неуправляемый выброс народной энергии привёл к тому, что страну стало лихорадить. Восстание декабристов, проникновение с Запада вольнодумства, разрушающего традиционные устои православного общества протестантизма, материалистического учения, атеизма, революционных идей должно было расшатать могучее государство, разрушить единство нации, ослабить нравственные ценности в обществе, привести его к междуусобной войне и к разрухе.

Лучшие представители христианского мира по-разному пытались остановить духовный распад в обществе. Учёные, религиозные мыслители и богословы обращались к народу с философскими или богословскими трактатами и воззваниями. Простой не книжный верующий народ обращался непосредственно к Богу и брал на себя тяжёлый труд монашеского подвига и молитвы, или прикровенный подвиг старчества, юродства и странничества. Многие подвижники уходили на молитву в монастыри сурового Севера. Преподобный Серафим удалялся в лес, или в затвор и подолгу молился на камне.

Старец Павел избрал тоже очень трудный вид подвига служения людям и обращения их к Богу. Грубоватая простота дворянина, с элементом юродства, не всеми понималась и не всеми воспринималась. Были люди, сначала осуждавшие старца, хотя потом через годы они раскаивались в поспешных суждениях. Старец избегал человеческой славы, представлялся людям как простой «странный» загадочный христианин. В действительности это был великий подвижник, угодник Божий, праведник, получивший от Бога дары прозорливости, исцеления, предвидения и власти над злыми духами.

Старец Павел предсказал своему, духовнику иеромонаху Дамиану — клирику Иерусалимского подворья в Таганроге — высокое служение, «больше которого быть не может». В 1900 году Дамиан был избран Патриархом Иерусалимским. Старец предсказал некоторые детали своих похорон. Знаменитый проповедник и прекрасный пастырь протоиерей Василий Байдаков в ночь кончины старца Павла был удостоен откровения во сне: «Ангелы несли на небеса душу старца Павла и пели радостные песнопения». Люди, готовившие усопшего старца Павла к погребению, видели, как «лицо его просияло великой радостью, с благодатной головы его по всему телу до самых ног шла как бы желтоватая тень, и после всё тело сделалось белое, подобно снегу». Таким был праведный старец Павел Таганрогский.

Верующие люди продолжают получать от старца помощь и исцеления. Об этом свидетельствуют поступающие к нам сообщения. Поток богомольцев на его могилу не прекращается. Духовенство и благочестивые христиане обращаются с просьбой о канонизации старца!

Настоящая книга переиздаётся для того, чтобы христиане Северного Кавказа, России и Украины могли познакомиться с жизнью, подвигом и чудесами, исходящими при содействии и по предстательству старца Павла.

Мы приглашаем присылать в Ростовское епархиальное управление новые сообщения о чудесах и исцелениях, совершаемых у могилы и по молитвам старца Павла Господом нашим Иисусом

Христом и Его Пречистой Матерью Пресвятой Богородицей, Все они будут систематизированы, изучены и представлены в Синодальную Комиссию по Канонизации святых угодников Божиих.

Будем молиться Господу о том, чтобы в великом сонме святых угодников воссияло ещё одно имя славного подвижника благочестия -старца ПАВЛА ТАГАНРОГСКОГО.

1/14января 1994г.

**ВЛАДИМИР,
МИТРОПОЛИТ РОСТОВСКИЙ И
НОВОЧЕРКАССКИЙ**

Среди подвижников Русской Православной Церкви прошлого века, из которых, одни, как преподобный Серафим Саровский, уже причислены к лику святых, было немало и других, имена которых с благоговением чтутся русским православным народом, каковы, например, Амвросий Оптинский и Епископ Феофан Затворник. По справедливости к ним можно присоединить и имя известного на юге России, в пределах Екатеринославской и Донской епархий, досточтимого старца Павла Таганрогского. Чем же заслужил старец Павел такое почитание?

Своею истинно христианской жизнью, так как в ней не искал он себе славы, а славы, одного только Бога. Пожелав от юности служить только Господу, он по слову Его оставляет дом и родителей, братию и имение и ради спасения души идет в чужую сторону и поселяется в Таганроге. Здесь всю жизнь свою он предается непрерывным подвигам строгого поста и молитвы, показывая ближним свои.» пример того, какова должна быть жизнь истинного христианина. Жизнь эта, конечно, не могла быть не замечена окружающими, так как по слову Христа: «не полагают светильник под судом, но на свещнице, да светит всем» (Мф. 5,15).

Старец Божий Павел, как свидетельствуют его современники, и был для них светильником на темном фоне их тогдашней жизни, и этот светильник многим и многим из них показал путь к истинно христианской жизни.

Подвижник Павел скончался 10 марта 1879 года, но и теперь заблудившиеся на жизненном пути идут к его могиле и по вере своей в праведного старца и по его молитвам возвращаются на истинную дорогу ко спасению.

Во исполнение вышеописанных слов Христовых о «светильнике» в отношении почившего старца благочестивым читателям и предлагается описание его жизни и подвигов.

1910год
Октябрь30 дня.

РОДИНА СТАРЦА ПАВЛА; ЕГО ЖИЗНЬ ДО ПОДВИЖНИЧЕСТВА И ПОСЛЕ В ТАГАНРОГЕ

Старец Павел Павлович

Стожков был родом из дворян Черниговской губернии, Кролевецкого уезда, как значится из его билета, выданного ему из Кролевецкого земского суда 13-го февраля 1858 года за № 1402-М. Родился он 8 ноября 1792 г. и при св. крещении наречено ему было имя Павел, в честь св. Павла исповедника (память его 6 ноября). Родители старца - Черниговские дворяне, коллежский регистратор Павел и Параскева Стожковы - были собственниками крестьян, которых у них было больше 800 душ.

Как свидетельствовал сам старец, родители его были богатые и, судя по тому времени, религиозные, они и заронили в сердце своего сына первые семена веры и благочестия.

О юных годах подвижника Павла мало сохранилось преданий, так как он пришел в Таганрог уже в совершенных летах, да и сам он редко вспоминал о своих родных и своей жизни в молодости. Так по крайней мере говорили жившие у него; но все-таки кое - что о его жизни в молодых летах передано людьми, имевшими с ним общение. Так, один хороший и верный благодетель старца, некий Антон Харитонович Мирошниченко, который часто его посещал, а нередко и жил у него, рассказывал, что старец много открывал ему тайного.

Однажды старец поведал о себе следующее: "Когда я был еще малым, то отец хотел учить меня высоким наукам, так как и брат мой, штабс-капитан Иван Павлович Стожков, был человек образованный, но я не захотел. Все мое желание от юности - было молиться Богу, а намерение - идти по святым местам; но отец мой противился этому и никак не хотел меня отпускать.

Когда мне было 16 лет, то я украдкой оставил дом родителей и проходил по святым местам целый год, и когда воротился домой, то

отец хорошо меня побил с наказом, чтобы я больше и думать не смел о страннической жизни и хождении по монастырям. Но сердце мое не могло успокоиться и согласиться жить тою жизнью, какая желалась отцу".

О матери своей старец не вспоминал: вероятно, в это время ее уже не было в живых. Еще рассказывал старец: "Когда я жил у отца (батяка), то в одно время крестьяне распяли громадный котел, и отец хотел наказать виновных розгами, но я со слезами стал умолять отца простить их и наказать меня вместо них - и по усиленной моей просьбе отец простил их, сказав: "Ради тебя я их прощаю".

Жил я в доме отца своего до 25 лет и не оставлял своего намерения уйти куда-нибудь ради спасения души своей, потому что окружающая меня жизнь, исполненная суеты мирской, казалось мне, много препятствовала моему святому желанию".

Старец, как видно, уклонялся от обычаев этой жизни; он жил верою и уже в это время положил начало своим подвигам ради спасения души. "По крайней мере, - говорил он, - отец недоволен был моим поведением и, не имея возможности повлиять на меня, чтобы я оставил свои мечты и думы, он взял и разделил меня со старшим братом. При разделе мне досталось много имущества, скота и овец; также несколько сот душ крестьян и деньгами я получил от отца 60000 рублей. Сделавшись самостоятельным хозяином, я прежде всего, по расположению своего сердца, отпустил на волю крепостных крестьян, а скот и все движимое имущество продал и раздал бедным, исполняя волю моего Господа и Спасителя (Лук. 18-22)".

Раздавши ради Христа свое имущество, старец ушел из дома родителя, взявши его благословение.

Куда же устремил он свои стопы? Как и в первый раз, когда юношей, убежав из дома, он проходил целый год по монастырям, так и теперь, освободившись от суеты мирской и от опеки отца, он исполнил свою заветную мечту и отправился по святым обителям. Исходил он много святых мест: был в Соловецком монастыре свв. Зосимы и Савватия и у преподобного Никодима Кожеозерского чудотворца, заходил на поклонение к праведному Артемию Веркольскому и другим св. угодникам Северной страны. Побывал и в Киево-Печерской лавре, ходил и к Почаевской Божией Матери. Проходя святые монастыри, старец Павел уделял и им от своих щедрот из полученного от отца наследства.

Неизвестно, воротился ли он на родину из путешествия своего по святым местам или нет, но можно предположить, что нет. Да и зачем ему было идти в те края, которые он оставил ради Христа?! С этого именно времени, когда ему было приблизительно лет 30-35, он поселяется в городе Таганроге, избрав его своею второю родиной. Это было приблизительно в 1825-30-х годах прошлого столетия.

Поселившись в Таганроге и забывши свое дворянское происхождение, старец Павел вел самый простой образ жизни, одевался в простую крестьянскую одежду и говорил простым (малороссийским) языком. Обладая от природы большой физической силой и здоровьем, он в первое время своей жизни в Таганроге занимался поденными работами, большею частью на хлебных ссыпках таганрогских купцов Солодовых и других господ.

Все работы он делал по совести, имея в душе своей всегда страх Божий, а когда услышит, бывало, первый благовест в службе церковной, то сейчас же оставляет работу, какая бы она ни была срочная, спешит в храм на службу. Так старец любил Бога и Его святой храм, который старался посещать неопустительно каждый день.

В особенности любил он посещать Успенский собор, в который много делал пожертвований. Жертвовал туда иконы, лампы, свечи, елей и проч. В соборе были серебряные лампы с надписью, что они пожертвованы старцем Павлом. Таких ламп всех 18: шесть в среднем пределе и двенадцать в боковых по правую и левую стороны.

Люди, знавшие старца, рассказывали, как они видели его всегда зажигавшим эти лампы; он всегда носил с собой в руках маленькую скамеечку, а на плечах беленькое полотенце, которым вытирал св. иконы; народ называл их иконами Павла Павловича.

Придя в город Таганрог, старец Павел жил на разных квартирах. Некоторое время жил он на Касперовке, а потом в крепости, затем около 20 лет на Банном спуске у одной вдовы Елены Никитишны Бaeвой; в последнее же время своей жизни он нанял себе квартиру на Дeпальдовском переулке у Ефима Смирнова, где жил долгое время до самой старости, там и скончался.

Это был отдельный домик за 75 рублей в год, здесь и жизнь свою он повел иначе: он стал принимать к себе в качестве послушников стариков и юношей, вдов и девиц и держал их очень строго, приучая к посту, молитве, воздержанию и всякой добродетели, своею собственной жизнью и примером научая их. Он ежедневно

ходил в церковь, большей частью в Успенский собор, и выстаивал там все церковные службы.

В то время священнослужителями в соборе были протоиерей Иоанн Себов и диакон Курилов. Последний недолюбливал праведного старца и часто гнал его, но протоиерей Себов уважал старца, и Господь открыл ему видеть, какой чести и благодати от Бога удостоен был старец. "Однажды, - рассказывал протоиерей, - когда я вышел на литургии с великим входом, я в изумлении увидел старца Павла, стоявшего в светлом сияющем облачении, подобном архиерейскому; я в радости отблагодарил Господа, прославляющего преподобных Своих.

С того времени я еще больше стал уважать старца и приглашал его к себе в дом, и старец посещал меня". После о. Себова настоятельством в соборе протоиерей Федор Покровский, который также уважал старца и однажды посетил старца в его келий со своей женой. Старец Павел с честью принял его и подарил ему на память небольшую икону Божьей матери "Нечаянная радость", а жене его сказал: "На тоби, София, крест и просфору". И не без значения для нее оказался этот подарок старца. Дети у нее оказались такими своенравными, что целый век свой, по ее признанию, она несет от них крест, а по смерти мужа ей предоставили место в просфорне.

Эти свидетельства о старце Павле людей, близко знавших его и имевших с ним общение, особенно свидетельства лиц духовных, важны для нас в том отношении, что показывают, каким нравственным авторитетом и уважением пользовался старец Павел за свою истинно христианскую жизнь у современников без различия их звания и положения.

**ДОМАШНЯЯ ЖИЗНЬ СТАРЦА;
ЕГО ПОДВИГИ РАДИ СПАСЕНИЯ ДУШИ
И НАСТАВЛЕНИЯ ЖИВУЩИМ У НЕГО
И ПРИХОДЯЩИМ**

Происходя по рождению

из дворянского рода, старец Павел ради Христа старался скрывать свое происхождение, хотя лицо его показывало благородство как наружное, так еще более - внутреннее. Он был красив лицом с постоянным румянцем на щеках, сердцем был добр и милостив, характер же имел строгий. В обстановке своей жизни и внешнем своем обличий соблюдал простоту и скромность, в пище - строгое воздержание.

Одеяние его составляли простая серая свитка, подпоясанная поясом, большие мужичьи сапоги весом до 15 фунтов, шапка простой работы серого сукна со вставленной внутрь овчиной и большая палка в руках, которая была неразлучным спутником его жизни.

Старец Павел занимал под квартиру целый дом, состоящий из нескольких комнат, из которых одна называлась его келией. Келия эта вся была уставлена св. иконами, пред которыми стояла деревянная скамейка, а на ней стояли кувшины, наполненные песком, куда были вправлены большие ставники (свечи), горевшие день и ночь, горели пред иконами также и лампы. Около остальных стен келий стояли кадки, горшки, корзины и мешки, наполненные хлебом, бубликами, маслинами, черносливами, лимонами, медом и проч.; на стенах висели сумки с просфорами. Около одной из стен стояла скамья, ничем не покрытая, служившая старцу вместо постели. Подушки у старца никогда не бывало, спал же он на голой скамье, подложив себе под голову что-нибудь из одежды, скомкав ее или свернув свитку, которую носил.

Сон его был короткий, иногда продолжавшийся несколько минут. При такой обстановке, какая была в его келий, она скорее походила на кладовую, чем на жилую комнату. Все съестные припасы,

которые в таком большом количестве стояли у старца в келий, он раздавал посетителям и живущим у него, только не всем давал равно, а по своему усмотрению, кто чего был достоин.

Ежедневная жизнь старца Павла слагалась таким образом: он неопустительно каждый день отправлялся в собор, выстаивал литургию, подправлял лампы и затем из храма, по обыкновению, шел по базару. Ходя по базару увешанный двумя белыми холщевыми сумками, с палкою в руках, старец обходил всех торгующих с обычными своими наставлениями; случалось иногда, кого и палкой ударит, кого и пожалеет. Торговки и торговцы подавали ему милостыню: кто булку, кто лимонов, апельсинов, иные давали и деньги, но от некоторых старец не принимал никаких подаваний и даже отгонял таких от себя палкою, к великому их огорчению. Возвращался старец домой обыкновенно часа в три-четыре.

Живущие у него послушники и послушницы также ежедневно ходили в церковь и по возвращении из храма принимались за свои работы, указанные им старцем и, - Боже сохрани! - если сделают что-нибудь без благословения старца. Нарушивших его приказание он сурово и мудро наказывал, внушая им ту мысль, что послушание выше поста и молитвы, как часто он говорил. По возвращении из церкви несущая послушание кухарка приготавливала трапезу; чая в то время у старца никто не пил. На обед обыкновенно варился борщ всегда постный, мясного блюда у старца не полагалось; борщ приготавлился по указанию самого старца самым простым способом. Все овощи, нужные для борща, обыкновенно крошились и все вместе складывались в большой глиняный горшок, который наливался полный квасом и водой и ставился в русскую печь в самый угол ее; затем печь накладывалась кизеком (кирпич из навоза для топки у крестьян) и растапливалась; когда кизек прогорал, то печь закрывалась заслонкою, и борщ варился сам; в продолжение всего процесса варения в него не заглядывали и не доливали могущую выкипеть воду.

До прихода старца живущие у него ничего не ели - так уж было заведено у него; по приходе же своим старец благословлял вкушение пищи крестным знамением со словами: "Бог благословит" и садился вместе со всеми обедать. Когда были у него посетители, то и их сажали за трапезу, и старец сам служил им, наливая и подавая пищу и говоря: "Ижте, ижте, рабы Божий, это я сам варил борщ". Послушницы, слушая эти слова, не понимали в них того смысла, который придавал

им старец Павел, именно: что пища тогда только и бывает вкусна и полезна, когда готовится с молитвою и благословением Божиим, а у старца так всегда и было: ни готовить, ни кушать без его благословения никто не смел. Старец Павел кушал очень мало пищи, садился же почти всегда за общим столом, имея ввиду постоянно словом и примером служить спасению своих близких. Его мудрые наставления и пример праведной жизни действительно западали в души приходивших к нему и содействовали исправлению их жизни. Одна послушница, именем Устинья, рассказывала: "Сели мы однажды вечерять под Троицу, сел с нами также и батюшка; мы и говорим ему: "Батюшка, благословите кушать, а он вместо того, чтобы сказать "Бог благословит", склонил свою голову, как бы дремя, и проговорил: "Иже, иже". Не получив благословения старца, мы продолжали сидеть за столом, ожидая, пока он проснется. Просидев долгое время, мы опять обратились к нему со словами: "Батюшка, благословите кушать", а он опять повторил нам: "Иже, иже" и продолжал, сидя за столом, дремать, и так мы просидели целую ночь без сна и пищи до самого утра, пока не рассвело, и настал уже праздник Св. Троицы, когда нужно уже было идти в церковь".

Из этого случая можно усмотреть, как старец чтит великие праздники, что не только сам молитвенно бодрствовал, но и другим внушал проводить их не в объедании и отягощении себя пищею, но в молитвенном подвиге и тяготе плоти думать о спасении души. И не только под праздники, но и в другие дни старец обыкновенно проводил ночи без сна. Рассказывают жившие у него, что он ходил, бывало, по келий и другим комнатам своей квартиры с палкою в руках, и своим громким голосом возбуждал спящих на молитвенный подвиг. "А лыхо их батькови! (Так любил приговаривать старец). Понаидались, понапывались, тай спать повлягались!" - обыкновенно говорил он, будя спящих и толкая их палкою. - Вставайте Богу молыцця". И люди, заслышав его звучный голос, как солдаты, становились на молитву.

Молитва старца Павла была усердная с коленопреклонением. Иисусова молитва никогда не сходила с уст старца; учил он и всех приходящих к себе всегда творить эту молитву и без нее никогда никого не впускал к себе в келию. Одна таганрогская старожилка рассказывала, как старец Павел любил всегда творить Иисусову молитву: "Когда он жил еще на Банном спуске, в то время я была еще девочка и часто ходила к старцу в келию. Келия же старца

обыкновенно была заперта, и вот я, бывало, стучусь в дверь, когда приду к старцу, но старец никогда не открывал мне за то, что я не читала молитвы; по молодости мне стыдно было читать ее особенно вслух; тогда я, желая войти к старцу, читала молитву про себя, и вдруг старец открывал дверь своей келий, говоря: "Вот сотворила молитву Иисусову, теперь иди в мою хату", и я, бывало, много удивлялась прозорливости старца, как он все знает".

Вышеупомянутая Устинья рассказывала, как старец учил ее смирению: "Однажды старец за что-то погонял меня, я рассердилась и ушла в кухню, села на прилавок и начала бурчать на старца и выражать свое негодование. Так продолжалось день, два, неделю и две недели, - я сидела в кухне, но прощения не просила. Видя, что в сердце моем таится гордыня и озлобление, старец сам пришел ко мне. Ничего не говоря, он взял меня за волосы и, крепко держа руками, повел меня в свою келию; я упиралась, но он силою влек меня, поставил на колени пред образом Божией Матери Почаевской, пред которым сам любил молиться (образ этот был, действительно, редкий, как живой) и, ударяя меня головою о пол, говорил: "Знай хозяина, знай хозяина та просы прощение". Больно мне было переносить это телом, а в особенности больно было моему самолюбию, но только я сейчас же почувствовала такое облегчение, как будто с меня свалилась большая тяжесть, и я упала к ногам старца и со слезами просила прощение."

Еще Устинья рассказывала: "До прибытия моего к старцу Павлу, я была замужней женщиной, с мужем жила всего два года, потом овдовела и жила прислугой у одних господ в Таганроге. Я слышала о старце Павле, но не знала его. Однажды старец шел по обыкновению по той улице, где жили мои господа, и когда поравнялся с нашим домом, то хозяйка моя, высматривая из окна, обратилась к нему и говорит: "Павло Павлович! Муж мой сильно болен, помолися, чтобы он выздоровел". Он остановился, помолился, поднял голову и, посмотрев на хозяйку, сказал ей: "Ты сама за себя молись Богу" и пошел дальше. В скором времени слова его сбылись, и старец недаром их сказал: сильно больной муж ее выздоровел, а она сейчас же заболела и умерла. После ее смерти муж еще долго жил и женился. С этого времени, когда я впервые увидела старца, он запал мне в душу, и у меня явилось сильное желание побывать у него в келий. Когда я пришла к нему и обо мне доложили старцу, он принял меня ласково, но не знаю, отчего на меня напал такой страх, что ноги у меня

подкашивались, и я едва стояла на ногах. Старец Павел спросил меня: "Горит у тебя лампадка там, где ты служишь?" - "Нет, батюшка, даже и лампадки у меня нет!" Тогда старец дал мне лампаду, масла, свечей и ладану. Когда возвратилась домой и зажгла лампаду, то на душе у меня сделалась такая радость, какой я не испытывала во всю свою жизнь. Через несколько времени я опять пришла к старцу Павлу, и он оставил меня навсегда жить у себя".

Предаваясь молитвенным подвигам, особенно в ночное время, старец старался приучать к ним и живущих у него. Живущая и ныне в его келий послушница Мария Величкова, прожившая при нем пять лет, рассказывала такой случай: "Принес однажды кто-то из благотворителей старцу паюсную икру. Когда я уже вечером, помолившись Богу, легла спать, старец говорит мне: "Мария! Иди, я тоби дам икры, поисы та и опять ляжешь спать". Я долго отказывалась, зная, что старец по обыкновению будет после заставлять Богу молиться, но батюшка убедил меня, что не будет заставлять молиться, и намазал мне большой кусок хлеба икрой, я съела, положила три поклона и легла спать. Не прошло и получаса, как батюшка начал кричать на меня: "А лыхо твоему батькови, наилася икры та й лягла спать, иды положи двадцать поклонов, та и ляжышь". Пришлось мне вставать отбивать поклоны и, положивши двадцать поклонов, я опять легла спать. Через несколько времени старец опять начал кричать: "Мария, де ты есть, а лыхо твоему батькови, скильки икры поила, та тильки двадцать поклонов ударила, иди ще двадцать положи, тоди и ляжешь". Терпение у меня начало истощаться, так как мне сильно хотелось спать, и я говорю: "Батюшка, если бы я знала, ни за что б не ела вашей икры". Старец гонял меня до тех пор, пока я не положила сто поклонов и через свою икру не дал мне спать почти всю ночь". Эта самая Мария Величкова, девушка из крестьян села Николаевки, Таганрогского округа, пришла к старцу Павлу лет за пять до его смерти за благословением, идти ли ей замуж или в монастырь. По докладу послушниц ее впустили к старцу Павлу в ту комнату, где он обыкновенно принимал посетителей. Комната эта считалась приемной, в ней стоял образ Божией Матери "Млекопитательницы". Когда она вошла сюда, то послушницы и говорят ей: "Ты смотри на образ Божией Матери, а не на батюшку, когда он будет говорить с тобою", но она так думала в себе: икону Божией Матери я и в церкви буду видеть, а теперь буду смотреть на старца Павла, что он мне будет

говорить, недаром же я летом два дня работала мужику за то только, чтобы он повез меня к старцу Павлу. Старец Павел вышел ко мне, посмотрел на меня да и говорит: "Ою, дивчина, и умрешь у мене, я тоби справлю черный халат и черный платок и будешь жить у мене и никто и знать не буде". И сбылось слово старца: прожила она при старце Павле у него пять лет и осталась жить в его келий после смерти его и до настоящего времени живет уже 31 год, поминая его, прославляя Господа и подражая подвигам его праведной жизни.¹

Дом, где жил и скончался старец Павел, в настоящее время называется в Таганроге подворьем старца Павла и находится на Депальдовском переулке под № 88.

Еще у старца Павла жила одна вдова, именем Пелагея, она была спокойного характера и при этом ленивая. Бывало, влезет на печку и спит там, в то время, когда другие стоят на молитве. Что же ей делал мудрый старец? Желая приучить ее побеждать свою лень и не предаваться чрезмерному сну, старец часто подвигал ее к невольному бодрствованию. Была у него в доме кошка с котятками, которых он любил, и вот после молитвы, когда все уже положатся спать, старец, сидя в своей келий на скамейке, кричит своим громким голосом: "Палага, де ты есть? А лыхо твоему батькови, наилась, та напилась, та й спать на пичку лягла, несы мини кошок". Пелагея с великим трудом слезает, бывало, с печки, ловит котят и несет их к старцу; старец велит ей пустить котят к нему на скамейку, где он лежал, котята лезят вокруг него, а старец их гладит и ласкает, Пелагеи же и след уже простыл, - она снова лежит на печи. Чрез несколько минут котята поразбегутся по келий, и старец опять кричит: "Палага, кошки поразбиглись, несы мини их сюда, а лыхо твоему батькови, опять уляглась!" Пелагея опять с великим трудом встает с печи и собирает котят - и так несколько раз в продолжение ночи. Так старец побуждал ее преодолевать и побеждать свою лень.

Из рассказанного видно, как старец Павел подвизался ради своего спасения и спасения своих близких, живущих у него; как он располагал их к тем же подвигам и трудам, которые нес сам; и не только близких, но и людей, приходящих к нему (посторонних), он также наставлял на путь спасения. Он располагал их к благочестию и

¹Послушница Мария Величкова полвека прожила в келий старца Павла, ухаживала за домом и могилой старца. Умерла в 1943 году в возрасте 90 лет. (Ред.).

добрым делам, в особенности, чтобы почитали воскресные и праздничные дни. Из будничных дней старец учил почитать в особенности пятницу. Женщинам часто говорил, чтобы в этот день (пятницу) не шили, не мазали, не стирали и хлеба не пекли, кроме живущих при церквах, которым после богослужения разрешал для нужд храма кое - что сделать (вымыть полы, спечь просфоры и др.). Так свято чтит старец сам и людям внушал почитать тот день, в который Христос Бог наш пострадал ради нас грешных. Очень оскорблялся старец и наказывал тех из своих послушниц, кто осмеливался нарушать его заповедь о воскресных и праздничных днях. Печь хлеб и готовить обед приказывал в субботу. Одна послушница старца, кухарка Василиса, забыла старческую заповедь и без благословения его спекла в великий праздник в большом горшке лапшевник и, идя в церковь, поставила его в печь, чтобы он допекся, и говорит тихонько другой послушнице, чтобы не слышал батюшка: "Немного погода выймешь лапшевник, чтобы не пригорел". Только что вышла Василиса за ворота, как старец подзывает эту послушницу и говорит ей: "Настасья, шо тоби Васылыса приказувала, як ишла в церкву". Настасья сказала. Тогда старец, услышав ее ответ, сильно оскорбился, что нарушают его приказание. В это самое время пришла к нему одна бедная женщина верст за 50 от Таганрога, у которой было много детей; старец тогда приказал Настасье достать из печки лапшевник и, высыпая его из горшка в сумку, сказал женщине: "На, несы его до дому, та кормы дитей". Когда кухарка пришла от поздней обедни, то лапшевника уже не было. В другой раз, пренебрегши приказанием старца, живущие у него сварили борщ в воскресенье без его позволения, и старец велел выбросить этот борщ вместе с горшком под забор. Так же поступал старец и в отношении продуктов, привозимых ему в подарок. Однажды какой-то крестьянин привез старцу мешок муки. Старец провидел, в какой день она смолота (в воскресенье), и велел ее тотчас же высыпать под забор, и, когда ее высыпали, то видели в ней много ползающих червей. Так строг был старец в почитании праздников, что бесполезным считал и ту пищу, которая приготавливалась в праздничный день.

Старец Павел больше любил жить жизнью внутреннею, духовною, а потому мало заботился о внешней чистоте и опрятности. Послушницам своим не велел часто подметать келию, а только по субботам, причем сор из келий не велел выбрасывать на улицу и во

двор, а чтобы все выметаемое палили в печке (у него в келий было две русских печи, которые топились кизеком), причем золу из печи собирали в чучалы, и она стояла в келий старца три дня. В одно время старец отправился в церковь; по его уходе послушница Настасья вместе с другими вымыла все помещения в доме, прибрала и была очень довольна, что чисто. Приходит старец из церкви и смотрит, что в его келий все прибрано и полы вымыты: он подзывает себе послушника Иоанна и говорит ему: "Иван, неси у мою хату чучал золы". Удивленный Иван принес золу и смотрит, что будет дальше. "Ну, Иван, теперь клади его (чучал) на полу та бери за гузыри и тягни его по всей хате"; он потянул и такую пыль произвел, что в келий сделалось еще хуже, чем было до уборки, чем сильно огорчил старец тех, кто убирал его комнату. По мысли же старца, они не должны были огорчаться, так как сделали это вопреки его воле, нарушив послушание. А как строг был старец Павел в отношении к нарушающим его послушание, показывает следующий случай. В одно время одна из послушниц старца пошла на базар купить горшок для варева и при покупке его сильно торговалась с продавцом за цену, и вот, когда принесла послушница его домой и, наливши воды, поставила его в русскую печь, то вода в нем так сильно бурлила при нагревании, как будто кто нарочно ее руками взбалтывал. Об этом сказали старцу Павлу, и он велел тот горшок разбить, прибавив, что это от того (вода колыхалась сильно), что очень спорила за цену.

Старец так любил правду и во всем поступать по совести, что изменить ей считал большим грехом, так что не дорожил никакою вещью, если она была приобретена в ущерб спокойствию совести, как показывает этот случай. Возлюбив чистоту душевную паче, нежели телесную, старец стремился к ней всеми силами своей души и старался поддерживать ее неослабными трудами и молитвенным подвигом. Высшее наслаждение его и утешение состояло в молитве к Богу и делании добрых дел. Каждый день и каждую ночь в его келий читали акафисты Спасителю, Божией Матери и другие. Особенно любил старец акафист Казанской Божией Матери. Жила у него одна девочка, именем Агриппина, из села Платова, и он заставлял ее каждый день читать этот акафист, и платил ей за это по 12 бубликов и орешков, и богомольцам, молящимся в его келий за усердие в молитве и поклонах, платил бубликами, франзолями и лимонами; хлеба и бубликов покупал старец каждый день рубля на три-четыре, целыми мешками. Любил

старец Павел, чтобы из его келий никто не выходил с пустыми руками, и его щедродательная десница никогда не оскудевала, до самой смерти его келия никогда не была пустая, и живущие у него жили при нем в довольстве и безбедно. Странники заходили к нему целыми группами, и всех их старец накормит и напоит, бывало, и на дорогу еще кой - чего даст не только из съестного, но кому даст сапоги, кому башмаки.

Слух о подвижнике Павле прошел далеко за пределы Таганрога, во всех окрестностях верст за 70-100-150 очень многие знали старца Павла, часто посещали его и давали ему от своих имений пожертвования, чтобы он употребил их на добрые дела, ибо все были уверены, что деньги, данные ему, не пропадут даром и что старец распорядится ими с пользою для их душевного спасения. Выше всех жертв и приношений Богу он считал бескровную жертву за грехи людей Сына Божия Господа нашего Иисуса Христа, посему сам часто любил нанимать обедни и людям внушал то же и считал это высокою добродетелью. Обедни часто нанимал старец в церкви св. царя Константина и Елены, где при его жизни священнодействовали священники: о. Николай Бояров и о. Феодор и диакон Захария, которые любили и уважали старца. Старец любил, чтобы заказанные им обедни совершались по преимуществу в приделе св. Спиридона, милосердию которого к людям он сам подражал. Заказывал также обедни и сорокоусты в Иерусалимском греческом монастыре и часто приобщался там Св. Христовых Таин, когда же ослабел и стал престарелым старцем и не мог выходить из своей келий, то каждую субботу приглашал к себе иеромонаха сего монастыря о. Вениамина, который приобщал его Св. Тайн. И вот, когда он, бывало, исповедовал старца, то старец Павел говорил ему: "Батюшка, я девушек гоняю и кричу на них", - а тот и скажет: "Павел Павлович, терпеть надо, терпеть надо". Незадолго до смерти старца возникло гонение на этого иеромонаха Вениамина, духовника старца Павла, и так ему пришлось плохо жить, что у него истощилось уже терпение - хоть бросай монастырь, а уехать в Иерусалим до окончания срока назначения (срок был шестилетний) он не имел права. Вот приходит он однажды со Св. Дарами к старцу и говорит ему: "Ну, Павел Павлович, прощай, уезжаю в Иерусалим прежде назначенного мне срока, потому что нет сил у меня переносить нападки и гонения на меня архимандрита". А старец и говорит ему: "Батюшка, ты ж мини казав, шо терпеть надо, а сам не терпышь". И старец очень пожалел, что он уезжает, и сказал: "Жаль

мини, шо уже немного осталось мне приобщать, а ты, батюшка, уезжаешь, ну, Бог тебя не оставит Своею милостью".

Заканчивая описание домашней жизни старца, его подвигов, понесенных им ради спасения души, его наставлений людям, приходившим к нему за советами, - нельзя не видеть в них того, какую жизнь великую истинно христианскую подвижническую вел блаженный старец Павел; не даром к нему всегда приходило

множество народа, который сердцем чувствовал,

что старец был истинный раб Божий

и что Господь его слышал и исполнял

его святые молитвы ко спасению

с верою обращавшихся

к нему людей.

**ЛЮБОВЬ СТАРЦА К СВЯТЫМ ОБИТЕЛЯМ
И СТРАННИЧЕСТВУ
ПОСЫЛКА В СТРАНСТВИЕ ЛЮДЕЙ,
ЖИВШИХ У НЕГО, И НАСТАВЛЕНИЯ ИМ**

Ранее было упомянуто, что старец Павел любил святые обители и, живя еще в доме своего родителя, ходил однажды целый год по монастырям. Эта любовь к святыням русского народа и впоследствии не оставляла старца, а напротив, усилилась. Живя в Таганроге, он по временам оставлял его ради путешествия по святым местам, и эти путешествия еще более укрепляли его в подвигах ради имени Христова, которые он с любовью и великим терпением переносил, оставив род свой, имение и дом отца своего. Никто из живших с ним не знал, имел ли он переписку с своими родными после оставления родительского дома, но многие удостоверяют противное, что он никогда почти не вспоминал своих родных.

Когда старец Павел предпринимал путешествие по святым местам, то всегда брал с собою спутников, большею частью, простых женщин, ходивших к нему. И вот эти женщины рассказывали, что когда они ходили со старцем в Киев, то заходили по пути в Черниговскую губернию на родину старца. В то время старший брат его был жив и, долго не видя своего брата Павла, сильно обрадовался приходу его. Как раз случилось, что в то время у него собрались гости, и было пиршество, и сколько он ни звал брата в свои палаты, старец не вошел в них, а по смирению своему остановился со своими спутниками в кухне и, переночевавши одну ночь, рано утром опять отправился в дальнейшее странствование. Многим этот поступок старца может показаться странным и неодобрительным, но нужно помнить ту строгость, с которой старец следил всегда за каждым своим шагом. Он не чуждался своих родных, напротив, он желал их увидеть, для чего и зашел и принес им даже гостинец из Таганрога - лимонов,

чуждался же он той суеты, которую решил оставить раз и навсегда ради любви к Господу.

Путешествуя по святым местам, старец не раз водил своих паломников на поклонение святым угодникам Северной страны - к свв. Зосиме и Савватию и другим угодникам Божиим. Рассказывают путешественницы, ходившие с ним, о тех трудах и лишениях, которые им приходилось переносить, и как старец Павел заботился о них. В Северной стороне очень скудно на пищу, там досыта и хлеба не поешь, там испытаешь и холод, и голод; для того старец Павел и водил туда своих паломниц, чтобы не только поклониться святым угодникам, но чтобы и пост понести, и труд, и лишение. "Бывало, дойдем до города, стоящего на пути, то закупит нам батюшка белого хлеба и меду и всего, что требуется в дороге, накормит всех нас досыта, и мы, отдохнувши, продолжаем путь".

Старец Павел неоднократно предпринимал путешествие по святым местам, так что дорога была ему хорошо известна; в лежавших на пути поселениях он многих знал, знали также и люди старца, особенно торговые, которых он на пути выручал, и с особенной любовью и уважением вспоминали его. Во время ночных остановок старец Павел обыкновенно всю ночь предавался молитвенным подвигам, спал же мало. "Когда же, вставши рано, бывало, пройдем верст 10-15 от места ночевки, - рассказывали паломницы, - старец вдруг вспомнит, что забыл какую-нибудь вещь, и скажет нам: "Ах, рабы Божий, мне нужно воротиться назад, я забыл то-то, а вы сидите и отдыхайте". И старец, как будто не чувствуя утомления, отправлялся назад, а мы за время его отсутствия успеем и выспаться, и отдохнуть. Что же старец? Вместо того, чтобы пришедши дать и себе какой-нибудь отдых, обыкновенно говорил: "Ну, рабы Божий, вставайте да будем идти, бо уже не рано". Бывало, целый день идет без отдыха: очень хорошей силой и неутомимостью был наделен старец от Бога и не сокрыл ее в себе, а послужил ею ради Христа "во спасение свое и ближних". Любовь к святым обителям и странничеству у старца Павла была настолько велика, что когда он, вследствие своих старческих немощей, не стал ходить на поклонение, почти ежегодно посылал в странствие живших у него и приходивших к нему людей. Бывало, зиму проживут у старца несколько душ, а весною справляет им батюшка все необходимое в путь, даст им денег рубля по три-четыре на дорогу и провожает их в Киев или другие места и строго

приказывает им, чтобы из Киева непременно заходили в Почаев к Божией Матери, так говоря: "Кто в Києви буде, а Почаев мине, той и в Києви не бував". Странникам своим всегда велел на пути по деревням просить хлеба или сухарей у местных священников, говоря: "Кто в странствии не просит Христа ради, тот и не странник".

Приведем здесь случай, показывающий, что от старца не было сокрыто и будущее. В одно время собрал старец Павел душ пять или шесть женщин и, посылая их на поклонение к Соловецким угодникам, говорит на свою упомянутую выше послушницу Устинью: "Устя, тумбу-тумбу, та дойде до Соловецка, а Мария верныця". Эта Марья была женщина тихая и спокойного характера, а потому все удивились словам старца: чего ж Марья вернется? И вот они, собравши свои полные сумки, пошли в путь. Провожая их, старец дал им в дорогу, по обычаю, всего: ботинки, чулки, по гребешку, маслин, просфор и масла; любил старец, чтобы у каждой странницы была своя вещь, чтобы между ними в дороге не было ропоту и каких бы то недоразумений. Старец так говаривал: "Лыхо вашому батькови, и свой пазухе не вирь". Скажем дальше, каким же образом эта Мария вернулась обратно. Шли они уже несколько месяцев и зашли в глубокую Россию. В одном месте недалеко от речки сели они отдохнуть, а Марья и говорит: "Я пойду вперед дойду до речки и там вас буду ожидать, да кетати и помою себе что нужно". И пошла. Дорога проходила лесом, где легко заблудиться. Отдохнувши, странницы пошли дальше, по направлению к реке, где оканчивался лес и, несмотря на тщательные розыски Марьи, они не могли ее найти; исходили всю ту окружность, звали ее, людей проходивших спрашивали - так и не разыскали ее, вероятно, она пошла по другой дороге и, в свою очередь, не могла их найти вследствие чего, долгое время проискавши своих спутниц и побоявшись идти дальше, принуждена была воротиться обратно домой, - вот так сбылись над ней слова старца: "а Марья верниця".

К старцу Павлу ходили из села Голодаевки мать с дочерью; дочь была тогда еще молодая девушка, и имели они к старцу такое доверие, что по его благословению и желанию ходили в Соловецкий монастырь шесть раз. Во время этих путешествий много трудов и лишений они приняли, так как расстояние пути от Таганрога до Соловецкой обители около 3000 верст, старец же давал им на дорогу только пять рублей и, бывало, говорит: "Нате вам на дорогу пять цилковых та й буде з вас, а шо не стане, то я и так вам дам", разумея

при этом свои молитвы о них к Богу, по которым, он надеялся, Господь не оставит посланных им в путешествие. Однажды посылает их старец в Соловецк и дает им денег на дорогу пять рублей да и говорит: "Ось бачите, сколько я вам даю гроший - пять цилковых, та ще нате вам сорок копеек серебром, оеж дывысь, шо я вам даю ще сорок копеек серебром, та глядыж даю сорок копеек серебром", - и старец несколько раз повторил это твердо й отчетливо. Что ж случилось с ними? Простившись с дорогим старцем, они пошли в путь и не успели выйти за город, как начали встречавшиеся с ними люди давать странникам деньги - серебро, чего с ними раньше не случалось, в таком количестве, какого они никогда и не подумали иметь. Пришедши до первого места остановки, они стали считать пожертвованные им деньги и как раз насчитали сорок рублей серебром.

"Поблагодарив Бога и Его верного раба старца Павла за его святые молитвы о нас (мы глубоко верим, что действительно за его молитвы Господь послал нам эти сорок рублей), мы отправились в дальнейший путь".

Гликерия и дочь ее Лукия много рассказывали, какой был мудрый наставник и прозорливый старец, сколько слов, сказанным им в виде предсказаний о жизни людей, а также и дел, совершенных им, прямо-таки поразительных исполнилось и не оставалось напрасным - свидетели тому все, обращавшиеся к нему и испытывшие на себе то, что он говорил им и делал.

"В одно время послал нас старец в Соловецк и дал нам денег, чтобы мы купили там деревянных ложек. Мы исполнили приказание старца и несли купленные ложки с великим тщанием, чтобы дорогою их не потерять и не поломать; ложек было 30 штук. Пришли мы в Воронеж и остановились в монастыре св. Митрофания, в корпусе для богомольцев, где монах дал нам сундучок для хранения вещей. Мы туда спрятали кой-какие вещи и ложки, купленные для старца Павла, и сами отправились в церковь. Какое же несчастье приключилось с нами: по приходе из церкви мы отперли замкнутый сундучок и, к своему ужасу и скорби, не нашли там старцевых ложек, - они были украдены. Погоревавши вволю и много проплакав от мысли, как нам теперь являться к старцу Павлу, мы поехали домой, но старец как бы наперед уже знал, что с нами случилось, и когда мы вошли в его келию, не сказав еще ни одного слова, как старец нам напомнил за ложки: "Лукерья, ну принесла мини ложки?" Та со слезами упала старцу в

ноги и сказала: "Простите меня, батюшка, ради Христа". Старец же ей так ответил: "А лыхо твоему батькови, сколько я тебе учу, шо никому не вирь, даже и свой пазухи не вирь, а ты все мине не слухаешь, ты б пошила сумку, та надила б через плечи, та й носила всегда с собою и в церкву б с нею шла, теперь же иди назад у Соловецк за ложками". Пришли они из путешествия осенью и еще хорошо не отдохнули от пути, как старец опять им назначил идти обратно. Сколько они не умоляли его разрешить перезимовать, ничего не вышло. Так они и пошли обратно во вторичный путь, не посмев послушаться старца, так как видели его благочестивую жизнь и уважали в нем великого раба Божия.

Однажды мать Гликерия и дочь Лукия были у старца Павла, и когда уходили от него домой, то старец дал Лукии шесть рублей и говорит: "На тоби, дивчина, шесть цилковых, воны тоби пригодятся". Она очень удивилась такому поступку старца, потому что, когда они ворочались домой, то старец никогда не давал им денег. Она и говорит ему: "Батюшка, не надо мне денег", а старец ей отвечает: "А лыхо твоему батькови, хозяина учишь! На гроши!" - "Я взяла эти деньги, и пошли мы с матерью домой. Когда мы вышли за город вдруг с матерью сделалось дурно, она заболела своею обычной болезнью, и я принуждена была просить проезжих людей довести ее до ближайшего села Покровского, где у нас были знакомые. Приехали мы туда уже поздно вечером, а ночью матери стало еще хуже, так что чуть свет я пригласила приходского священника, который ее маслособоровал и причастил Св. Христовых Тайн, за что я и дала ему четыре рубля из старцевых денег, которые таким образом по слову старца игодились мне. По уходе священника моя мать сделалась без чувств и сейчас скончалась, и мы ее по христианскому обряду приготовили к погребению и положили на стол. Что было нужно к погребению, я купила за остальные 2 рубля из денег, данных мне старцем. Я и все, видевшие мою больную мать, были твердо уверены в ее несомненной смерти, но что ж случилось! Покойница по прошествии 6 или 7 часов, к нашему ужасу, вдруг встает со стола и, наверное, сама перепугавшись случившегося с нею, ничего не говоря, взяла меня за руку и, не протрившись ни с кем, повела меня домой в свое селение".

В то время, когда умершая Гликерия лежала у своих знакомых в селе Покровском, ехала чрез это село к старцу Павлу одна почитательница его, знавшая как умершую и ее дочь, так и людей, где

они остановились. Заехав к ним, она увидела там знакомых ей старуху Гликерию и ее дочь. Погоревавши о такой нечаянной смерти и попростившись с покойницей, она уехала в Таганрог к старцу Павлу, и вот, увидев ее, старец спрашивает: "Ну, Олена, шо ты бачила на дорози?" Вспомнив виденное на пути, сказала старцу, что Лукерья в Покровской умерла, а старец ей: "Та я без твого батька знаю, шо вона умерла, та ще й оживе, та ще й довго буде жыть на свити", что и исполнилось: она прожила после того 20 лет. После эта Гликерия рассказывала, когда она была в обморочном состоянии во время болезни и ее приняли за умершую, то она видела старца Павла в будущей блаженной жизни, где старец находился сидящим в прекрасном месте, окруженный великою славой, и при посещении старца говорила это ему; старец же улыбаясь отвечал ей: "Ого як я далеко забрався", по смирению своему не считая себя достойным той великой чести, какой Господь удостоивает Своих избранников.

Обыкновенно старец Павел посылал на богомолье странниц по несколько душ, а упомянутых выше мать Гликерию из села Голодаевки с дочерью ее Лукией посылал двоих. Однажды, посылая их в Соловецкий монастырь, старец снабдил их в путь всем необходимым: дал им деревянного масла, свечей, ладану, денег, новые башмаки и чулки и вдобавок дает им две толстые холстяные бурки.

Сколько они ни упрасивали батюшку не обременять их такой тяжелой ношей, никакие их просьбы и слезы не могли избавить их от этих бурок, старец стоял на своем и гневно говорил: "Та берить, лихо вашому батькови, воны вам там приходяця, що и мени скажете спасиба, шо дав их вам". Они, взявши эти бурки и попростившись с дорогим старцем, пошли в свой путь; вот прошли они уже немалое расстояние, как в один день разразилась такая сильная гроза и полил такой сильный ливень с градом, какого им никогда не приходилось даже видеть. В это время они находились в степи и не имели никакой защиты от непогоды, кроме тех бурок, которые дал им старец; они накрылись ими и благодаря только им остались здоровы и благополучны. Когда дождь перестал и они вышли из-под бурок, то со страхом увидели, какое им грозило несчастье, а может быть, и смерть, если бы не было у них этих бурок: град был настолько велик, что покрыл землю на две четверти и величиною достигал куриного яйца. Тут-то они вспомнили своего благодетеля старца и благодарили Бога

за Его милосердие, что Он открыл Своему угоднику их несчастье, и молились за дорогого батюшку, предупредившего это несчастье.

Еще раз послал их старец в Соловецкий монастырь с наказом обойти и другие святые обители Северной страны и дал им на дорогу пять рублей на обоих. Они же, зная по опыту, как велика дорога в Соловки, а также немало и нужды во время путешествия, долго горевали и плакали, что мало дал им старец на дорогу денег. Между тем весь путь по приказу старца они должны были всегда совершать пешеходом, а не ехать, кроме водяных путей; старец и сам всегда странствовал пешком, даже и денег никогда не посылал по почте, а всегда с паломниками или с нарочными людьми. На прощанье старец и говорит Гликерии: "А лыхо вашому батькови, та чого вы плачете, я вам и на дорози дам". Попросивши у старца благословение и простившись с ним, они с прискорбием отправились в путь, но не отчаивались в милости Божией, веря, что по молитвам праведного старца Господь не оставит их в пути Своею помощью. Вера их не обманула. Прошли они небольшое расстояние и остановились в одной экономии, где жила одна богатая и благочестивая барыня. Увидавши странниц, она позвала их к себе в дом, расспросила, откуда и куда они идут, и, услышав от них о благочестивом старце Павле и расположившись к ним, дала им на дорогу двести рублей и сказала: "Нате вам, рабы Божий, эти деньги, молитесь за меня и поминайте моих родителей". Тогда они прославили Бога и Его подвижника старца Павла и со слезами благодарности вспомнили его слова, которые он им на прощанье сказал: "Я вам и на дорози дам"; они действительно поверили, что Господь им послал эти деньги по молитвам за них старца Павла за его великую веру и любовь к Богу и за его добродетельную жизнь.

Послушание старец считал основой добродетельной жизни и всегда наставлял живущих у него в келий и приходящих к нему людей иметь послушание к Св. Церкви, пастырям духовным и наставникам. Послушание выше поста и молитвы, часто говорил он и крайне обижался своеволием и нарушением его правил, и, справедливость требует отметить, что приходящие к нему действительно охотно слушали его и повиновались ему. Старец не того считает своим, кто у него живет, а того, кто исполняет его наставления, слушает его и старается в жизни подражать ему. Эту мысль он выражал, когда делал наставления людям. Так, бывало, когда некоторые стоят пред ним на

колених и без шапки, выражая как бы свою преданность старцу, то он, провидя их лицемерие, обыкновенно говаривал, что в ногах и шапке правды нема, потому что "як перед батюшкой, то на ногах, а як от батюшки, то творят шо хотят".

К старцу неоднократно ходил один человек по имени Иван и так себя держал перед старцем смиренно, чуть не святой, а старец, бывало, и скажет ему: "Пока у мене, так Иван, а як с двору выйде, то Роман". Так по милосердию Божию многое было открыто старцу Павлу за его добрую жизнь и любовь к Богу, даже и человеческие помышления. Упомянутая выше девица Лукия рассказывала, как старец за 10 лет провидел, что случится с одной женщиной по имени Евдокия. "В одно время посылает батюшку меня и Евдокию в Мариуполь к чудотворной иконе Божией Матери, называемой "Смоленской", и дал отнести в жертву Божией Матери ладану, масла и свечей, а нам на дорогу бубликов, булок, маслин и лимонов и еще дал большую девяточинную просфору, да и говорит Евдокии: "На тоби, Явдоха, оцю просфору, да гляды ей бережы, не ловы ворон, а то щоб случаем свиня у тебе ей не зъила, та смотри ж бережы". Попросивши благословение у старца и его св. молитв и простившись с ним, мы отправились в путь. Дошедши до села Барандакина, находящегося в семи верстах от Таганрога, мы, уставши, сели отдохнуть в тени под одной хатой и, развязавши свои сумки, достали оттуда провизии, чтобы закусить, а Евдокия вынула и просфору. И что же случилось? Откуда ни взялась из-за угла свинья и моментально схватила лежавшую на земле просфору, и прежде чем мы бросились отнять ее, она успела ее съесть, так что мы собрали только одни крошки. Испугавшись своей небрежности, мы вспомнили слова старца и его приказание беречь эту просфору и от горя начали плакать и говорили: как же мы теперь явимся к батюшке? Погоревавши, мы расстроенные пошли в дальнейший путь. Сходили к Царице Небесной и опять воротились к старцу, который при встрече сказал Евдокии: "Ось бачишь, Явдоха, як я тоби ни прыказував, а ты не сберегла просфоры". Через несколько времени посылает он эту самую Евдокию с другими паломниками в Киев и надевает ей своими руками на шею медный крест и строго-настрого приказывает: "На тоби, Явдоха, цей крест, та смотри, та смотри ще креста не потеряй". Наученная прежним несчастьем с просфорой, данной ей старцем, она теперь всячески старалась беречь данное ей от старца благословение - св. крест; она

привязала его на крепкую веревку и, кроме всего-крест ниткой привязала к веревке и чуть не ежеминутно ощупывала его на своей груди. Получив благословение в путь, она вместе с богомольцами отправилась в Киев и недалеко от Киева остановилась на ночлег. Наутро, пред отходом в дорогу, она по привычке ощупала свою грудь, чтобы узнать, есть ли на ней крест или нет, и почувствовала, как будто креста на ней нет. Сняв с себя одежду, она к великому ужасу увидела, что креста на ней не оказалось - он был утерян. С великою скорбью и слезами на глазах пришла она в Киев и, поклонившись его святыням, отправилась в Почаевскую лавру и затем возвратилась обратно в Таганрог к старцу, прося у него прощения за свою рассеянность. Старец Павел долго и грозно выговаривал ей: "А лихо твоему батькови, Явдоха, потеряла крест, потеряла ты и просфору", и, несмотря на ее мольбу о прощении и ее слезы, старец ничем ее не утешил. Все случившееся с Евдокией не прошло даром, оно имело для нее роковое последствие: через десять лет она отпала от Св. Православной Церкви и перешла в хлыстовскую секту. Так сбылись на ней старческие слова: "потеряла, Явдоха, крест, потеряла ты и просфору". Крест и просфора, данные ей старцем, есть символы св. веры Христовой: крест означает учение Православной веры о нашем спасении, а просфора - совершаемые в Православной Церкви Св. Тайны Тела и Крови Христовых.

В одно время старец Павел послал в странствие несколько душ женщин и по своему обыкновению дал им на дорогу для их потребностей полные сумки всего нужного в пути и, между прочим, дал им всем по гребешку - так он делал для того, чтобы между ними не было ссоры и перебранки, и когда какая-нибудь из них осмеливалась сказать: "Батюшка, мы и одной вещью помиримся", старец обыкновенно говаривал: "А лихо твоему батькови! Хозяина учишь! Та вы там и за копейку побьетесь". Давая всем гребешки, он в этот раз одной из них забыл дать гребешок. Выйдя за город, эта странница, по имени Параскева, вспомнила, что ей батюшка забыл дать расческу и, попросивши своих подруг немного ее подождать, вернулась к старцу за гребешком, но, прошедши малое расстояние от своих подруг, увидела на дороге лежали два гребешка. Осенив их крестным знаменем, она взяла их и пришла к старцу, который, встретив ее, сказал: "Параска, чего ты до мене вернулась?" Она сказала ему: "А вы, батюшка, забыли дать мне на дорогу гребешок, вот я затем и вернулась

к вам". Тогда старец ответил ей: "Та я ж тоби дав уже, чога ж ты до мене шла". Эти слова удивили Параскеву тем, что найденные ею гребешки старец усвоил себе, как будто он их ей дал, и она приписала свою находку силе молитв старца.

В другой раз старец Павел собрал несколько женщин и послал их пешком в Криничку (верст 50 от Таганрога) на поклонение к храму Иконы Божией Матери, именуемой "Живоносный Источник", и дал им отнести в храм пожертвование от своих праведных трудов - восковые ставники (большие свечи), деревянное масло и ладан и, когда провожал их, то сказал: "Смотрить там, щоб бувало случаем вы вороны не уловили, та не потеряли ставников".

Всем провожавшим он строго наказывал, чтобы они никогда не оставались ночевать в городе, и так говорил им: "Идить за город, там Бог вам подводу пошлет, а не то на будочки переночуете" и не позволял своим путешественникам никогда проситься у проезжих, чтобы с ними ехать. "Когда же сам человек пригласит, тогда и езжай с Богом", - говорил старец. Посланные им женщины, простившись и получивши от старца все следуемое и благословение, пошли в путь и только что вышли за город, по своему малодушию забыли слова старца и стали проситься у проезжих мимо людей подвезти их. Такое пренебрежение к словам старца не прошло для них безнаказанно. Господь с первых же часов дороги посылал на них неудачи. Своими нахальными просьбами они ни в ком не встретили себе сочувствия и продолжали идти пешком, высказывая свой ропот и неудовольствие на трудность дороги и обижая словами отказывающих подвезти их людей. Уже далеко отошли они от Таганрога, уже прошли и деревню Каменный Мост, уже и сумерки наступили, а они все продолжали идти; вдруг увидели они: едет с поля один крестьянин на гарбе, запряженной двумя парами волов. Побоявшись идти ночью, они стали спрашивать его ради Христа, чтобы он подвез их до своей деревни, но он не позволил им сесть на воз. Какими словами только они его ни упрашивали: и дорогой, и голубчик, и дяденька, возьми нас Христа ради. Крестьянин остался непреклонным и не позволил им сесть на свою подводу; тогда они, воспользовавшись темнотой, нахально положили на гарбу свои вещи и сами влезли на нее. Когда они приехали в деревню, то крестьянин стал их гнать с воза кнутом, и они, сняв свои вещи, пошли по деревне искать себе ночлега, но нигде не могли найти себе пристанища, так как вся деревня уже спала, и они

принуждены были воротиться опять ко двору того крестьянина, который их прогнал; стали они упрашивать переночевать у него дома, так как им некуда было деться, а идти из деревни в степь они побоялись, потому что ночь была очень темная. Упорный крестьянин не впустил их в свой дом, и они, переночевавши во дворе у него, рано утром отправились дальше. К великому прискорбию, собирая свои вещи пред отходом из двора крестьянина, они нигде не могли найти тех ставников, которые передал старец для церкви Божией Матери в селе Криничка, - наверное, они утеряти их ночью в степи. Но неудачи их не ограничились потерей ставников, и в дальнейшем своем путешествии они испытывали одни неприятности и даже по приходе в Криничку у тех людей, которые раньше их радушно встречали как посланниц от старца Павла, им теперь была не особенно радостная и приятная встреча. Так же сурово встретил их по приходе домой и старец, строго их обличил за непослушание и малодушие, говоря: "Абы вы, лыхо вашему батькови, дочки, ишли с Богом и надиялись на Бога, вот вам Господь и пидводу б послав и ставников бы вы не потеряли, а то вы ще не выйшли с города и, кто иде, обвертаетесь назад та кричите "га-га", вот вас Господь и наказав". Сделав им отеческое наставление, старец простил их Христа ради и отпустил их успокоенных домой.

В одно время послал старец Павел в странствование несколько женщин и дал им на дорогу по обычаю полные сумки всего необходимого, и они, напутствуемые его благословением, вышли в путь и только что отошли от двора, как старец воротил одну из них и дал ей чулки со словами: "На, бабо, тоби оци чулки, та несы, воны тоби дуже пригодяться". Получив чулки, эта женщина пошла догонять своих спутниц и дорогою пришла ей скорбная мысль, что, наверное, с нею что-нибудь случится нехорошее, а может быть, ее постигнет смерть - недаром ей батюшка дал на прощание эти черные чулки. Пройдя довольно пути, она немного успокоилась, и впечатление от чулков изгладилось из ее памяти. Пришли они в глубокую Россию и остановились ночевать в известном им месте у одной женщины, которая хорошо знала старца Павла и даже принимала его у себя во время его странствования в Соловецкую обитель. Расспросив у путниц, откуда и куда они идут, и узнав, что они посланы старцем, эта женщина воспламенилась такою любовью к нему, что много и долго расспрашивала о праведном старце и между прочим сказала, что и сама

с дорогой душою поехала бы к старцу в Таганрог, да путь далекий и средств у нее для этого нет, и с большою настойчивостью стала она просить у странниц хоть какой-либо вещи от старца, чтобы ею порадоваться и была бы она дорогой памятью о нем.

Тогда женщина, которой старец дал чулки, вспомнила о них и подарила ей на память, говоря: "На ж тебе, сестра, эти чулки, которые батюшка дал своими руками, верно, тебе". Получивши чулки, принявшая их женщина от радости залилась слезами и благодарила доброго старца.

Когда возвратились путешественницы к старцу и рассказали ему за чулки, то он им ответил ласково: "А то-то, а вы все не слушаете". Православные люди видели ту праведную жизнь, которую вел старец, видели его глубокую веру в Бога, чувствовали, что слово его никогда не расходилось с его святыми делами, и невольно благоговели пред ним и почитали в нем не обыкновенного человека, а старца Божия, избранного Им добрым примером и наставлениями руководить приходящих людей ко спасению; да и сам старец хорошо понимал цель своей жизни: он не только сам жил ради служения Христу Спасителю своему, но желал, чтобы и другие так же жили; ради спасения своих ближних душу свою готов был положить за них.

И эта святая жизнь ради спасения ближних
так прославила старца Павла, что имя его
стало известно не только в Таганроге,
но и далеко за пределами его во
всей окружности и даже
в дальних пределах нашей
обширной
родины -
России.

**ЛЮБОВЬ СТАРЦА К НАРОДУ;
ПРИЕМ ЛЮДЕЙ, ОБРАЩАВШИХСЯ К НЕМУ
ЗА СОВЕТОМ И МОЛИТВОЮ,
И НАСТАВЛЕНИЯ, КАКИЕ ОН ИМ ДАВАЛ**

Благочестивый старец Павел

вел всех, приходящих к нему, ко спасению чрез свои наставления, учил их делать добрые дела, проводить время в труде и почитать праздники Господни и воскресные дни. Приходили к нему по преимуществу простые сельские люди, которым он строго запрещая работать по праздникам и объяснял людям великое значение праздников и так учил их почитать, что даже и воды не велел наливать в воскресный день, а "дождьсы полночи, тоди иды и работай що угодно, то и Бог тоби поможет во всем".

Старца всегда посещало много народа из Черномории и из-за Дона и всей Азовской окружности, и все рассказывали очень много о его предсказаниях, милосердии и добрых его делах: как он всегда учил людей молиться Богу, ходить в храм Божий" чаще говеть, чтобы в домах у них всегда горели лампы пред образами неугасимо. Неимущим, да и состоятельным людям, дарил бутылками и бальзамками масло деревянное и велел светить лампы, говоря: "когда выйдет у вас масло, тогда еще приходите ко мне". Давал людям свечи и ладан, дарил иконы, написанные живописью на дереве, и, давая их (иконы), обыкновенно несколько раз их лобызал, показывая тем народу, как он благоговел пред святынею и как она должна быть дорога всем православным христианам. Учил он людей еще, чтоб никогда не отказывали нищим, говоря: "Ты, раб Божий, хоть маленький кусочек подай, памятуя, може, до тебе Сам Христос прийшов", и слова старческие были очень дороги в народе.

За 70 верст от города Ростова-на-Дону жил один благодетель старца Иван Жуков, который посещал старца Павла и был человек добрый, но только любил пить водку и причинял нередко своему

семейству скорбь. Как ни старался старец уговаривать его и отвлечь его от этого порока - было тщетно: "Пусть у меня хоть все имение отберут и меня оставят нагого, а водки пить до смерти не оставлю", - так говорил Жуков. Когда он, бывало, приезжал к старцу Павлу, то последний насильно удерживал его у себя, отвлекая его от страсти, а когда Иван долго не являлся к старцу, то последний посылал за ним одного из своих посетителей, обыкновенно Никиту из села Еловайского. Этот человек был, можно сказать, послушником старца, человек смиренный, постник и молитвенник, целые ночи часто проводивший без сна в молитвенном подвиге и коленопреклонениях, несмотря на то, что правая нога у него гнила, и никто не знал этого до самой его смерти. Никита был человек семейный и имел жену Елену и трех сыновей. Посылает однажды старец этого Никиту к Ивану Жукову. По благословению старца Никита пошел пешком и, не доходя до Жукова, увидел в поле одного крестьянина, пахущего землю, поздоровался с ним, и тот пригласил его к себе отдохнуть в вырытую здесь же в поле землянку. Имя этого земледельца было - Антон Харитонович Меровиченко, у него была жена Агриппина Ивановна и несколько душ детей. Приготовлена была трапеза, и Никиту стали угощать чем Бог послал, но оказалось, что Никита скоромного не ел, чем сильно удивил хуторян, ел же он только хлеб да воду. Еще больше поразил их Никита своим видом: лицо его было благообразное и приятное на вид, как бы отличное от других людей; одет он был в самую простую одежду - серую свитку, простую шапку и подпоясан ремненным поясом, с палкою в руках. Они расспросили его, что он за человек, откуда и куда идет, и здесь Никита много им поведал о благочестивом старце Павле, который его послал, и своими рассказами о старце так расположил их в его пользу, что у Антона запыхало сердце самому лично побывать у блаженного и видеть его. Но за неустройством своего хозяйства Антон Меровиченко не мог сразу привести своего желания в исполнение. Прежде поселения своего в местности по реке Эльбузд, где он арендовал немного земли и построил землянку с небольшим хозяйством, Антон Харитонович жил в работниках у хозяина Ивана Петрик около 20 лет, пас у него скот и овец, там он и женился. Когда Никита воротился от Жукова к старцу, то рассказал ему про Антона. Тогда старец сказал ему: "Так ось шо, Мыкыта, я тебя опять пошлю, иды та сылком его везы до мене, бо враг не буде его пускать сюды". "Когда пришел ко мне Никита во второй

раз, - рассказывал Антон Харитонович, - то я с великим трудом собрался ехать, что-то меня очень тяготило. Запряг я своих лошадей в бричку, положил в подарок старцу муки и другого кой-чего и выехали мы из дому. По выезде такая досада меня взяла на этого Никиту и такая неохота ехать, что я чуть не вернулся с дороги, а Никиту хотел даже сбросить с фургона, но, слава Богу, я доехал до старца в Таганрог. Когда я вошел к старцу, он поздоровался со мной и говорит мне: "Здравствуй, Антон! Жив ты, здоров, а привиз мини гроший на обидню?" - А я и говорю ему: "Да, батюшка, привез немного, потому что мне и самому нужно". Тогда старец продолжал: "Не жалий, Антон, мени гроший давать, я за тебе буду нанимать обидни и помынать буду тебе и супругу и дитей и родителей твоих".

Прося у Антона денег, старец и сам не оставался в долгу пред ним и чего-чего только ни давал ему и притом в немалом количестве, указывая своими подарками на то, что по его молитвам Господь дарует ему великое богатство. Давал он ему просфор, которые подавал за него в храм, давал много хлеба, бубликов, маслин, чернослив, свечей, ладану и деревянного масла и при этом говорил: "Антон, смотри, шоб у тебя у доми никогда не выходылы свечи, ладан и деревянное масло, тоди у тебе усе й буде, Бог тоби все буде давать". Дарил старец ему иконы и другие святыни, - одним словом, по расположению своему к Антону старец всегда находил, что ему дать, и ненапрасно делал все эти подарки. Антон сам свидетельствовал, что по молитвам старца Павла Господь много посылал ему Своей милости. "Посею хлеб, - рассказывал он, - уродит так, как ни у кого, скот у меня как из воды шел, и все мое хозяйство невидимо расширялось день и ото дня. Никто не мог и подумать, чтобы я, живя в такой землянушке, собрал денег больше тысяч за малое время с тех пор, как я узнал старца Павла и вверил ему свою жизнь, тогда как все знали, что раньше у меня не было и четверти десятины собственной земли; когда же я стал ездить к старцу Павлу и прибегать к его св. молитвам, то год от году делался тысячником и превзошел всех богачей, там живущих. В скором времени приобрел я себе в собственность немало земли, построил себе великолепный дом, устроил собственный кирпичный завод, амбары для ссыпки хлеба, кухни для людей, мастерские кузнечные и колесные и мельницы, - все это было построено из жженого кирпича. Развел я сады, виноградники и пчельники; были у меня леса, речки и ставки, несколько скирд сена и соломы, волов рабочих больше 100 пар, стадо

коров, овец больше 12000 штук и всякого скота, лошадей гурты, и все это собственное, и никому я не был должен, - вот как велики были за меня, грешника, молитвы праведного старца Павла, что из чабана я сделался экономистом.

Старец много поучал меня, как нужно жить на свете, чтобы Бога познать и получить блаженство вечное. Бывало, как приеду к нему, то старец оставлял меня жить у себя дня 3-4, а то и неделю, все время наставляя меня и словом, и примером своей праведной жизни; всю ночь заставляет Богу молиться и храм ежедневно посещать, и пост держать, и это бывало часто. Однажды на меня напала по действию врага такая тягота, и думы о домашних делах не давали мне покою, так что я даже хотел ночью тайком убежать от старца, и вот, ночью в ту комнату, где мы спали, вдруг входит, стуча палкою, старец и начинает гнать из всех углов комнаты как бы некое живое существо; открыл дверь и прогнал его вон и опять затворил двери, после чего я спокойно заснул и, вставши поутру, почувствовал, как будто вся тягота душевная с меня спала, и мне спокойно стало жить у батюшки и не тянуло домой. Приписывая все случившееся со мной вражьему наваждению, я твердо верю, что благочестивый старец Павел получил от Господа благодать и силу на прогнание невидимых врагов".

Больше всего он поучал, чтобы не жалел я подавать милостыню и хорошо обходиться с людьми, которых у меня жило больше 100 человек". Наставления эти, как видно, запали в душу Антону Харитоновичу и подвигали его на милосердие: с людьми он обходился ласково, жалел их; бедных не гнушался и помогал им. Много добра делал он и для своей приходской церкви в селе Гуляй-Борисовке Донской обл., несколько тысяч пожертвовал на постройку нового храма, устроил больницу на свой счет и оказал много других жертв своему приходу, за что даже был награжден по представлению Св. Синода медалью "За усердие". Односельчане ценили такую благотворительную деятельность Антона Харитоновича. Когда он умер, то похоронили его с честью в ограде против алтаря нового храма. Антон Харитонович был человек верующий и богобоязненный: все свое богатство он приписывал молитвам и ходатайству за него праведного старца Павла, к которому он сильно привязался, любил его и часто посещал его.

Много чудного и непостижимого для себя он рассказывал про блаженного старца. В одно время ехал он к нему зимою со своим

работником. Дорога была санная хорошая. Положил он в сани в подарок старцу муки, масла, пшена и поехал. Вначале он ехал благополучно, но когда стали переезжать реку Дон, то где-то на льду врезался между полозьями большой камень, и было им большое препятствие к продолжению пути. Как они с работником ни старались выворотить камень из санных полозьев, все усилия употребили, но ничего не могли поделать. Бедные лошади так поистомились, что едва волокли ноги, а камень все торчал в полозьях. Вот подъехали они уже к Таганрогу, наконец, въехали и во двор старца, а камень был на месте. "Когда я обыкновенно приезжал к старцу, - говорил Антон, - то он не даст мне, бывало, и лошадей распрячь и приаккуратить себя, а всегда кричал: "Нехай Антон иде в хату". Так было и в этот раз: работник начал распрягать лошадей, а я направился в келию к старцу и не успел сказать ему о своих злключениях, как старец перебил меня и говорит:

"Та там его уже нема". Когда послушники старца вышли к возу, и работник рассказал им о препятствиях и хотел показать им этот камень, то сколько ни искали его и между полозьями, и по всему двору - камня найти не могли, потому, что не естественный то был камень, по словам старца, а враг человеческий сделал им это препятствие в виде камня в пути, и по молитвам старца исчез.

А в другое время, - рассказывал Антон Харитонович, - когда он ехал к старцу Павлу и вез ему свою милостыню, по действию того же ненавистника добра врага Божия случилось ему также в пути препятствие: как будто какая невидимая сила удерживала его лошадей, которые, пройдя немного пути, вдруг внезапно становились и сколько их ни били, они не шли вперед, а или становились на дыбы, или поворачивали назад, и долго мы промучились с ними, пока не призвали на помощь старца Павла; лошади тогда свободно пошли вперед, и мы благополучно доехали к старцу.

В одно время приехал Антон Харитонович к старцу Павлу; провидя, что с ним случится несчастье из-за денег, старец стал просить у Антона: "Дай мини, Антон, дви тысячи рублив", но Антон пожалел дать их старцу, сколько он ни просил его; тогда старец Павел и говорит ему: "Ну, Антон, гляды як поидыш до дому, шоб тебе случайно там кизяки не прибыли". И вот что случилось с ним: приехал Антон домой, и, когда обходил свое хозяйство, чтобы осмотреть, как рабочие без него сделали, и когда зашел за две большие скирды кизеков, здесь-то и схватили его три злодея и, угрожая ему смертию, потребовали у него

выкупа 2000 рублей. Испугавшись разбойников, Антон тут же отдал им имевшиеся с ним деньги 2000 рублей, но злодеи, которых он знал в лицо, не удовлетворились этим и, чтобы он их не выдал, хотели его убить, но он со слезами умолял их пощадить его, говоря: "Оставьте душу мою на покаяние, а детям - отца на пропитание", и поклялся, что до смерти своей никому не скажет про них. Тогда злодеи отпустили его, а Антон выполнил свое слово свято и до самой смерти своей не выдал злодеев. Так исполнились слова прозорливого старца: "Гляди, Антон, шток тебе случайно кизяки не убили"; - пожалевши деньги для старца, Антон отдал их разбойникам.

Рассказывал еще Антон Харитонович, как он один раз хотел утаить от старца Павла часть денег. "Задумал я ехать однажды к старцу и приготовил ему в милостыню 500 рублей, но враг искусил меня мыслью: зачем старцу так много денег? И я отложил 200 руб., привез ему только 300 руб. Вхожу к любимому старцу и здороваюсь с ним, а старец, провидя своими прозорливыми очами, что я сделал, и говорит мне: "Антон! Як ты мини положив, а я взяв молотки и начав тоби кувать, а як ты отложив, так я и молотки положив". Так праведный старец считал свои молитвы за Антона как бы молотками, которыми он ковал Антону золото (т. е. богатство). Многим маловерующим может показаться странным, зачем старец Павел просил так много у Антона денег: многих это могло и соблазнить, но те, кто знал благочестивого старца и его праведную жизнь, ничего не видели здесь преступного, ибо знали они, что жертвовавшие старцу Павлу деньги в большом количестве, никогда бы не сделали сами на них столько добра, сколько делал его во спасение их душ благодатный старец Павел. Так и Антон Харитонович, любя и почитая старца, вручал ему свои сокровища, зная, что старец употребит их с пользою для его души, и старец действительно благодетельствовал на них: покупал деревянное масло, свечи и ладан целыми пудами и посылал их в бедные церкви или раздавал приходящим людям.

Много рассказывал Антон Харитонович о прозорливости старца: "Бывало, приду к нему из дому, а старец и начнет мне рассказывать о моих проступках, что я сделал дома. Жила у него одна молодая девушка послушница Улиания. Вот старец смотрит на нее и начинает в подробностях высказывать все ее поступки, говоря: "Ось бачишь, Антон, яка це у мене Ульяна, вона то и то робить", и старец начнет перечислять все то, что я сделал нехорошего дома, а Ульяна

слушает и все молчит, только, бывало, и скажет: "Простите меня, батюшка, Христа ради", я же от стыда не знаю, что и делать. В другой раз, когда я приехал к старцу, он посадил меня рядом с собой, на скамейке и разговаривал со мной; в это время вошла в келию его послушница Мария Величкова, исполнявшая у старца послушание кухарки; когда она вошла, я и помыслил в сердце: вот какая девка здоровая да удалая, если бы мне такая работница; а старец меня толк под бок, и все мои помыслы тотчас же исчезли; я удивился старческой прозорливости и тому, как Господь открывает ему все мысли человеческие". Еще рассказывал Антон Харитонович, что когда он разбогател, то ему очень хотелось купить земли в собственность, старец же никак ему не советовал: "Так живы, Антон, еще на аренде, а ось скоро-скоро воля выйде, тоди шо захочешь, то й будеш робыть"; а я и думаю: какая же еще воля будет, крестьяне уже получили волю от царя-батюшки, что же еще за воля? Но я после догадался, какую волю разумел старец: он провидел свою близкую смерть, потому и говорил, что когда он умрет, тогда и будет мне воля, так как я без совета старца не предпринимал никогда ни одного важного дела.

Но все-таки я не мог успокоиться, чтобы не думать о покупке земли; тогда старец, видя мое нетерпение, поблагословил мне купить немного земли. Я от него отправился домой, а затем к барыне покупать землю. И что ж случилось? К моему сожалению, я никак не мог сойтись с ней в цене; тогда я опять приехал к старцу Павлу и с прискорбием говорю ему: "Батюшка, помолитесь за меня - никак не куплю землю". Старец успокоил меня и сказал: "Не журись, Антон, пятака прибавышь та и землю купышь". - "Да, я, батюшка, и больше давал, дане сошелся", - сказал Антон и от старца поехал обратно к барыне и удачно купил у нее землю: по слову старца прибавил на каждый рубль по пяти копеек, и земля осталась за мной; я же в который раз удивился батюшкиным словам и его предсказанию. Когда же умер старец и мне вышла воля, по его словам, тогда я купил себе еще 1000 десятин, так что собственной земли имел 1200 десятин, а также и арендовал еще тысячами десятин. Незадолго до своей смерти старец однажды сказал мне:

"Антон, я тоби дом поставлю, а ты двери навись". Слова эти означали вот что: за ту милостыню, которую я давал старцу, старец обещал поставить мне дом в будущей блаженной жизни, как ап. Фома царю; а чтобы я двери навесил, означает: чтобы я до конца своей жизни

не переставал посещать его келий и продолжать дело благотворения чрез его послушниц, оставшихся жить в его келий. И Антон честно исполнил это послушание: двадцать четыре года после смерти старца ездил он в его келию до самой своей кончины и, когда умирал, то завещал и своим детям - сыновьям и дочерям - не забывать келий праведного старца Павла и живущих в ней, что они и до сих пор делают: вот уже 31 год посещают его могилу и келию.

Жена Антона Харитоновича в первое время не была расположена к старцу Павлу и часто гнала его, но, когда приехала к нему и увидела его благочестивое лицо и святую жизнь, то переменила свой взгляд на него и убедилась, что он действительно великий старец Божий, и сама доныне не перестает посещать его келию и молиться у его гробницы.

Много и других воспоминаний передавал о старце Павле Антон Харитонович: какой он был хороший наставник, как он учил всех приходящих к нему жить по-христиански, всегда помнить Бога, возжигать пред иконами свечи и лампы и творить добрые дела.

Не проходило, кажется, ни одного дня, чтобы у старца не было посетителей: приходили к старцу не только местные жители и окрестные, но приезжали к нему даже живущие верст за 100-150. А то и более. Так, из села Ребрикова, отстоящего от г. Таганрога за десять верст, пришел к нему однажды за советом один поселянин, именем Михаил, который часто посещал старца Павла и даже проживал у него иногда по нескольку дней, а у старца Павла был такой обычай: если кто к нему приезжал или приходил, то никто не назначал себе время отъезда до тех пор, пока старец не скажет. Вот этот Михаил живет у старца день, живет другой, а батюшка молчит и ничего ему не говорит, когда будет отправлять его домой; наступил уже и вечер, когда Михаил и не думал уже об уходе, как старец Павел вдруг начал снаряжать его в дорогу и тревожным голосом начал торопить его: "Скорей, скорей, Михайло, убирайся до дому та выходи поскорей за город". Сам наложил ему полный чубал франзоль, бубликов, маслин, лимонов, ладану и проводил его поскорей за ворота. Михаил, несмотря на поздний вечер, послушал старца, поскорей вышел за город и дошел уже до Черепяхиной балки, как вдруг догоняет его человек парюю лошадей, подъезжает к нему и говорит: "Садись, брат, подвезу", и они быстро помчались по дороге, так что через 6 часов были уже в соседнем селе Белоглинке, отстоящем от Таганрога в верстах около

100. Немало удивился тогда Михаил тому, зачем старец так торопил его, поблагодарил прозорливого старца и прославил Бога, открывающего неведомое Своим верным рабам.

Этому самому Михаилу старец Павел говорил: "Мыхайло, ты цего миста моего никола не забувай до самой своей смерти, хоть я и умру, а мое мисто не останется пустым" и прибавил: "Мой куст никогда не будет пуст". И слово старческое сбылось воистину: та келия, где он жил, хотя и не была его собственной, а квартира, но после его смерти, по его предречению сделалась как бы его собственной. Одна благочестивая жена, баронесса Елизавета Константиновна Таубе, купила эту келию и передала ее в собственность послушницам старца Павла, оставшимся после его смерти, чтобы они жили на месте его подвигов, молились, как и он, постоянно Богу, подражая его праведной жизни, и поминали его, и вот уже 31 год прошел, а келия старца не забывается, а напротив, год от году прославляется. Живут теперь в подворье старца Павла несколько девушек под управлением старшей из них, жившей еще при старце Павле его послушницы старицы Марии Андреевны Величковой. Поселянин Михаил свято исполнил старческие слова и до сего дня посещает его келию и гроб. Рассказывает он, что старец Павел много говорил ему мудрого, да в то время понятия у него не было понимать, к чему он все это говорит. Бывало, скажет ему старец: "Михайло, просы, чого тобі надо", а он думает, что старец говорит ему за что-нибудь материальное, да и скажет ему: "Не надо мне ничего, батюшка", старец же покачает головой и скажет ему: "Ну, Михайло, Бог даст, прийде время, ты сам уже поймешь". Этими словами старец напоминал мне, о чем надо просить, именно: как сподобиться благодать Божию получить и стать ближе к Господу: теперь я все понял, да нет на свете дорогого учителя старца Павла. Еще старец говорил Михаилу: "Як я умру, то богато буде дыва и буде мой праздник у Великий пост, и буде богато-богато мух, буде повна хата и повный двор, и будуть сыдять воны по домах и по деревьях и по заборах и по крестах". Все это старец говорил приточно за свою кончину и погребение - Господь открыл Своему угоднику его и кончину и сколько народа будет сопровождать его в будущую жизнь, называя людей в этой притче мухами, и все эти слова его сбылись в точности: когда он умер в Великий пост 10 марта 1879 года, такое было великое стечение народа, которого старожилы Таганрога и не запомнят, и похороны старца - простого человека - были необычайны.

Один монах, именем Феодор, жил в монастыре Северной страны, и вот на него напало искушение: он тяготился монастырскою жизнью и, оставив свой монастырь, пришел на юг России, чтобы поступить куда-нибудь в другой монастырь. Услышав про старца Павла, он пришел к нему, чтобы получить совет касательно своей жизни. Послушники доложили о нем, что пришел какой-то монах и желает видеть. Старец велел впустить его в комнату, где он обыкновенно принимал людей, а здесь уже раньше его пришло несколько старух, с которыми любопытный монах затеял разговор касательно лет, причем одна сказала, что ей столько-то, другая - а ей вот столько, а третья, по-видимому, глуховатая, громким голосом крикнула: "А мне семьдесят лет". Прихожая, в которой находились старухи, была смежная комната с старцевой келией, потому старец и слышал их разговор; выходит он к посетителям и нарвался на этого монаха: "А лыхо твоему батькови, монах, забрався до мене годы бабам считать, ну давай же с тобой договоримся: як ты бабам насчитал 70 год, так и я тоби насчитаю 70 палок (т. е. твои годы посчитаю). Ну, так як, Федор, согласишься на мий договор?" И стыдно, и неловко стало монаху от этих слов, ему и не хотелось бы быть битым, а с другой стороны, он верил, что небесцельно старец сказал ему эти горькие для него слова и, подумав про себя, что если соглашусь - хорошо и полезно мне будет, а не соглашусь, то плохо в жизни будет, сказал старцу: "Ну, батюшка, по вашему благословению, бейте!" Старец Павел ввел монаха в свою келию и одного из своих послушников заставил считать удары, а сам с такою силою стал бить палкою, что нетерпеливый монах так кричал, что все бывшие в соседней комнате плакали, старец же без смущения наносил ему удары до тех пор, пока послушник не насчитал 70, и при последнем ударе сказал: "Ну, Федор, добре, добре ты зробив, шо согласишься на мий договор, теперь ты будешь монахом, та шей иеромонахом будешь". И что же? Слово старца впоследствии сбылось: Феодор остепенился, сделался хорошим монахом и получил за примерную жизнь сан иеромонаха.

Пришел к старцу Павлу в другой раз мирской человек и просил у него благословение идти в монастырь. Старец ответил ему: "Прежде лизь на мою пичку, та посыди там, тоди й буде выдно", и держал его на своей русской топившейся печке 12 суток и только раз в сутки давал ему есть, и когда тот выдержал это испытание, старец сказал ему: "Ну теперь иды в монастырь и будешь там жыть до смерти". Слово старца

сбылось: просивший совета пошел на Афонскую гору, поступил в монастырь и жил там до смерти.

В одно время пришел к старцу Павлу один Христа ради юродивый по имени Яков. А нужно заметить, что старец очень не любил тех, которые много о себе думали, по пословице: высоко летали, низко падали. Придут, бывало, к нему странники в рубищах, босые и без шапки, старец выйдет к ним с палкою, очень сердитый, и начнет своим строгим громким голосом обличать их лицемерие; голос его при этом дрожал, и он, стуча палкою о землю, говорил: "Обуйся, та одишься, та шапку надень, Богу можно угодить и без цего юродства, потому что юродство мудрое дело и подвиг этот редко кто исполнит истинно". И этот Яков, что пришел к старцу, изображал из себя юродивого, он был еще молодой, движения имел быстрые, - что называется, и на ногах не постоит, - и начал он всем послушникам и бывшим у старца говорить, кто какой жизни был и какие имел недостатки; за себя же говорил, что его о. Иона, Киевский игумен, прогнал из своего монастыря якобы за то, что он начал красть у него золото (золотом Яков называл здесь благодать Божию), т. е. будто о. Иона прогнал его из зависти. Когда юродивого впустили к старцу Павлу, то старец и говорит ему: "Яков, ось шо ты зроби: тряпок намочи, та в сумку наложи, та на плечи положи, та потише ходы, а то шо получив от Бога, то скоро потеряешь". Слова старца сбылись: когда Яков пришел к нему в другой раз, через год, то он много переменялся к худшему.

У старца Павла, когда, бывало, люди просят благословение куда-либо переезжать для улучшения своей жизни, то старец, давая им наставления, бывало, возьмет свою палку в руки и, постукивая ею о пол, скажет: "Як о тут, так и там, як о тут, так и там", указывая мудро этими словами, что жизнь наша зависит не от внешних условий, а от самого человека, так что с каким характером кто родится и что кому Господь назначил, то хоть за 100 верст пусть он поедет, таким же и останется, как и был, и определенного Богом не изменят никакие перемены обстоятельств жизни. Многие из слушавших совета старца и испытывавшие его на себе, после вспоминали слова его и говорили, что правду батюшка говорил.

Ходило к старцу много людей из села Голодаевки и из села Еловайского. В одно время пришли к нему из села Голодаевки поселянин Федор Лукашев и из с. Еловайского Никита (фамилия

неизвестна). У обоих жены их были строптивыми, мало расположенные к старцу и не слушавшие его наставлений. Как старец ни уговаривал, особенно Федорову жену, чтобы она исправилась, но ничего на нее не действовало, и вот, когда Федор и Никита пришли к старцу, старец опять свел разговор на их жен и сделал им такого рода притчу: на прощание он дал Федору сумку, всю побитую на маленькие дырочки, так, что она не могла служить уже ни в какое дело, а Никите дал сумку с двумя или тремя большими дырами, которую, если починить, то она могла бы еще служить в дело. Эта притча сбылась: жена Федора так и не исправилась до самой своей смерти и причинила своему мужу много огорчений, дошла даже до того, что подавала на мужа в окружной суд. А Никитина жена Елена раскаялась и стала вести хорошую жизнь под влиянием наставлений старца Павла, прежде же она поносила блаженного старца и роптала на своего мужа за то, что они ездили к нему. Под конец жизни старца Елена часто бывала у него и, вспоминая его, рассказывала: "Бывало, как я приду к батюшке, а он меня и спросит: "Чего ты, Олено, до мене пришла?", а я скажу: "Батюшка, чтобы вы дали мне свечечек да масличка", при этих словах старец улыбнется, бывало, покачает головой да и скажет: "Та того ты до мене тилько й пришла?", и начнет, наставляя меня, чтобы я просила у него совета, как на свете прожить хорошо да и в будущей жизни сподобиться блаженства вечного".

Приходило к старцу немало людей из деревни Барандакиной; в одно время пришла к нему оттуда одна женщина с мужем, Мария Моисеевна Абрамова, у которой был сын, и учился он в гимназии в Таганроге. Идя к старцу, она намеревалась дать ему один рубль, а затем утаила его и не дала. Проведав старца, они отправились к сыну и дали ему на гостинцы тот рубль, который обещали старцу. Мальчику понадобилось что-то купить, и вот, когда он пошел в лавку и стал давать тот рубль, то его торговец не принял, так как счел его за фальшивый, и сколько он ни ходил по лавкам, его нигде не принимали и даже ругали мальчика за этот рубль. Огорченный мальчик со слезами стал выговаривать матери за фальшивый рубль, чрез который она его оконфузила, хотя на самом деле, как после оказалось, рубль был настоящий. Тогда-то Абрамова вспомнила и признала свой грех против старца, пошла к нему, призналась ему в своей утайке и попросила у него прощение. Старец великодушно простил ее, а рубль тот сейчас же

пошел в обращение. Так Господь промышляет о Своих избранниках и строго наказывает за обман и неуважение к ним.

В последние годы своей жизни старец Павел страдал каменной болезнью, которую с великим терпением и безропотно переносил, говоря, что Бог прибавил ему 15 лет жизни за то, что людей у себя принимал. Но он не всех, принимал одинаково: к кому выйдет в прихожую, а кого пустит и в свою келию, кого же только под двери своей хаты, а к этой двери была привязана веревка, которую он, находясь в своей келии, сидя или лежа, привязывал к своей руке. Без благословения старца никто не входил в его келию, и когда, бывало, кто из своих осмеливался открыть дверь, то вместе с дверью тянулась и рука старца, тогда старец кричал: "Кто там?" Пришла к нему одна женщина, по имени Евдокия Потапова, спросить совета у старца о том, отдавать ли ей свою дочь замуж, так как ее сватает один богатый и хороший на вид человек. Будучи хорошо знакомой чрез мужа со старцем Павлом, эта Евдокия подошла к двери его келии и хотела войти в нее и лично увидеть батюшку, но он ее не допустил к себе, а только через дверь поздоровался и громким голосом спросил: "Чого ты, Авдотья, пришла до мене?" Она сказала: "Да вот, батюшка, на мою дочь находится жених очень хороший", а старец Павел и говорит ей: "Вы цего жениха оставьте, а дочку свою повезить у Кыив та помолиция Богу, время протянеця, а Бог ий другого жениха пошлет". Она же, вместо того, чтобы послушать совета старца, ответила ему: "Нет, батюшка, такого жениха и днем с огнем не найдешь". Услышав такой неразумный ответ ее, старец несколько не обиделся и еще сказал послушникам: "Дивчата, напойте Авдотью чаем". Поняв это угощение за одобрение своих слов, она напилась чаю, но совета старческого все-таки не послушала и засватала свою дочь за этого самого жениха, о котором говорила старцу, повидимому, богатого приказчика. Вот, в день бракосочетания их старец Павел послал всех своих послушниц в собор посмотреть на свадьбу: "Идить та хорошо дывицца, як бондарь буде свою дочку винчать". Бракосочетание их было действительно торжественное, при хоре певчих и полном освещении храма. Когда послушницы воротились из церкви, то старец и спрашивает их: "Ну як Олена винчалась" (этой невесты было имя Елена)? Они начали рассказывать старцу, что было так торжественно, что невозможно всего и передать, а он им в ответ и сказал: "Ну, дивчата, подивытесь, як Олена буде жить", что в скором времени и сбылось. Ее муж (жених)

проворовался и его хозяин купец Кожухов выгнал из магазина, с женой же своей новобрачной он с первых же дней жил неладно, а затем бросил ее совсем и ушел от нее в другой город, где вскоре и умер.

Елена же пришла к своим родителям и прожила у них вдовой 15 лет, затем опять вышла за другого, но и этот оказался плохим мужем, и жизнь ее не улучшилась: так исполнились слова прозорливого старца: "Ну, подывытесь, дивчата, як Олена буде жить". Отец этой Елены Михаил Потапов был человек российский и жил в Таганроге, занимаясь бондарным ремеслом, держал мастерскую и был человек достаточный. Он очень уважал старца Павла и верил его словам, жена же его Евдокия часто восставала на старца, а мужа бранила за его любовь и хождение к старцу, хотя изредка, в важных случаях, как описанный выше, и она заходила к старцу; ходили также к старцу и дети их, а один из сыновей их даже проживал в келий старца. Старец каждый день обыкновенно посылал к этой Евдокии Потаповой, чтобы она давала ему булку, а она по скупости своей роптала на старца и не давала; тогда старец, обращаясь к послушницам, говорил: "Та вы уже Авдотьи не трогайте, а идить до Фроськи", - это была их дочь, девочка лет 12, и вот когда, бывало, придет эта Фроська к старцу Павлу, то он, обращаясь к ней, начнет представлять ей, как играют на музыке, и при этом делает рука об руку и приговаривает: "А ты, Фроська, пляши и перекидайся, да ты ще будешь, будешь у мене играть на музыки и на дудки". Живущие в келий старца, бывало, посмеются над ним, не понимая, что означает эта шутка, но после все объяснилось и не прошло даром.

Когда эта Фроська выросла, то родители отдали ее замуж и притом неудачно. Муж ее оказался страшный гуляка и беспокойного характера, так что часто бил ее, почему она и убежала от него к родителям и к нему больше не являлась. Он же, потеряв надежду на ее возвращение, с отчаяния застрелился. Ефросиния, же, овдовев, поступила на сцену и, по обычаю артисток, пела, танцевала, на музыке и на дудке играла и провела на сцене всю свою жизнь; так исполнились на ней слова старца и его шутка.

Одна Таганрогская старожилка рассказывала, что пришел как-то к старцу Павлу один таганрогский рыбак и просил его благословения идти в св. горы. Старец и говорит ему: "Та Бог благословить тобы итты, а тилько смотри, шоб було случаем тебе коньским обидьем не убыло". Рыбак ушел от старца в недоумении. И

что же случилось? В скором времени он, по обычаю своего занятия, сидел на берегу под обрывом, перебирал свои сети, а на верху обрыва, на самой круче, человек подмазывал дроги, и вдруг с его рук неожиданно сорвалось колесо и мгновенно покатилося под откос и так сильно ударило этого рыбака в спину, что он тут же вскоре и умер; так сбылись слова старца: "Та Бог благословит, та тилько смотри, шоб бува случайно тебе коньским обидьем не убыло (колесо старец назвал здесь конским обидьем)".

Старец Павел имел щедродательную десницу, которая и до смерти его не оскудевала: всю жизнь свою он полагал на то, чтобы Богу служить молитвою и милость творить всякому человеку. Не забывал он своею милостью и заключенных в тюрьме и часто посылал им пищу: печеный хлеб, борщ, суп и другое из съедомого; все это послушницы носили, бывало, на коромысле в больших горшках в тюрьму. Тюрьма помещалась в то время на рыбном базаре в Таганроге. Один Николаевский солдат Кузьма (фамилия неизвестна), который в то время состоял в тюрьме надзирателем, рассказывал, сколько милости творил старец заключенным. Ни один острожник не оставался без его заботы. Каждую неделю старец присылал арестантам печеный хлеб - пудами и пуда 2-3 мяса, в особенности, когда какой острожник заболел или умирал, - тогда забота старца еще более усиливалась, и он обыкновенно приказывал этому надзирателю: "Кузьма, хто заболает, смотри, прыходь до мене небезприминно".

Так Кузьма и делал, и старец давал ему тогда денег на одежду и гроб для умершего и все, что требовалось на необходимое, и, благодаря заботам старца, ни один арестант при его жизни не был похоронен кое-как, по-казенному, а по христианскому обряду в новых хороших одеждах. Нужно заметить, что в то далекое от нас время и сидевшие в тюрьмах преступники не были окончательно развращены, а имели в душах страх Божий и при наступлении своей смерти часто обращались к старцу Павлу, любовь которого к ним чуяли сердцем, чтобы он помолился за их грехи пред Богом, и при этом делали список своих грехов на бумаге и посылали через надзирателя Кузьму старцу. Любвеобильный старец своим участием и любовью успокаивал их загрубелые сердца, нелицемерно вознося свои воздыхания к Всемиловитому Владыке о грехах их и наставляя их, как сподобиться христианской кончины чрез напутствование себя Св. Тайнами Тела и Крови Христовых, и при этом указывал им время: кому сейчас велит

приобщиться, а кому и отлагал это время, конечно, не без причины, которая ведома была одному лишь старцу. Предвидя же отшествие заключенного брата из сего мира, старец, бывало, говорит Кузьме: "Прийды, Кузьма, до мене", и при этом дает на смерть рубаху, чулки, башмаки, покрывало, разрешительную молитву, венчик, свечей, ладану и масла, - все это Кузьма или сам брал в мешок, или какая-нибудь послушница старца относила острожникам, для которых старец Павел был тем светильником, чрез который свет Христов светит в душах этих забытых миром и отверженных от общества преступников.

Таганрогский мещанин Стефан Федорович Иващенко близко знал любимого им старца Павла и нередко приходил к нему. Он рассказывал: "Пришел я однажды с женою к старцу Павлу Павловичу, о предсказаниях которого много слышал и застал его сидящего и державшего в руках много просфор, я поздоровался с ним, а он посадил меня около себя, а жену мою возле меня и спрашивает: "Чого ты прийшов до мене, Степан?" Я ответил: "Пришел я к вам, отче Павло Павлович, чтобы вы дали мне какой-нибудь совет, что делать. У меня все дети умирают, только и знаю я крестить да хоронить", а старец и ответил: "А, ты хочешь детей, а раньше де ты був? Ты помнишь раньше свой грех? За то тебе Бог и наказав за твою вину и не дае тоби чад радуваця. Я тоби дав бы совет, та ты чоловик бедный, не можеш цего сделать, - молись Богу, и я буду молыця, шоб тоби Бог дав чад, а мини четырех Соловецких угодников", и дал мне старец тогда молитву на сохранение дома от всех бед и велел завести ее в рамку под стекло и хранить ее до смерти. По молитве старца Господь явил мне милость и дал мне четырех детей, которые и сейчас живы, но я, не дождавшись, когда будут у меня еще дети, взял себе на воспитание чужого сына и, когда ему исполнилось 20 лет, хотел его женить и, так как никогда никакого важного дела не начинал без благословения старца, предварительно решил испросить его совета. Все делаемое по его совету и словам исполнялось, и я верю, что он был великой жизни старец. Пред самым браковенчанием посылаю я своего приемыша к батюшке попросить у него для свадьбы денег, а то, думаю, у меня нехватит. Старец, посмотрев ему в глаза, сказал: "Напрасно отец затрудняется просить у меня денег для свадьбы, у него и своих хвате для твой свадьбы, у тебе свадьба буде без музыки, мать у голови заиграть, як будуть провожать на гору, а там..." Дальше старец

продолжал: "Напрасно, Семен, ты задумав женицца, потому що ую осинь великий буде набор солдат", а Семен отвечает: "Батюшка, я не пойду в солдаты - я один у отца". - "А ты думаешь, одыньцив и не берут? И одыньцив берут". Семен принес тогда в подарок старцу севрюгу. Принимая ее, старец на прощанье сказал ему: "Ну, Семен, больше не будешь носить до мене ничего", и слово его сбылось: через неделю Семен заболел и умер, и мать провожала его на гору и играла у головы (т. е. голосила), когда его несли на кладбище. Дальше рассказывал этот Иващенко: "Шел я после смерти сына в город к заутрени (жил я от города в 8 верстах) и всю дорогу плакал; отстоял я раннюю обедню и позднюю и пришел навестить старца Павла, как он всегда велел мне приходить к нему обедать. Он и спрашивает: "Чого ты плачешь, Степан?" - "Нет, батюшка, я не плачу", - ответил я. - "Не плачешь, тилько речка протекла за тобой, як у город ишов", - и дальше продолжал: "И я б так хотив, женить сына та взять невестку, а невестка б робыла, а я сыдив та бородку б поглажував. Нет, робы сам". Я и говорю старцу: "Батюшка, дайте мне совет, что мне делать?", а он сказал:

"Не издь у море по воскресеньям, а то утопнешь". Я в то время занимался рыбною ловлею и ездил с товарищами рыбалить, нередко и в праздники, но я делал это против своей воли и сколько ни пытался уговаривать товарищей в праздники не рыбалить, они и слушать меня не хотели, хотя прибыли от такой работы мы мало получали, даже наоборот - убыток; иногда, бывало, всю неделю проездим и ничего не поймаем. Когда же мы исполнили совет старца, то Господь невидимо нам посылал, и мы, бывало, выедем в понедельник позже всех, а приедем раньше всех и заловим рыбы больше, чем другие. После смерти сына старец все давал мне свечи и посылал в кладбищенскую церковь к обедне, и это продолжалось четыре года. После этого и спрашивает у меня старец: "Степан, сколько тобі лет? 60 есть?" - "Нет батюшка". - Та я и так бачу, шо нема, а я знаю такого чоловика, долго вин жив на свити и трудно було ему доживать до смерти, була у него жинка и четверо дитей, жена померла, остався вин з малыми дитьми, а ты чуешь, Степан?" - "Чую, батюшка!" Я догадался, что старец говорит это за меня, а у меня еще и детей нет, все это сказано раньше. С мыслями о своем тяжелом грехе в молодости, о котором намекал мне старец раньше, я очень долго мучился и решил сам с собою дома идти к старцу Павлу и открыть ему свой грех, но он не допустил меня это

делать и раньше сам объяснил его" мне. Выхожу я как-то на базар купить кой-чего, смотрю - идет старец Павел, по обыкновению окруженный толпой; я остановился около торговли, как вдруг старец распаивает толпу, приближается ко мне и, став ко мне задом начинает говорить мои мысли: "Пиду до Павла Павловича, открою ему свой грех, который сильно меня мучает... Да разве Павло Павлович священник? Вот церковь, там священники, которым дана власть вязать и решить грехи - иди и исповедуй свой грех", и тогда старец повернулся ко мне и поздоровался со мной. После смерти приемного сына, по молитве старца, у меня родилось четверо детей, и жена моя в скором времени скончалась; остался я с малыми детьми, как старец раньше предсказал мне, и я долго боролся с мыслями и не знаю, что мне делать - жениться или нет? Я долго колебался и, бывало, как приду к старцу, он и скажет мне: "На шо ты их несешь сюды, ты оставь дома вси мысли". - "Не могу, батюшка, не могу побороть их!" - "Молысь Богу, молысь Царыце Небесной, и я помолюсь за тебе". Много раз приходилось мне быть у старца Павла, и я, хотя и думал о женитьбе, но, когда приходил к нему, как-то забывал открывать ему свои думы, но, пришедши домой, опять вспоминал их. Наконец, в одно время старец дал мне вспомнить то, о чем я забывал у него спросить. Однажды после долгой беседы стал я уходить, а батюшка и говорит послушнице Хионии: "Хвиена, дай мини шапку и палку, я пиду провожать Степана". Я и думаю: за что я удостоился такой чести, что старец пойдет меня провожать? Раньше он никогда этого не делал. Вот вышли мы, а он остановил меня словами: "Куда ты спишышь, поговорим". Я останавлиюсь, а он мне ничего, затем сказал: "Степан, иды вперед, ты гость, а я хозяин". Только я стану идти, а он опять остановит, и так продолжалось до трех раз, и, когда в третий раз старец остановил меня, тогда я вспомнил, что хотел сказать: "Ах, батюшка, говорю я старцу, дайте мне совет, что делать, трудно мне с детьми, и я не могу с собой справиться". Тогда старец взял меня за руку, возвел глаза на небо и сказал: "Степан! Благослови душе моя Господа и вся внутренняя моя имя святое Его, - и, перекрестив меня, прибавил: "Иды, Степан, с Богом, я молюсь за тебе".

С того времени отошли от меня все помыслы, и стал я весело и спокойно жить и легко с детьми управляться. Еще расскажу, как по молитве праведного старца я во сне увидел свое будущее путешествие по морю, о котором и передать страшно; только со времени этого сна я

просил всегда старца Павла, чтобы он умолил Господа избавить меня от такой страсти. Однажды летом до Петрова дня приснилось мне, что крыги (большие куски поломанного льда) должны задушить меня в море, но явилась ко мне Царица Небесная и вытащила меня на берег. Когда я пришел после этого сна, старец и спрашивает меня: "Степан, а шо ты бачив во снi пид такой-то день?" - "Видел батюшка!" - "А то-то шо видел, а каяться не хочешь?" Сон этот оказался вещим. Один раз, помню, под день Меланьи, накануне Нового Года, была сильная штурма в море, лодка наша была затерта льдом и погибла, и, мы, находясь среди льда на крыгах, не ожидая ниоткуда спасения, совсем уже приготовились к смерти и были в отчаянии. Тогда я обратился с горячею молитвою к Богу и Матери Божией и призывал батюшку старца Павла, чтобы он помолился за нас. И что же? Каким-то чудом нас выкинуло крыгой на берег, и мы, находясь еще недавно в такой страсти, были спасены. Когда же приехали домой, то забыли даже и Бога поблагодарить, но батюшка Павел Павлович напомнил мне прошлое время. Как-то я собрался в город, в церковь, подхожу, а старец Павел стоит уже около церкви и ожидает меня. Когда я подошел к нему и еще не поздоровался, а он и говорит мне: "А шо напoмнyла (т. е. Царица Небесная)? Ну так иди в греческую церковь и отслужи молебен, шо тебе спасла Царица Небесная". Однажды, когда мы со старцем были на базаре, он, указывая на собор (собор в Таганроге стоит на базарной площади), неожиданно спросил меня: "Шo, Степан, эта церква - собор?" - "Не знаю, батюшка, по-моему собор", - ответил я, удивившись его вопросу. Тогда старец прикровенно начал говорить мне: "Нет, Степан, собор... Киевской Лавры, в который со временем придут цари и князи и поклонятся ему". Что разумел старец в этих словах, для меня осталось тайною, и я подумал только: значит тебе, батюшка, все видно".

К старцу Павлу ходил еще один Таганрогский кузнец Федор Абрамович Куликов, жил он за городом возле кладбища и очень часто посещал старца Павла. Днем, бывало, кует, а ночью часов в десять приходит к старцу, который все заставлял его читать посетителям и живущим у него послушникам книгу, называемую "Пролог". После чтения все становились на молитву, и только немного времени уделяли сну, так как старец Павел, обыкновенно проводивший ночи в молитве и бдении ради Господа, никому не давал спать и, когда был уже престарелым старцем и не мог класть поклонов, то творил молитву,

или стоя, опершись на свою палочку, или сидя на своей скамейке, которая служила ему вместе и ложем. Своим старческим голосом он вслух припевал припевы: "Пресвятая Богородице, спаси нас! Святые Архангелы и Ангелы, молитесь Бога о нас!" А также вспоминал и многих св. угодников, особенно Северной страны, к которым он в молодости много раз странствовал на поклонение, ко всем им обращался с горячею любовью и усердием, чтобы они своими святыми молитвами молились за нас, грешных.

Передавал этот Федор Абрамович Куликов: "Старец всегда строго приказывал мне, чтобы я приходил к нему на ночь и, когда приходил, то обязательно должен был творить молитву Иисусову около дверей келий, что я всегда исполнял. И вот однажды старец Павел, желая испытать мое смирение, по своей старческой мудрости придумал вот что: пришел я к нему в один день очень поздно и, по обычаю, около дверей его келий громким голосом сотворил Иисусову молитву, а старец вместо обычного "Аминь" из келий отвечает мне, да еще протяжным голосом: "Су-кин сы-ын". Смутившись таким ответом, я еще раз повторил молитву Иисусову и опять услышал от старца тот же ответ, и сколько я ни стоял под окном келий, он, испытывая меня, не пустил к себе, и я принужден был обратно идти домой, скорбя о том, что старец не пустил меня к себе и так меня назвал. Наутро приходит ко мне послушница старца Хиония и говорит: "Батюшка прислал меня к вам узнать, чего вы не пришли к нему ночевать", на что я ответил, что приходил, но батюшка все знает, также знает, за что он не пустил меня, потому что я и достоин был того. Когда в следующий раз я пришел к старцу, то он похвалил меня за терпение и смирение.

Еще рассказывал Федор Абрамович уже после смерти старца Павла, лет через двадцать пять, каким даром прозорливости был наделен старец и как он провидел, "сколько я буду жить на свете. Еще при жизни старца Павла, когда я был в молодых летах, была в Таганроге сильная холера: людей несли и везли на кладбище, что называется, как снопы с поля, и хоронили в одной могиле по несколько человек. Так как моя кузня находилась по дороге к кладбищу, то каждый день я видел это печальное зрелище, но сердце мое было как бы окаменелое и я нисколько не думал о смерти; но вот, когда умерла близко знакомая мне женщина, то сердце мое содрогнулось, и я подумал в себе: "Неужели ты, Федор, застраховал себя от смерти, что так беспечно относишься к смерти даже своих близких и не думаешь о

том, что Господь может и тебя поразить столь же неожиданною и наглою смертью?" И при этих мыслях я взволновался и опечалился, и едва дождался вечера, чтобы пойти к старцу Павлу и спросить его о своей участи, останусь ли я жив или умру? Прихожу я к старцу и, по обычаю, сотворил молитву Иисусову, меня впустили в ту комнату, где старец принимал людей; сижу я и ожидаю, пока старец позовет меня в свою келию. Старец в это время беседовал с пришедшими к нему людьми. И вот я слышу, как он, обращаясь к ним громким голосом и протяжно, как бы твердя что-то, начинает произносить: "Мини надо говорить с Федором Абрамовичем о чем-то много-много после Пасхи". А нужно заметить, что холера была тогда в сентябре месяце, пред праздником Покрова Пресвятой Богородицы. Я, когда услышал эти слова старца, очень обрадовался, что буду еще жить и после Пасхи, успокоился и не стал спрашивать блаженного старца о своей смерти. И слово старческое сбылось на мне, воистину, как он сказал: "Много-много еще надо говорить после Пасхи о чем-то"; в этих словах, я думаю, старец предсказывал мне много лет жизни, что и исполнилось. Много Пасох пришлось мне еще встречать и проводить". После смерти старца жил Федор Абрамович еще больше тридцати лет и скончался в 1909 году. Из села Николаевки ходила к старцу Павлу одна женщина, по имени Мария Лысогорская, дочь которой Улиания жила послушницей у старца. У Марии был один сын, и она была вдова, и вот, когда сын ее пришел в совершенный возраст, она пришла за советом к старцу: женить ей сына или нет? "Батюшка, благословите мне сына Ивана женить", а старец ответил ей: "Бабо, потирав монах каблук, не зажурился, и найшов - не возрадувався". Такое благословение дал ей старец, и она, не разумея его слов, женила Ивана. Иван был человек хороший и при здоровье: только бы жить да радоваться, но жизнь его была невеселая.

Жена ему попалась нездоровая, с первых же дней замужества заболела и рожала больных детей, которых у нее было больше десяти душ, и все они умерли, кроме последнего, с которым она проживает вот уже 30 лет, сама же она под конец жизни своей сделалась калекой и ходила с костылем в руках. В супружеской жизни с нею Иван также не был счастлив, в одно время она даже бросала его и, таким образом, слова старца: "Потирав монах каблук, не зажурился, и найшов не возрадувався" - сбылись... Если бы Иван знал, что жизнь его будет

нерадостная, то не зажурился бы, если бы и не женился, а женившись - он, по словам старца, не получил в жизни никакой радости.

Ходило к старцу немало людей из села Барандакина, из которого пришли к старцу однажды две золовки: одной было имя Мавра, а другой Параскева. Эти две женщины часто посещали старца, и вот примечательно, что последнюю старец Павел всегда встречал с покрытой головой и лицом: накроет, бывало, себе голову платком или простыней и тогда выходит к ней, и она, сколько лет ни ходила, а лица старцева никогда не видела. И старец Павел даже предупреждал своих послушниц: "А лыхо вашому батькови, закрывайте двери, потому шо у людей есть разные глаза".

Получив от Бога дар прозорливости, старец в своих наставлениях давал людям много полезных советов и указаний, слушая которые люди получали себе пользу и, наоборот, неисполнение которых приносило вред и даже несчастье пренебрегавшим советами старца. Так, один Таганрогский купец и почетный гражданин Иван Герасимович Патычкин, знавший старца Павла, пришел однажды к нему со своим сыном Василием испросить совета касательно торговли. По благословению старца их пустили в его келию. Патычкин, обращаясь к старцу, и говорит ему: "Павел Павлович, благословите с сыном магазин открыть, по бакалейной части", а старец так ответил ему: "Угу, рано ще! надо подождать". Неудовлетворенный ответом старца, Патычкин сказал: "Батюшка, что же нам ждять еще, сын мой хочет заняться делом", но старец ничего ему больше не сказал, и они, не послушав его слов, открыли в скором времени магазин, и в первое время так бойко торговали, что выручали в день по 1000 и больше рублей, что, конечно, дало им надежду на хороший оборот дела, но скоро обстоятельства изменились, и дело приняло оборот к худшему. По своей неопытности в торговле и неумению вести дело они скоро проторговались и через 8 месяцев дошли уже до того, что у них не было ни денег, ни товару. Так исполнились в их жизни слова старца Павла, что: "ще рано начинать", - нужно было сначала поучиться, как торговать, а тогда бы и за дело приниматься. И не с одним Патычкиным это случилось: многие, кто спрашивали совета старца и не исполняли его, теряли много своего имущества; слушающие же его наставления никогда не сшибались в своих предприятиях.

В городе Таганроге жили два брата почетные граждане Михаил и Иван Петровичи Пенчуковы и имели они свой бакалейный магазин, где старец Павел покупал постоянно: деревянное масло пудами, ладан, маслины и прочие продукты для своей келий и раздачи посетителям. Оба они были холостые, и жили при них три сестры, старые девушки. Наживши капитал, они начали строить себе большой роскошный двухэтажный дом из кирпича. В одно время один из братьев пришел к старцу Павлу побеседовать с ним; вот старец и говорит ему: "Иван Петрович! На шо ты дом строишь? Ты бы его лучше по кирпичинке переносыв у море", а тот рассмеялся и недоумевал, что это старец ему говорит несуразное? И что же случилось впоследствии? Дом этот братья окончили, но, к великому сожалению, ни одному, ни другому из них жить в нем не пришлось; оба они вскоре умерли неженатые; остались престарелые сестры, которые жили в старом доме и также вскоре умерли; дом же новый, роскошно-устроенный при жизни их, так и остался необитаем, а после смерти их достался Бог весть кому; так что на нем сбылись слова прозорливого старца, что лучше бы его было по кирпичнике разобрать и переносить в море.

В то время, когда братья еще торговали, жил у них их родной племянник, по имени Трифон Кузьмин, приказчиком и очень хорошо нажился у своих дядей, так, что незадолго до смерти старца открыл свой бакалейный магазин. Приходит он тогда к старцу и через послушниц его говорит: "Скажите Павлу Павловичу: пусть он теперь у меня забирает масло и все, что нужно". О нем доложили старцу, и тот сказал в ответ: "Что з его толку мало буде, а я до смерти буду у его дядька брать", и пошел Трифон от старца с отказом. Магазин он открыл на старом базаре и начал торговать, но при этом стал широко жить: купил себе хороший кирпичный дом со всеми удобствами и стал задавать пир за пиром и вечер за вечером; любил пить дорогие напитки и вообще вел жизнь веселую, так что не прошло и 10 лет, как он проторговался. Дом и лавка его пошли с торгов за долги, и он, вышедши из роскошного дома, стал ходить по квартирам и жил в большой нужде, лишившись своего имущества, и таким образом слово старческое: "Что з его толку мало буде" в точности сбылось.

В одно время один барышник, приехавший в Таганрог, впал в великое несчастье. Скупив по хуторам коровье масло, сыр и прочие продукты в большом количестве, он привез их в Таганрог на продажу и остановился на постоялом дворе, а сам на некоторое время отлучился,

не поручив никому присмотреть за своим товаром, надеясь, что он и так будет цел, но надежда его обманула. Злые люди, воспользовавшись его отсутствием, забрали весь его товар, так что он, возвратившись и увидя свое несчастье, впал в великую скорбь, не зная, что делать и к кому обратиться за помощью и указанием, где найти украденное. Случайно услышал он про старца Павла и что он узнает все и пошел к нему поведать свое горе, но, к сожалению, он шел к нему не как к старцу Божию, а как к ворожею и гадалщику. Пришедши в келию старца, он со слезами стал просить послушниц пустить его к старцу, говоря: "Доложите, пожалуйста, до этого старичка, пусть он мне поворожит". Старец велел его впустить в келию и, когда он вошел, то с великим горем и слезами стал просить старца такими словами: "Дедушка, скажите, кто у меня украл товар"? Старец же Павел, утешая его, так говорил: "Не плачь, чоловіче добрый, ты же у людей крав"?, а барышник отвечает: "Крал", а старец: "Вот и у тебя украли. А ты когда-нибудь помынав своих родителей?" Он ответил: "Нет, батюшка, никогда не поминал". - "Ну вот, надо помянуть", и много еще говорил ему в назидание старец и привел его в такое состояние, что тот перестал жалеть об украденном и пошел от старца утешенный. Нелишне заметить здесь, между прочим, что старец Павел, не любивший, когда его называли дедушкой, в этот раз нисколько не обиделся на барышника, назвавшего его "дедушкой". Умея понимать людей и видеть их душевное состояние, старец мудро обращался с ними, и в этом случае, видя простоту души барышника, он не только не обиделся на него, но не сделал ему за это даже никакого замечания. Из этого рассказа мы видим, как мудро и осторожно старец обращался с людьми; как он понимал их душевное состояние и старался повлиять на них в лучшую сторону; даже людей, нравственно испорченных, он не отгонял от себя, жалел их и нередко обращал их на путь истины, при этом подолгу беседовал с ними, стараясь внушить им чувство веры в Бога, сознание долга, пред Богом и людьми и стремление к лучшей праведной жизни. Расположивши грешника к раскаянию, нередко доводя его до слез, старец заставлял его в своей келии молиться, причем сам также обращался к Богу с усердною и пламенною молитвою о заблудшем брате. И сильна, и дерзновенна была эта молитва, когда силу ее чувствовали и испытывали на себе обращавшиеся к: старцу, он же никому никогда не отказывал в своей молитве, твердо помня заповедь Божию о любви к ближнему и на деле

стараясь исполнить ее, наставляя ближних словом и примером своей праведной жизни и молясь за всех православных христиан.

Интересен рассказ одного посетителя старца по имени Николай, как он однажды был у него. Николай был человек верующий и нравственно не испорченный. Ехал он на рыбные промыслы в Таганрог на пароходе. Когда пароход подходил к Елизаветовской станице на Дону, то показалась церковь, головы пассажиров моментально обнажились, и народ стал креститься. Когда все понадевали уже свои головные уборы, один он все еще продолжал креститься и кланяться удаляющемуся храму, - "Разве Богу надо, чтобы ты рукой кресты на себя клал?" - заметил ему сидевший на своем сундучке пожилой и сумрачный пассажир. - Крест надо на сердце иметь". Николай как-то сконфузился и опешил: он никак не думал, что кто-нибудь на него обращает внимание. "А разве тут что-нибудь дурное?" - спросил он робко. - "Да не дурное, а не к чему", - продолжал угрюмо сосед. "Как я во время молитвы начинаю думать о другом да перекрещусь, так моя душа снова на молитву становится", - защищался Николай. - "А это от того, что тем молитвам тебя попы учили, а ты и мелешь их как мельница". - "Да ты чаво-то пристал к пареньку?" - вмешалась тут одна женщина-пассажирка, - он молился Богу, тебя не трогает, стало быть, его душа требует и молитвы и креста, а ты, видно, молокан, попов не признаешь, ну и кат тебя дери..." - "А вы-то думаете, что попы вас на веревочке в рай втянут, сам должен добиваться". - "Спасибо вам, тетенька, что заступились, - обратился Николай к женщине, - но только не надо обижать доброго человека, он может меня правде научить. Я вот работаю на рыбных тонях, хорошо дело знаю, хорошо зарабатываю, но мне истинной правды Божией хочется. Зовут меня Николаем, я и к своему Николаю Угоднику обращаюсь, чтобы он мне путь указал".

Этот разговор внимательно слушал лежавший на палубе казак. Ему, как видно, хотелось вмешаться в разговор. Наконец он решился: "Послушай, Николай, забасил старый казак, - коли ты ищешь Бога, так не должен обращаться к тем, кто его потерял, а к тем, кто Его сохранил; ведь молокан был прежде православный, да потерял веру и бродит, отыскивая другую. Что же ты у бродяги про дорогу спрашиваешь?" Был ли человек -с отрицательным образом мыслей - молокан или нет, неизвестно, - но он запротестовал против такой характеристики. Однако казак повелительным жестом руки его

остановил и, обращаясь к Николаю, сказал: "Ты куда, сынок, направляешься?" - "В Таганрог, на рыбные промыслы Хорвата". - "Ну так вот тебе мой совет: поищи в Таганроге возле рыбного базара благочестивого старца Павла Павловича, там тебе покажут, где он живет, да и побеседуй с ним; правда, тот крепок и силен в вере отцов и дедов наших, ведь не со вчерашнего дня наша православная вера стоит, чтобы менять ее, как зипун какой, поумней нас, чай, люди были и веровали. А этих, сынок, не слушай!" - Старый казак презрительно махнул рукой, повернулся на другой бок и замолчал. Пароход входил в море уже сумерком, вечер был чудный, тихий, но несколько свежий; на небе начали зажигаться звезды; палубная публика, тепло укутавшись, спала; пароход, взбивая пену колесами, перерезывал море, направляясь к Таганрогу. Николай, облокотившись о борт парохода, глядел то на небо, то на море, в котором отражался небесный купол с его звездами, его тайнами, а вдали где-то мерцали огоньки Таганрога. "Что там мне скажет благочестивый старец? Уж я его отыщу, ведь недаром же о нем говорят по всей округе". Взор Николая выражал религиозный восторг. "Боже! Боже! - шептал он, - и все это море, и все это небо, и ясные звездочки, - все оно у Тебя по мановению руки Твоей!"

Пароход пришел в Таганрог ночью, а наутро по звону колокола Николай направился в близстоящую около гавани церковь Св. Троицы. Служил почтенный старик-священник; очень Николаю понравилась его служба, он усердно молился; из церкви он направился на старый базар, напился чаю в трактире "Эллада", оставил там свои вещи и пошел искать благочестивого старца Павла Павловича. Поиски были недолги, - скромное жилище Павла Павловича скоро указали Николаю, и в сильном смущении и волнении он низко поклонился старцу. Лицо этого последнего было строго, глаза выражали ум и проникновение в сердце человека, но в то же время какая-то притягательная сила от него исходила и располагала в его пользу. Что тебе, добрый человек, от меня нужно?" - спросил он Николая, показывая ему рукою на стул. - "Слышал о вас, Павел Павлович, что людей колеблющихся укрепляете, вот я и пришел к Вам". - "А давно ты в Таганроге?" - "Да вот только с парохода, зашел в церковь, что над морем, помолился да оставил вещи в гостинице и пришел к вам, простите ради Христа, что побеспокоил". - "Ну, что за беспокойство, я рад с тобой" побеседовать. Но если и помогу, то, поверь, не своими

слабыми силами. Ну, что же ты видел в церкви, кто и как там служил?" - "Почтенный старик-священник дивно служил, незаметно, как обедня прошла". - "Ну, вот слышишь звон, это в другой церкви звонят, пойди помолись, а потом захвати свои вещи и приходи ко мне, поживи у меня денька два, мы друг друга лучше поймем".

Николай поблагодарил Павла Павловича и пошел в указанную церковь; часа через полтора он возвратился со своими пожитками; день был будничный, и у Павла Павловича было немного народа. "Ну, садись, Николай, да Расскажи, что ты видел. Понравилась ли тебе служба этого храма?" - Николай мялся, пытался было что-то говорить и не решался. - "Да ты выкладывай душу свою правдиво, все что умышленно не докажешь, это значит солжешь". - "Видел я вещи невиданные, и что все это значит, я не понимаю. Обедня шла, как подобает в православном храме, чинно и благоговейно, да и как быть иначе, когда служили ее не люди, а ангелы небесные, - а священнослужители были привязаны веревками и тут же были, но бездействовали".

Павел Павлович слушал молодого человека со вниманием, лицо его радостно светилось, а глаза ласково смотрели на рассказчика. "Но что удивительно, - продолжал Николай, - это то, что никто тому не удивлялся, точно этого не замечали". Старец взял за руку Николая и с выражением ласки в лице сказал: "У тебя доброе сердце и искренняя вера в Бога, а потому ты смотришь не только глазами, что у всех глазами зовется, но и внутренним духовным оком видишь, чего другие не видят и не понимают. От Христа и до века веков будет держаться Православие и обедня православная будет совершаться, но найдутся ли всегда и везде пастыри, достойные для этого великого, хотя и каждодневного дела? Горе наше в том, что не всегда и не везде; но Бог поругаем не бывает, и недостойный пастырь не должен совершать Евхаристию; поэтому в таких случаях ангелы небесные служат литургию, а пастыри бездействуют, но, дабы не унижать пастырский сан, Господу угодно сделать так, что не все миряне видят тайну сию, а только те, для духовного ока которых вследствие веры их открыто непостижимое для обыкновенных чувств человека. В церкви Св. Михаила (Св. Троицы), что над морем, ты видел почтенного пастыря о. Василия Бандакова, проповеди которого веру и страх Божий вселяют в сердце человека. О-о! Если бы читали люди образованные его проповеди, так много нашли бы они там для себя поучительного. Но -

увы! - это не для нас, - говорят они, - это для простого народа, - отвергают то, чего не знают и знать не хотят. Этот праведный пастырь приступает к литургии с благоговением, и Господь допускает его. То, что ты рассказал мне, показывает, что душа твоя светла и чиста, не замарай же ее дурными делами и сомнением, а когда оно станет подкрадываться к тебе, - молись! Молись крепко и настойчиво. Скверное чувство станет тебе подсказывать, что эта молитва не искренняя, что полна сомнений, а ты все-таки молись; сделаешь что дурное, не падай духом и молись, чтобы больше не делать; еще сделаешь - опять молись, ведь кто же тебе в этом помочь может? Какой человек? Никто, как Бог, и ты Ему молись, молись и всегда молись. У него и правда вечная и сила несокрушимая!

Полюбил я тебя очень, - продолжал старец, положив свою левую руку на плечо молодого человека, - так бы и не расстался, но ты иди и занимайся своим честным трудом, никогда и ни с кем не вступай в споры о религии, для этого есть учителя веры, а вы не делайте себя учителями", говорится в Евангелии". Молодой человек припал к груди старца и плакал. Павел Павлович нежно поцеловал Николая в лоб, благословил его отцовским благословением и сказал: "Иди, будь добрым ревнителем Православия! От Апостолов и доныне Церковь сия стоит и, несмотря на слабости и пастырей и паствы, она свята и, кроме как в ней, нигде нет истины". (Журнал "Призыв", 1910, № 9).

Так проводил свою жизнь досточтимый старец Павел, и жизнь эта была светильником для многих его современников, которые, видя его святую жизнь, почитали его, признавая в нем поистине старца Божия. Конечно, в семье не без уроды, и среди живших в то время в Таганроге были люди, отрицательно относившиеся к старцу, смеявшиеся над ним и клеветавшие на него, но таковых, слава Богу, было меньшинство - это были люди маловерующие и нравственно-порочные, - таковые не уважали старца, но блаженный старец ни к кому не питал вражды, стараясь ко всем являть свое расположение и любовь. Он только в одном обижался, - когда его называли раскольников или сектантом. Он тогда с гневом и раздраженным сердцем, бывало, говорил: "Шоб воны вси покололысь, хто каже, шо я раскольник". Так предан был св. старец православной Церкви и вере Христовой, изменить которой считал тяжким

преступлением, а посему и обидою для себя считал, когда кто называл его именем "раскольника". Исполняя с усердием заповеди Божий и наставления св. Церкви, пребывая в общении с нею чрез молитвы и св. таинства, старец Павел восходил от силы в силу в христианском совершенстве, и Господь Бог, любящий праведников,

за его великие подвиги одарил
его даром прозорливости,
который, видимо,
стал заметен для
окружающих.

**ПРОЗОРЛИВОСТЬ СТАРЦА ПАВЛА.
ИСПОЛНЕНИЕ ПРЕДСКАЗАННОГО ИМ
В ЖИЗНИ ЛЮДЕЙ,
К КОТОРЫМ ОНО ОТНОСИЛОСЬ,
А ТАКЖЕ И В ДРУГИХ СЛУЧАЯХ**

Старец Павел

так угодил Господу своими добрыми делами, что Господь открывал ему будущее и сердца человеческие.

Один человек, по имени Андрей И. Хоперский, рассказывал о старце Павле, какой он был мудрый и прозорливый. Он бывал у старца часто в молодых годах и думал не жениться, а прожить в девстве, Христа ради, и высказывал эти свои мысли старцу. Старец же, провидя, что с ним случится в жизни, все ему, бывало, говорил: "Андрей! Рыбки поисы, та може одни подушки дадут, а може й ничего не дадут, та неужели подушки не дадут? Ты чуешь це, Андрей?" - "Слышу, батюшка!" Скажет это старец и улыбнется, и долго Андрей не мог понять, что это ему говорил старец, пока дело не объяснилось само собой. Уехал он из Таганрога в какое-то другое место и поступил там на должность и познакомился с одними людьми, жившими там, у которых была дочь. Люди они были малосостоятельные, но желая отдать дочь замуж, старались принимать у себя Андрея и, не имея чем другим угощать его по своей бедности, все только угощали его рыбой до тех пор, пока он и не женился на их дочери, а в приданое больше ничего не дали ему, кроме одних подушек. Так в точности исполнилось над ним слово старца, сказанное ему за несколько лет. Еще старец тогда сказал ему: "Андрей! Хоть я и помру, то ты сколько раз ни будешь в Таганроге, то мою келью посети и могилу"; он же после выезда из Таганрога не приезжал в него 28 лет и, когда приехал, то первым долгом посетил могилу старца и его келию и рассказал послушникам об этом ему от батюшки предсказании.

У старца Павла в келий жили на послушании молодые люди - юноши, которые приходили к нему ради его святой жизни поучиться у него, как нужно жить ради Бога, и послужить ему, как старцу Божию. Были из них и такие, с которыми старец Павел спорил, кричал на них и даже наказывал палкою. Так, одного из них, именем Каллистрат, старец заподозрил, будто тот крадет у него что-то, и начнет пробирать его за это, хотя он, на самом деле, никогда ничего не крал. Была у старца длинная узкая скамейка, вот он, бывало, заставит разложить Каллистрата на этой скамейке, одного послушника заставит держать его за голову, а другого - за ноги, а сам начнет бить его палкою, да так сильно и беспощадно, как наказывают арестантов в тюрьме, называя его при этом и жуликом, и разбойником, и другими позорными именами, и такие сцены повторялись часто, иногда чуть ли не каждый день подряд. Живущим у старца все это было в недоумение; некоторые, бывало, скажут на это: "Нечего батюшке делать, вот он и заводится с Каллистратом". Но старец ничего напрасно не делал: все его поступки и слова имели значение. Когда этот Каллистрат пришел в возраст, он отбился от дела и сделался жуликом, так что, уже после смерти старца Павла, когда он однажды пришел в келию старца, то живущие там сестры так испугались его, что побоялись пустить его к себе. Вот и исполнилось над Каллистратом все то, что делал с ним старец Павел, часто наказывая его палкою и называя жуликом.

Еще у старца Павла жил один юноша, по имени Моисей. Старец и с ним проделывал нередко то, что и с Каллистратом: гонял его и бил палкою, но только за другую вину. Бывало, старец кричит на него: "А лыхо твоему батькови, ты все тилько с дивчатамы говорышь та смеяся!" На самом же деле Моисей вел себя так, как хорошая честная девушка, никого не затрагивал, даже лишнего слова ни с кем, бывало, не говорил, а батюшка иногда такое в нем заподозрит, что он не знал, как ему уже и поступать, чтобы избавиться от нападков старца. И вот, он надумал онеметь и дал себе слово ни с кем совсем не пересказывать. Так и сделал. Бывало, пошлет его старец позвать кого-либо из послушниц, Моисей подойдет к названной, дернет ее за рукав и покажет ей знаком, что ее зовет батюшка, а сам ни слова. Что ж, и в этом старец нашел вину; по-прежнему ругает его: "Ты все с дивчатами говорышь, да ту любишь". И недаром старец нападал так на Моисея: прошло несколько лет после смерти старца; Моисей ушел из его келий и женился, а между тем, он пришел к старцу, чтобы жить у него в

девстве Христа ради. Старец провидел, конечно, что он не в состоянии будет исполнять свое намерение, а потому приточно и намекал ему на его поступок, ругая его за то, что "ты, Моисей, дивчат любишь", хотя в то время ему и в голову не приходила мысль о женитьбе.

Одна послушница старца, именем Улиания, долгое время жила у старца. Это была девушка хорошего и доброго характера и честная на руки; она прислуживала старцу в то время, когда он принимал посетителей, и когда, по своему обычаю, раздавал людям хлеб, ладан, лимоны и проч., то Улиания подавала все это в руки старцу, а старец - народу. Эта девушка рассказывала о прозорливости старца следующее. В одно время просится она у старца: "Пустите меня, батюшка, пока вы еще живы, я схожу в Киев, а то, как вы умрете, то я нигде не буду", а он ей и говорит: "А лихо твоему батькови, дурна дивчина, як я помру, тогда ще лучше буде, ще будешь, дивчина, всюду и будешь чути, як будуть и гудыть и дудыть и на пружинах будешь издыть, та ще и Царя побачишь, а теперь живы у мене, та служи Царыци Небесной Божией Матери да мини, а тоди де будешь, то и поминай Павла". Все предсказанное старцем сбылось в жизни этой Улиании. Когда старец умер, то баронесса Таубе, муж которой служил в Таганроге начальником, купила эту келию и очень часто посещала ее; эту самую послушницу Улианию баронесса очень полюбила и брала ее везде с собой; между прочим, она ездила с баронессой в святые горы, и пришлось ей ехать, простой девушке, в первый раз по железной дороге, да еще в первом классе, а в первом классе, известно, какая обстановка, и вот, когда села она на эту пружинную мебель, то вздрогнула и вспомнила слова дорогого старца, что он ей говорил. Лет через восемь после этого баронесса Таубе уехала жить в г. Гатчину по случаю перевода туда ее мужа. Она взяла с собой туда и Улианию, а в Гатчине находится царский дворец, где Улиании и пришлось увидеть самого батюшку Царя, и тут ей опять вспомнились слова дорогого для нее старца. С баронессой ей пришлось столько повидать и побывать там, где ей и не воображалось: была она и за границей, в г. Везенберге, побывала два раза и в Суре, на родине досточтимого батюшки о. Иоанна Кронштадтского во время его путешествия туда; одним словом, все исполнилось в точности, что предсказал ей старец Павел, исполнилось не сразу, а в продолжение нескольких лет. Рассказывала эта Улиания, что однажды сидела она по обыкновению в келий старца Павла, и вдруг лицо старца просияло и сделалось как бы молодое: от

ужаса и неожиданности она вскрикнула: "Ах, Боже мой!" Старец же, чтобы скрыть происшедшее с ним, прогнал Улианию из келий: он чувствовал на себе благодать Божию и, чтобы девица его не восхвалила, так поступил с нею.

Много открывал Господь старцу Павлу будущего в людях. Как-то подзывает он одну из своих послушниц, по имени Пелагея, и говорит ей как бы о ком-то другом: "А Палажка буде связана, ну не убьют, ты чуешь, Палага?" Она ответила: "Слышу, батюшка!" Что же случилось с ней? Одни Таганрогские господа выехали на время из города и оставили дома кухарку, которая, боясь одна оставаться в доме, пригласила к себе эту послушницу Пелагею ночевать. Узнав об отъезде хозяев, злонамеренные люди захотели пожить чужим добром и ночью забрались в дом, где Пелагея с кухаркой были одни. Злоумышленники стали связывать их спящих; когда же кухарка проснулась и стала кричать о помощи, то разбойники стали ее душить и избивать; Пелагея же, от страха притаив дыхание, лежала спокойно, и ей они не причинили никакого вреда, кроме того, что она пережила много страха, ужаса о своей участи и болезни. Когда же разбойники ушли, то она развязалась и пошла оповестить о своем несчастье, поражаясь при рассказе батюшкиными словами, которые он незадолго пред этим сказал ей, что "Палажка буде связана, но ее не убьют".

В одно время пришла к старцу Павлу одна знакомая ему молодая дама Любовь Феодоровна, которая недавно вышла замуж за старика, ее вынчанчившего. Он имел свечной завод и собственный дом; имел он большие деньги, но жил одиноко холостяком; наконец, проживши молодые годы, под старость задумал жениться. Нашлась невеста в лице вышеупомянутой дамы Л. Ф., которая и пошла за него ради его большого богатства, но любить его не любила, в душе даже имела желание, чтоб старик умер, а ей пойти замуж за молодого человека. В одно время муж ее заболел; пришла она к старцу Павлу и говорит ему: "Батюшка, помолитесь за моего мужа Ванечку, он очень больной". Старец Павел, видя ее притворную просьбу, стал петь ей следующую песню: "Ой, умры, умры, старый пан, а я пиду за молодого, як умер старый пан, а вона пишла за молодого, як начав молодой пан давать ей много ран, тоди вона пришла на могылу до старого пана, та й голосыть громким голосом (старец вдруг поднял вверх голос): ой, устань, устань, старый пан, та подывысь моих ран, що наробыв мини молодой пан". Когда старец окончил эту песню, то

Любовь Федоровна рассмеялась и спрашивает у послушниц: "Что это Павел Павлович пел?" Те ответили, что эта песня относится к ней, и пошла она от старца Павла. Через несколько времени после этого муж ее старик умер и все свое большое богатство отказал своей молодой супруге, которую он очень любил. Получивши большое состояние, молодая вдова в скором времени вышла замуж за молодого человека, который ради денег женился на ней, а любил ее притворно, и лестью добился от нее того, что она все свои имения переписала на его имя. После этого и обнаружилась вся его хитрость и вероломство. Он не стал скрывать от нее своих чувств, всячески издевался над ней и в одно время хотел даже покончить с ней, выбрав удобное время. Как-то на Рождественских праздниках он, сверх обыкновения, показал вид своего к ней расположения, и даже предложил ей поехать покататься на козырьках по морю. Не подозревая с его стороны злого умысла и хитрости, она согласилась, и поехали они вдвоем кататься. Катаясь по замерзшему морю в разных направлениях, он подвез ее к одной ополонке и, поворачивая лошадь, как бы нечаянно, толкнул ее с козырьков так сильно, что она чуть не попала в эту ополонку. Он хотел утопить ее, но это ему не удалось, потому что вблизи ехали случайно рыбаки и помешали ему привести свое намерение в исполнение. Избавившись каким-то чудом от угрожавшей ей, видимо, смерти, побежала она тогда на могилу своего старого мужа и точно такую же скорбную песню пела, какую раньше ей пропел старец Павел. Через какое-то время такой неудачной своей жизни она вовсе разошлась со своим молодым мужем, взявши формальный развод.

В другое время пришла к старцу Павлу тоже барыня, только незнакомая ему. Старец не принимал ее. Она усиленно стала просить послушниц, чтобы они пустили ее в келию и доложили о ней старцу. Старец даже вышел из терпения, никак он не хотел ее принять, но, по усиленной просьбе послушниц, велел ее впустить в свою приемную, а сам, накрывшись большой простыней и взявши в руки свою палку, вышел недовольный и с раздраженным сердцем, сердитым голосом сказал: "Здорово, барыня, чого тобі треба от мене?" Она начала высказывать старцу свое положение: "Павло Павлович, помолитесь, муж мой нехорошо живет со мною, знает чужих жен", а старец, вместо того, чтобы пожалеть ее, сильно накричал на нее, говоря: "О! А ты хорошо!" И при этом назвал ее нехорошим словом, повернулся и ушел в свою келию, не сказав ей больше ни слова. Все, бывшие в келий,

удивились такому поступку старца и говорили, что женщина пришла к нему с таким горем, а он, вместо утешения, так обругал ее. В скором времени дело объяснилось: узнали, что и сама она жила так, как и ее муж.

Из села Голодаевка Донской области крестьянин Федор Лукашов часто посещал старца Павла, временами даже проживал у него и был близкий к старцу человек. Он был очень ревностен к Богу, религиозный, и часто со своими односельчанами спорил, стараясь защищать в расшатанных умах веру в Бога и св. православную Церковь от различных нападок со стороны неверующих, чем нередко вызывал к себе со стороны последних озлобление и ненависть. Об этом он говорил старцу, а старец, слушая его, бывало, скажет ему: "Федор, ты поменьше говори, та язык держы, а то убытый будешь", что и сбылось чрез много лет. В 1909 году, 4 марта, ворвались к нему в дом в глубокую ночь два молодых парня, не без участия, конечно, и других лиц, ненавидевших его за его религиозные убеждения, и убили его; так сбылось над ним слово старца чрез 30 с лишком лет после его смерти.

Упомянутый ранее один из посетителей старца Никита из села Еловайского, видя подвижническую жизнь старца, старался подражать ему: часто изнурял себя большим постом, целые ночи проводил в молитве с земными поклонами, в пищу употреблял только хлеб и воду, словом, старался проводить жизнь в воздержании, несмотря на то, что имел жену и детей. Он часто проживал у старца Павла и нередко исполнял его послушания, по его благословению нередко ходил пешком за сотни верст к благодетелям старца с каким-нибудь от него поручением. Одним словом, жизнь Никиты была высокая и во многом даже подвижническая, но ненавидящий добро враг-диавол скоро стал внушать Никите тщеславную мысль, будто подвиги его не меньше, чем старца, а даже и больше. Старец Павел, по своему обычаю, когда провожал Никиту домой, давал ему полный мешок гостинцев: просфор, бубликов, и др., но Никита, вначале не отказывавшийся от старческих подарков, в последнее время с неохотою брал от него даримое и даже сердился на старца за это, помышляя в своем сердце, что и он такой же подвижник, как и старец, а старец все дает ему различные лакомства. Тогда старец, видя недовольство Никиты, бывало, скажет ему: "А лыхо твоему батькови, Мыкыта, та беры шо даю, а за город выйдешь, хоть усе роздай, та побильше хлиба ишь, та поменьше язык ропускай". Такими наставлениями старец старался

смирить Никиту и повлиять на него, чтобы он оставил высокое о себе и своих подвигах мнение, а однажды сделал ему такую притчу. Как-то Никита отправлялся домой, а старец Павел и говорит ему: "Ну, Мыкыта, давай мишок, дам тобі гостынця до дому". Никита принес мешок, а старец и говорит послушнице: "Ульяна, подывись на мишок, чи вин цилый, нема бува у ему дирок". Осмотревши мешок, она ответила старцу: "Батюшка, мешок целый, даже еще новый, нету ни одной дырочки". Старец оборотился тогда к Никите да и говорит ему: "На и ты ще, Мыкыта, подывись, чи вин цилый"? Никита также осмотрел мешок и не нашел в нем дыр. Тогда старец велел им обоим держать этот мешок, а сам стал класть туда просфоры, булки и проч., и, когда мешок наполнился, то старец велел им подтрусить мешок, чтобы еще положить туда, но только что они вдвоем взялись за мешок и подняли его, как он мгновенно прорвался, и все содержимое в нем высыпалось на пол. Удивленные этим случаем, они молча стояли, держа в своих руках порванный мешок. Тогда старец, обращаясь к Никите, сказал ему: "Бачь, Мыкыта, оце твои дила!, указывая этим Никите, что все подвиги человека и великие дела - ничто без смирения, и такой человек подобен худому, дырявому мешку, который не может ничего в себе держать. Пораженный таким случаем, Никита просил прощение у старца, и с того времени тщеславие у него исчезло: он стал более обращать внимание на свое внутреннее состояние души, продолжая подражать подвигам старца и слушая его наставления.

Так великий старец Павел мудро руководил ко спасению своих послушников, внушая им иметь веру в Бога, послушание, воздержание и наипаче - смирение, которое возвышает человека пред Богом и людьми. Никогда своими подвигами, как бы они ни были велики, нельзя превозноситься, потому что добродетели внутренние гораздо выше внешних: их-то и нужно возгревать в душе, тщеславие же все может погубить, - так говорил старец и своею собственною жизнью учил людей смирению. В своих действиях и обращениях с людьми старец выказывал временами как бы юродство, но все его действия и слова никогда не были пустыми, бесцельными, но всегда имели значение и были в дело.

Упомянутого выше Никиты жена Елена была женщина не особенно религиозная, любила жить настоящею мирскою (светскою) жизнью; она не могла терпеть, что муж ее все молится Богу и уклоняется от мирских развлечений, часто ходит к старцу Павлу и

подолгу у него живет. Елена не могла жаловаться на Никиту в отношении хозяйства: Никита был хороший хозяин, занимался хлебопашеством и вел свое хозяйство примерно, во всем обеспечивал семью, но только он отворачивался от мирской жизни, стараясь жить истинно христианскою жизнью и исполнять ее обычаи. Сколько ни старалась Елена поворотить Никиту на свою сторону, чего уже она ни делала, но Никита оставался непреклонным. От старца Павла, конечно, не было это скрыто, хотя Никита и не проговаривался старцу о своих отношениях с женою. Во время Великого поста старец всегда заказывал в кондитерской копеечные пташки для раздачи народу, и вот, когда Елена, бывало, придет к нему, то старец, читая ее внутреннее, бывало, возьмет две пташки, положит их на окне рядом и начинает их поворачивать из стороны в сторону, приговаривая: "Оце - Мыкыта, а оце - Олена, одна пташка носык отворачивает, а другая приворачивает". Сидит, бывало, Елена и смотрит, что это старец строит, и, догадавшись, ужасается, как это батюшка все знает. Однажды Никита с Еленой, бывши у старца, обратились к нему со словами: "Батюшка, благословите нам жить ради Христа, а старец Павел и говорит Елене: "Олено! на тоби оци два куска сала, та гляды, сама их поиж, а Мыкыти не давай". Изумившись такому подарку, Елена подумала про себя: что это батюшка дал мне сала, когда я не ем мясного уже несколько времени? Но подарок этот от старца был не напрасен: давши обет не есть мясного, Никита сдержал свой обет до самой смерти, а Елена опять разрешила себе есть мясное и так привязалась к нему, что ела его с особенною жадностью и не могла обходиться без него; не исполнила она и своего слова жить с мужем ради Христа и впоследствии родила от него еще двух детей, - вот что означали два куска сала, данные Елене старцем в притчу.

Рассказывала еще Елена о старце Павле: "Бывало, как я приду к нему, а он и скажет мне: "Чого ты, Олено, до мене пришла?" Я отвечаю: да чтобы вы, батюшка, дали мне свечечек да масличка. Старец же покачает головой да и скажет: "Того ты тильки до мене й пришла?" - И, посмотрев на нее с грустью оттого, что она не знает, о чем надо больше просить, отпустит ее.

В других же случаях, подобных сему, старец, много поучал приходящих, о чем надо заботиться и чего искать и просить, а именно: как обратиться к Богу, познать Его и жить для Него, как сподобиться благодати Божией, которая изменяет все существо человека и делает

его способным приближаться к Богу и жить для Него и много других наставлений высказывал старец, поучая проходящих.

Один российский человек, именем Димитрий, проживал в Таганроге и имел свою бондарню. Слышал он от людей за старца Павла, что много к нему ходит народу; вздумалось и ему пойти к старцу. Этот Димитрий сильно пил водку, ругался, в пьяном виде разбивал все в доме, что попадалось под руки, и разорял свою семью. Вот он пришел к старцу Павлу побеседовать с ним, а старец Павел смотрит на него и говорит ему: "Митрий, Митрий, с тебе кожа и на барабан не буде годыщца", - указывая ему на его худую жизнь и не предвидя в нем исправления. Что ж? Слова старца сбылись: не исправил Димитрий своей жизни и до глубокой старости, так и умер, не сподобившись напутствования Св. Тайнами и христианской кончины. Гулял да пил водку до последнего дня, а ночью затворился в своей комнате пьяный и внезапно умер, так что никто из домашних не видел и не знал о его смерти.

В первые годы жизни старца Павла у него было строгое и трудное правило. Он сам был великий постник; живущие у него и посещающие его также несли большой пост, воздержание и тяготу. Никому не было от старца поблажки и покоя плоти. Бывало, летнею порой, Боже сохрани, кто выйдет на прохладу во двор, - он сейчас же гонит таких палкой в келию, и окна в келий никогда не открывались. При этом старец кричал на нетерпеливых: "А лыхо их батькови, поразжарювались, гладки, та и не сыдят у келий". Когда же старец доживал последние годы, то уже слабее стало его правило, потому что и люди стали слабее в вере и благочестии. Раньше и чаю не пили у старца, в последнее же время какая-то барыня подарила старцу самовар, и он изредка, и то с неохотою, благословлял послушникам пить чай (он сам никогда не пил его), но при этом всегда, бывало, гоняет их за этот чай, им же до того иногда захочется попить чайку, что они не могут победить искушения и тихонько, украдкою постараются поставить самовар так, чтобы и батюшка не знал; старец же днем редко выходил из келий, - в это время они и ставили самовар.

И вот, бывало, как поставят самовар с благословения старца, то он шумел обыкновенно, а когда же украдкою - то самовар так странно и громко гудел, что звук его проходил по всему двору и даже в келию. Старец выйдет тогда да и скажет самовольным: "Ось бачите, шо

самовар больше слушает хозяина, гулом своим дае знать, шо его поставили без благословения".

Был такой случай. Одна послушница старца, Устиния, зимою ходила куда-то и сильно перемерзла, так что у нее явилось желание погреться чайком, а у нее был свой маленький жестяной самоварчик. Вот она и решила поставить его, забывши или вовсе не захотев просить у старца позволения. Поставила его на загнетку на случай, когда батюшка нечаянно зайдет, чтобы удобнее скрыть его. Вдруг батюшка кричит на послушниц: "Як Устя пришла, нехай иде сюда". Она вошла, и старец стал расспрашивать, где она была и что делала. Провидя духом, что Устинья не утерпела и с холоду поставила самовар, старец с сожалением, что она сильно намерзлась, сказал ей: "Ты бы там, Устя, соби самоварчик поставила та напилась чаю". Она только что хотела раскрыть рот и сказать, что поставила, но мысль, что без благословения старца, удержала ее; смотрит: старец скоро встает с места и, взявши палку, намеревается будто куда идти. Она догадалась, что в кухню, где стоял уже самовар. Тогда она как выбежит из келий - и мгновенно очутилась у своего самоварчика, скорей спрятала его под кровать, укрыла его шубой, а место, где он стоял, золой затерла. Пришел старец в кухню - да сейчас на загнетку; погладил рукой по ней и сказал: "А лыхо ий батькови, уже и золой затерла", и, оскорбившись, что без благословения делают послушницы, воротился в свою келию.

В одно время из села Платова пришли к старцу две девочки, одна Степанида, а другая Пелагея. Их впустили в келию; старец расспросил одну и другую, как их звать, и при этом заметил, что у него когда-то жила послушница Степанида; после этого он взял пучок с чулками и начал раздавать всем бывшим в келий белые чулки, а к девочке Степаниде, обращаясь, сказал: "А тоби на черный чулки" и дал ей еще длинный пряник; затем, обратившись к одной послушнице, говорит: "Хвиена! Визьмы оцю дивчину и иды з нею за просфорами", и при этом дал еще Степаниде сумку, в которой носили просфоры, а к другой девочке оборачивается и говорит: "А слухай, Палага, сюды, як там хлопци на тий музики, та на гармони грають, та вже ж и ловко, - и при этом старец, положивши руку на руку, показывает, как играют, приговаривая: - А дивчата танцюют на вси маниры, та вже ж и ловко танцюють, ты чуишь, Палага?" Та удивленно смотрит на старца и думает: "А казали люды - ловкий батюшка, як святыи, а вин шо

приставляе; я пришла, щоб вин мини поблагословив у монастирь итты, а вин, Бог знае, шо строить".

Впоследствии, когда эта девочка подросла, то поступила в услужение в гостиницу, где ежедневно играет музыка, где собирается разный веселящийся люд; там она долго жила, конечно, вела жизнь веселую и, познакомившись с публикою, скоро нашла себе и жениха и, забывши свое святое намерение, вышла замуж. Одним словом, сделалось с ней то, что старец ей когда-то предсказывал. А другой девочке, Степаниде, пришлось жить жизнью скорбной и печальной ради Христа; пришлось испытать ей в жизни много горького; жила она 30 лет у одной сельской просфорни, пекла просфоры и носила их продавать в церковь в мешках. Так не прошло напрасно и дело, и слово старца, сказанное в отношении обеих этих девочек.

В одно время приехал к Старцу Павлу из села Ребрикова средних лет человек со своей женой и двумя детьми и говорит ему: "Батюшка, продал я свое имение, и мы с женой решили разойтись ради Христа, так вы нас благословите. Мы прежде поедem в Киев помолимся, а потом разойдемся; я возьму двух мальчиков с собой и определюсь в мужской монастырь, а она в женский", а старец, выслушав его, покачал головой да и говорит: "Хоть бы ты, Андрий, до Кыива доихав". Но тот стал уверять старца, что он твердо решил ехать, чтобы быть монахом, и они, попростившись с дорогим старцем, отправились в путь. Но не успели они доехать до Киева, как враг навел на Андрея такое уныние и впал он в такую печаль, что, не доехав до Киева, принужден был возвратиться домой в свою Ребриковку. Намерение поступить в монастырь было оставлено, и стали они жить, как и раньше, и еще родила жена его сыновей и дочерей, и жил этот Андрей в своей деревне до глубокой старости, вспоминая часто слова старца.

В то время, когда старец еще ходил по городу, он часто проходил мимо одного дома, где служили вместе две сестры из села Платова. Одна была почти совершенных лет девушка, а меньшей было лет десять, и вот, когда они, бывало выйдут за ворота погулять, то старец, идя мимо их дома, вдруг начинает меньшую сестру-девочку ругать и называть такими бесчестными словами, какими обыкновенно люди называют взрослых распутных девушек или потерявших совесть женщин. Старшая сестра, когда, бывало, услышит эти слова, подумает: что это за старик, что так девочку нехорошо называет, назвал бы так

скорей уж меня, так как я взрослая. Ей было это крайне неприятно, тем более, что это повторялось всякий раз, когда они стояли на улице, и неизвестный старик проходил мимо них и называл девочку все тем же бесчестным словом. Что же случилось? Когда эта девочка немного подросла, начала так распутно жить, что до восемнадцати лет от незаконной связи родила двух детей; тогда-то сестра ее вспомнила слова старца.

В одно время пришли в Таганрог к престолу Успения Божией Матери из с. Каменный Мост женщина и девушка; пришли они с намерением поговорить и причаститься Св. Тайн, но вместо того, чтобы войти в храм и послушать там службу накануне исповеди и Причастия, они пошли на новый базар, купили себе хлеба и халвы, и сели, чтобы позавтракать. В то время старец ходил еще везде по городу, и вот, проходя мимо этих женщин и увидя, что они хотели приступить к еде, приблизился к ним молча и вдруг как плюнет на халву, и ушел от них. Смутившись такою неожиданностью, женщины недоумевали, что это за старик такой, что не дал им и поесть, и приняли его, вероятно, за юродивого. Халву ту они выбросили, а хлеб собрали в узелок и пошли к собору, вошли в ограду и расположились поесть там хоть одного хлеба. Смотрят, неизвестный им старик опять здесь; подходит к ним, вынимает из своей сумки бублики, пряники, конфеты и бросает их прямо на девушку, так и осыпал ее всю, а на женщину ничего не бросил, и пошел от них в церковь. Они еще больше удивились поступку незнакомого им старичка и начали расспрашивать о нем людей, и, наконец, узнали, что это был старец Павел. Прошел после этого год, старцева притча сбылась. Упомянутая здесь девушка впала в грехи и родился у нее сын-калека, которого несчастная мать, когда он подрос, возила в повозке по городу, и люди давали ему подаяние: бублики, пряники и проч., что обыкновенно дают калеке просящему.

Таганрогские старожилы рассказывают, что когда старец Павел, по обычаю своему, ходил ежедневно в собор, а из собора шел по базару, то часто, бывало, заходил в какой-либо магазин, а народ валом валил туда покупать товары. Лавочники, когда увидят его идущего в какой-либо магазин, старались звать его к себе и очень были рады его посещению, так как многие из них были уверены, что Господь по его св. молитвам пошлет им хорошую торговлю. Но старец далеко не ко всем заходил, большею частью он ходил в тех рядах, где стояли открытые лотки и возы с привезенными продуктами и овощами. Ходил

он со своею большою палкою, увешанный холщевыми сумками. Проходя мимо торгующих, он обыкновенно вступал с ними в разговор и делал им те или иные наставления, причем нередко пускал в ход и свою палку. Очень не любил он тех, кто щелкал подсолнечные семечки, есть которые он строго запрещал всем, как праздное занятие. И вот, когда идет, бывало, старец по базару, то торговки, увидя его, начинают тревожно схватываться с места, струхивают с себя корки от семечек, сметают их с застоек и сами утираются, чтобы батюшка не заметил, что они ели семечки, и при этом одна другую предупреждают: "Павел Павлович идет, поскорей семечки прячьте", а старец подойдет к их застойкам, стуча своею палкою, и, сердясь, говорит: "А лихо их батькови, уже и пообтрусувались", и много предсказывал об их жизни. Вот подошел он раз к одной девушке Прасковье, которая торговала на базаре с матерью и, постукивая палкой об их застойку, говорит: "Наживеся, дивчино, наживеся, дивчино", и пошел. Слова эти впоследствии сбылись таким образом. Когда девочка выросла, мать отдала ее замуж, и муж ее с первых дней сделался после болезни припадочным, так что жизнь ее с первых же дней замужества была горькая и скорбная, что невозможно и описать. Много горя пришлось ей испытать в такой жизни в продолжение двадцати лет, особенно это горе усиливалось во время великих праздников св. Пасхи и Рождества Христова, когда все люди испытывают радость небесную и земную; ей же в эти дни, вследствие болезни мужа, приходилось испытывать одну скорбь и страдание; так, муж ее во время припадков все в доме разбивал и уничтожал, одним словом, все в доме переворачивалось вверх дном. А когда, бывало, она поедет с ним по св. местам, только ей и дела было, что смотреть за ним, чтобы он не сделал с собой чего-нибудь или кому другому какого-либо вреда; таким образом, не было ей радости и покою с ним всю жизнь, а одна скорбь да слезы, что прозорливый старец выразил словами: "Наживеся, дивчино".

Ходя с сумками по базару, старец обыкновенно ничего не просил себе никогда, но народ, уважая старца, жертвовал ему свои даяния, кто что сам хотел. И вот однажды какая-то женщина положила ему пучок зеленого луку (а в келий старца никогда не ели сырого луку - старец не позволял). Когда старец пришел домой, то увидел у себя какую-то женщину, провожая которую, по обычаю своему, дал ей всего и отдал ей тот пучок зеленого луку, говоря: "На тоби, бабо, цей лук, вин тоби дуже пригодьця". Видевшие это послушницы старца

сказали: "Ну, баба, будут тебе слезы, недаром батюшка тебе лук дал". И действительно, подарок этот от старца был ненапрасен. Муж ее чрез неделю после сего выломал себе ногу и остался калекой, потеряв трудоспособность на всю жизнь, а она с тех пор все плакала и часто" вспоминала, какую притчу ей сделал старец Павел.

У старца Павла жила одна девушка Христина. Старец провидел, что она выйдет в старых летах замуж, и сделал ей такую притчу. У старца был петух, который долго жил на чердаке его дома и служил ему вместо часов. На чердаке лежало много разных лохмотьев и старой одежды. Однажды старец велел своим послушницам достать те лохмотья с чердака и одеть в них Христину. Приказание старца было сейчас же исполнено, тогда он посадил Христину в этих лохмотьях, опачканных в куриный помет, за стол, позвал всех бывших там? послушниц и говорит им: "Дивчата, дывиця, дывиця, яка молода (невеста) сыдыть", а Христина сидит да горько плачет. Тогда старец велел ее раздеть и сказал: "Иды, дивчино, лучше до своей матери, да кормы мать". И слово старца не прошло даром. Долго жила она с матерью в девстве, больше двадцати лет, но когда ей исполнилось сорок лет, то враг искусил ее, и вышла; она замуж за двадцатилетнего парня, которого сама вынянчила, и жизнь ее была несчастная, так как молодой муж ее разлюбил, и жили они скверно.

Одна девица из села Платова, именем Татьяна, рассказывала. Однажды приехала мать этой Татьяны к старцу Павлу еще до рождения дочери, и он дал ей икону и сказал: "На тоби, бабо, цю икону, у тебя така буде дытына, що буде, дивлясь на цю икону, без книжки наизусть читать акафисты и псалтырь". И, действительно, слово старца исполнилось: родившись вскоре после этих слов Татьяна, когда подросла, то самоучкой выучилась грамоте, и Господь дал ей такую память, что чуть не весь Псалтирь и Евангелие знала наизусть, а также и многие акафисты знала и читала их наизусть. Этой Татьяны отец был человек большого роста и при хорошем здоровье, а мать, наоборот, была женщина болезненная. В одно время приезжает она к старцу за наставлением, и старец дает ей большой крест и иерусалимское покрывало со словами: "На тоби, бабо, оцей крест и покрывало, та дасы свому мужу у руки, а покрывалом укрыйшь". В скором времени муж ее скоропостижно скончался, и она дала ему тот крест в руки и накрыла его тем покрывалом, что дал старец Павел. Надумав ехать к старцу как-то в другой раз, она назначила ему дать от своего усердия

три рубля, думая про себя: "Дам батюшке эти деньги, куда хочет, пусть туда и определяет". Когда же она приехала в Таганрог, то ей по вражьему искушению, пришла в голову такая мысль: зачем батюшке деньги, и она хотела было оставить свое намерение, но только что она вошла в келию, как старец, встречая ее, сказал: "На шо, баба, мои грошы утаила? Назначенное мини отдай". Поразившись такой прозорливости старца, она от страха затрепетала и отдала деньги, попросив у старца прощение. Был у этой женщины один сын, по имени Яков; привезла она его однажды к Павлу, когда мальчику было десять лет, спросить у старца, какой он будет, когда вырастет. Вышедши к мальчику, старец оперся на свою палку рукой и, покачивая головою, смотря на него, сказал: "Яков, Яков, шо с тебе буде, я и сам знаю, шо с тебе буде?" Этот самый Яков, чем больше подрастал, становился все больше непочтительным к своим родителям, а когда его женили, то он стал вести себя еще хуже, жену сильно бил, прибивал мать до смерти и был горький пьяница. Все родительское состояние пропил и прогулял, работать никак не хотел и, доживши до сорока лет, сам на себя наложил руки, - так сбылось над ним старческое слово: "Яков, Яков, шо с тебе буде". И не раз старец говорил этой женщине наперед много такого, что впоследствии в свое время сбывалось. Так, когда однажды она от него отъезжала, старец сказал ей: "Смотри, бабо, шоб ты на пороми ворон не ловыла". Доехала она до реки, въехала на паром, "вдруг лошади, чего-то испугавшись, всполохнулись и чуть не выскочили с парома в реку; насили она их удержала. Так по благодати Божией старцу Павлу было ведомо многое.

В один год зима стояла очень теплая, грязная и дождливая; дороги в Таганроге были плохие, а чрез это заработки у простых людей были очень скудные. Бедные люди испытывали крайнюю нужду, лишенные куска хлеба и самого необходимого, и сильно горевали. Вот одна из послушниц старца, по имени Мария Величкова, и говорит старцу: "Вот, батюшка, людям бедным горе, многие сидят без куска хлеба", а старец ей и говорит: "А лыхо твоему батькови, дивчина, ты ж у хозяина иж хлиб, так и иж во славу Божию, а за людей Сам Бог промышляе". В тот самый день вечером подзывает старец эту же самую послушницу Марию и дает ей новый глиняный кувшин со словами: "На пиды на двир и ударь его (кувшин) сильно об забор и слухай, як вин буде издить". Она вышла на двор и, хотя ей жаль было разбивать новый кувшин, но она сделала так, как велел ей старец, и так

сильно бросила его об забор, что он загудел, так что искры с него посыпались. Входит она в келию, а старец и спрашивает ее: "Ну, дивчина, як кувшин издив?", она ответила, а старец прибавил: "Ну добре, дивчина", и замолчал. Вот прошла полночь, было часа три или четыре ночи, старец Павел громким голосом кричит: "Петро, лихо твоему батькови, ты все спышь-та лежышь, пиды посмотри, яка на двори погода"? Она пошел и, вошедши в келию, говорит с удивлением: "Батюшка, на дворе мороз большой и снег". С того дня, недели за две до праздника Рождества Христова, морозно стало, легла хорошая санная дорога, и люди так заработали к празднику, как раньше никогда не приходилось. Вот и сбылись слова старца, сказанные Марии: "Ты, дивчина, иж хлиб у хозяина, а за людей Сам Господь промышляе".

Один крестьянин из села Алексеевка, по имени Филипп, ходил к старцу Павлу, и вот в одно время старец, провожая его домой, дал ему всего по обычаю: просфор, бубликов, ладану и проч., и при этом дает ему большую бутылку деревянного масла и говорит: "На тоби, Хвылып, оцю бутылку масла, та як в оций бутылке масла не стане, тоди у тебя и штанов не стане", и крестьянин: пошел домой и старался исполнять старческое наставление. Жил он со своим семейством сначала в полном согласии, жил при средствах, всегда имел в достатке свой кусок хлеба и одежду и все необходимое, потому что он жил по совету старца: всегда призывал Бога, лампада в доме его никогда не угасала, масло деревянное никогда не истощалось, и Филипп всегда наполнял им ту бутылку, которую дал ему старец, и к этому доброму делу у него всегда было хорошее внимание. Так продолжалось лет 20 после смерти старца. Но вот поросли его сыновья, которых он поженил; жена его умерла; начался раздел имущества сыновьям, и в этой мирской суете он рассеялся: внимания к старческим словам не стало, и все добрые навыки стали забываться, да и жизнь его не имела, так сказать, твердого пристанища - то у одного сына поживет, то у другого, и нигде не находил себе покою ни телесного, ни душевного. Сыновья мало уделяли внимания старику, и в конце концов дошел он до такой бедности, что не было у него средств справить себе даже необходимую одежду, так что соседи, видя его крайнюю нужду, давали ему свою одежду, и сбылось над ним слово старца через 25 лет после его смерти.

Один солдатик, окончивший военную службу, пришел за благословением к старцу Павлу: о нем доложили послушницы, старец

велел впустить его в келию и громким голосом стал кричать на одну из послушниц: "Марья, зовы до мене иеромонаха", а она в шутливом тоне и говорит: "Ну батюшка, какой там иеромонах - простой солдатик пришел". Тогда старец, как бы гневаясь, сказал: "А лихо твоему батькови, шо ты старца учишь?" И сбылись на деле слова его: пошел этот солдатик в монастырь, поселился в Глинскую пустынь, что в Киевской губернии, за свою хорошую жизнь получил там сан иеромонаха, а лет через 25 после смерти старца Павла открыл на Кавказе скит и сам был первым его настоятелем.

Из села Платова много ходило и ездило людей к старцу Павлу, и вот одна старушка, называемая по фамилии Сиротихой, очень любила и уважала старца, так что ничего не жалела для него и готова была отдать старцу все свое имущество. В одно время заявила в село Платово какая-то мошенница, пришла к этой старушке и говорит ей: "Вот меня прислал к тебе батюшка Павел Павлович, чтобы ты дала ему пару волов, так как они ему очень нужны". Не подозревая в ее словах обмана, та с великою радостью пошла в сарай, отвязала пару волов, которые были у нее чуть не единственные, и отдала их той обманщице, радуясь тому, что старец принял от нее жертву и еще тому случаю, что ее старика не было в то время дома. Приезжает старик домой, а старуха притворно с плачем говорит ему, что у них пропали волы. Старик от горя не знал, что и делать, и в великой скорби за тех быков и говорит старухе: "Давай поедem к батюшке в Таганрог, может, он нам скажет, где быки?" Старуха же в полной надежде, что старец их уже получил и воспользовался ими для своей нужды, с охотою согласилась поехать к старцу. Приезжают они к нему и рассказывают ему со слезами про свое горе. Старец Павел провидел, что старуха сама отдала быков и плачет притворно, и как бы ничего не зная, обращаясь к ней, говорит: "А лихо твоему батькови, нехай дид плаче, чога же баба плаче, сама отдала, та еще и плаче". Узнав из рассказа стариков о том, что именем его злоупотребляют люди недобросовестные и разные проходимцы, старец Павел для предупреждения своих почитателей послал тогда одного из своих послушников по окрестным деревням и селениям заявить, что он никогда ни от кого не просил и не просит никаких быков, ни лошадей, ничего другого, довольствуясь всегда тем, что ему благодетели приносят в келию. Этим предупреждением он старался предотвратить большое зло, именно: обирательство простых доверчивых людей разными шарлатанами, пользующимися простотою

их веры к старцу и к его словам. Однако, немало было людей, посещавших старца и противоположных, т. е. неверующих. Умевший видеть людей и знать их душевное расположение, старец не раз выражал это. Пришли к нему как-то из того же села Платова четыре женщины; он епросил каждую, как ее звать? Одна сказала - так, другая - так, а последняя сказала, что ее звать Верой. Старец, посмотрев на них проницательно, сказал с грустью: "У Платовой виры не було и не буде", что в действительности и было: мало было верующих, а неверующих - много.

Из села Покровского один старик, лет шестидесяти, рассказывал про старца Павла следующее. "Когда я был еще мальчиком, то однажды сильно заболел, так что не было надежды на мое выздоровление. Родители мои сильно за мной плакали. В то самое время через наше село проходил, отправляясь в Соловецкий монастырь на поклонение св. угодникам старец Павел и зашел к моим родителям на отдых. Родители мои поведали ему о своем горе, что сын их умирает. Подошедши к моей постели, любвеобильный старец стал утешать их да и говорит моей матери: "О, бабо, не журысь, и не плачь, Бог даст, буде здоров, та ще и сын тоби буде хороший", и старец ушел от нас. С того дня я почувствовал себя лучше и стал поправляться, в скором времени я совсем выздоровел и действительно был добрым сыном своих родителей, так что мать моя души во мне не чаяла и никак не могла на меня наглядеться и нарадоваться. Дождались родители и моей женитьбы, и я их кормил до старости и похоронил честно по-христиански, и сам по милости Божией живу на белом свете вот уже 60 лет и часто вспоминаю великого старца Павла, по молитвам которого, я верю, Господь мне дал здоровье и жизнь".

Много в этой главе приведено лиц, в жизни которых так или иначе исполнилось сказанное блаженным старцем, но этим, конечно, не исчерпывается все, касающееся прозорливости старца. Несравненно больше было случаев, в которых он проявил предвидение будущего, но случаи эти остались, к сожалению, не открытыми; тем не менее и приведенного в этой главе достаточно, чтобы видеть, как Господь прославил Своего избранника.

Старец Павел восходил от силы в силу в своей духовной жизни, и эта жизнь стала все более и более заметна для окружающих. Она была тем светильником, о котором говорит Господь в Своем

Евангелии: "Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваши добрые дела и прославят Отца вашего Небесного". Исполненная подвигов и добрых дел жизнь старца привлекала к себе людей, истомленных в борьбе с грехами, "облегчала их тяжелое греховное бремя. Народ, посещавший старца, сердцем чувствовал, что не обыкновенный был старец Павел, а истинный раб Божий, исполненный благодати и силы Божией. Он (народ) и искал именно этой силы, помощи Божией у старца, и ненапрасно: много душ, скорбящих и озлобленных, милости Божией и помощи требующих, получали чрез старца утешение и успокоение.

Любвеобильный старец Павел всех принимал, всем давал наставления, как жить и душу свою спасать. Свою любовь к людям он обещал являть и после своей смерти. Он не раз говорил своим послушникам: "Як я умру, а до вас люды будут ходить, то вы их водите до моей могилы, и воны будут говорить: здравствуйте, батюшка, - а я буду им отвечать: здравствуйте, мои добрые люди!"

Когда он говорил эти слова, то одна из послушниц его Мария засмеялась и сказала: "Да, батюшка, как закидают вас землей, то вы и не отзоветесь", а он с грустью и говорит ей: "О, дурна дивчина, а ще у мене живешь!" И сбылось слово его.

Старец умер, но могила его осталась незабвенной его послушниками и добрыми людьми. Много людей ежедневно посещают ее и в этом посещении находят себе благодатное утешение, как бы от самого старца. Да, слова его исполнились:

он отзывается к людям верующим,
отзывается не телесным голосом,
а своею благодатною помощью
и молитвою за людей
пред Престолом
Божиим.

***СЛУЧАИ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ,
ПОЛУЧЕННОЙ ЧРЕЗ СТАРЦА ПАВЛА
БОЛЬНЫМИ (ИСЦЕЛЕНИЯ)
ПРИ ЖИЗНИ СТАРЦА И ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ;
СЛУЧАИ БЛАГОДАТНОЙ ПОМОЩИ
В ДРУГИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ (НЕСЧАСТИЯХ)***

Свою высокою жизнью

подвижническую старец Павел стяжал себе у Бога дар молитвенной помощи, проявленной им в отношении людей несчастных и бедствующих. Так, одна благодетельница старца, некая Матрена, таганрогская мещанка, свидетельствовала: пришла она к старцу со своим мужем за советом, чем и как излечиться ей от своей долговременной и мучительной болезни ног (ревматизма). Из-за сильной боли она почти не могла ходить без посторонней помощи, так что сама едва могла перейти через улицу. Старец и говорит ей: "Матрена, собирайся-ка ты в Киев и в Почаев". Она подумала про себя: смеется батюшка, и сказала ему: "Батюшка, я не могу через дорогу перейти, как же я в Киев пойду?" Но старец твердо и настойчиво ей ответил: "Пидышь!" и велел ей собираться в дорогу. "Когда мы уже собрались в путь, - рассказывала она, - то старец сам надел на меня сумку, подвязал поясом, дал мне в руки палку, перекрестил, и я, к своему удивлению, пошла из его келий бодро, почувствовала себя здоровою и, несмотря на далекий путь в Киев, шла всю дорогу пешком и благополучно воротилась обратно. Я верю, что Господь послал мне исцеление чрез молитву за меня старца Павла".

Из села Ряженого Донской области, Таганрогского округа, одна крестьянка, по имени Елена, ходила к старцу Павлу и очень часто бывала в воскресные дни в городе Таганроге, посещала службы в св. храмах, и каждый раз заходила обедать к старцу Павлу по его повелению. В том же селе Ряженом жила ее родственница некая Ксения (фамилия неизвестна), которая много лет страдала припадками

и от этих припадков очень болела голова, так что в последнее время потеряла даже зрение и временами не могла сама ходить, и ее водили за руку. Елена, веря в праведного старца Павла и зная, что он многим помогал в нуждах своими молитвами, неоднократно и настоятельно советовала Ксении обратиться в своей болезни к старцу, но та все не хотела, отговаривалась тем, что болезнь не пускает ее пойти в Таганрог. Наконец, видя, что болезнь ее не проходит и даже усиливается, Ксения решила по совету Елены пойти к старцу Павлу. Приехав в Таганрог, она пошла в собор, чтобы увидеть там старца, так как в то время старец ходил еще на церковные службы в соборную церковь. Только что она вошла в ограду и стала всходить на ступени паперти, вдруг, где ни взялся старец Павел, подошел к ней сзади и с такою силой ударил ее в затылок кулаком, что, по ее словам, у ней как будто фонари в глазах засветились, и с головы ее как бы что-то слезло. Эта больная была уже пожилой женщиной, лет пятидесяти, имела веру в Бога и проводила хорошую жизнь.

Опомнившись от неожиданного и сильного удара, Ксения хотела войти в собор, но старец, стоявший пред ней, вынул из своей сумки кусок хлеба и дыню, сказал ей: "На тоби оце, пиды сядь в огради на скамеечку и зыишь, тоди прийдешь в собор и будем молыцца". Исполнив сказанное старцем, она вошла в собор и начала молиться, но вдруг старец опять подошел к ней сзади и вторично с силою ударил ее по голове, и она почувствовала, что глаза ее прозрели и стали видеть хорошо. С того времени, по ее словам, она окрепла здоровьем, припадки уничтожились, и головная боль больше не возвращалась. Она поблагодарила Бога и батюшку старца Павла и отправилась домой с великою радостью, получив исцеление, и прожила она в добром здоровье несколько лет, прославляя доброго старца Павла.

Из села Александровка одна женщина, по имени Пелагея, очень страдала сильными припадками, кричала разными голосами и бегала в исступлении по селу, лишенная ума. Муж ее Феодор не раз бывал у старца Павла; он решил повезти жену в Таганрог к старцу, говоря: "Что еще батюшка скажет, чем и как лечить ее?" У него не хватало уже терпения и сил возить ее по разным лекарям и бабкам, и главное, сколько ни лечил он ее, она не получала никакой пользы. Привозит он ее к старцу Павлу; их впустили в приемную, где старец принимал посетителей. И вот, когда старец вышел к ним и Феодор поведал ему свое горе, прося его св. молитв и совета, чем лечить больную, старец

вдруг обратился к больной и начал сильно кричать на нее: "Выгоните оцю дуру до хозяина, нехай вин йи зориже". И выгнал ее из своей келий. Она вышла, заливаясь горькими слезами, подошла к скирде сена, которое стояло во дворе (сено это было хозяина дома, у которого жил старец), легла под ним и безутешно плакала, что батюшка, вместо помощи, прогнал ее от себя. Так старец и не позвал ее больше в келию, и она вместе с мужем, погоревавши и вдоволь наплакавшись, отправилась домой в свое село, верст за 50 от Таганрога. Но слезы ее, по молитвам старца, обратились ей в радость; еще не доезжая до дому, дорогою она почувствовала в себе перемену: ей стало хорошо, как будто какая тягота с нее спала. С того времени припадки ее стали уничтожаться, и она, получив облегчение от своего недуга, с великим усердием и радостью пришла поблагодарить старца за его св. молитвы. Преподав ей наставление, старец послал ее в странствие в г. Мариуполь к чудотворной Смоленской иконе Божией Матери; она сходила туда и с того времени получила полное выздоровление от своей болезни. После этого Пелагея часто посещала своего благодетеля старца Павла и всем рассказывала, что "по молитвам праведного старца получила от Господа исцеление".

Прошло немного времени после исцеления этой женщины; в том же селе Александровке один бедный крестьянин, занимавшийся земледелием, заболел страшной болезнью. Болезнь его проявлялась сначала в большом росте живота, так что ему в тягость было носить его, а затем он весь стал пухнуть - лицо, руки и ноги. Сначала он лечился у докторов, но лечение это не принесло ему пользы, обращался он и к простым средствам, но и эти средства не приносили ему пользы в его тяжелой и неизвестной болезни. И вот эта Пелагея, испытывшая на себе силу старческих молитв и получившая исцеление а своей болезни, посоветовала больному обратиться к старцу Павлу, говоря: "Поедем к батюшке, что он тебе еще скажет". И сама согласилась повезти его в Таганрог. Привезла его в келию старца; их пустили, и вот старец, вышедши к ним с палкою в руках, обратился к Пелагее и сердитым голосом начал говорить ей: "У-у! Дура така, привезла до мене прыкащыка, пойдем, каже, до батюшки, шо батюшка скажыть", а затем, обращаясь к больному, так же сердито сказал ему: "А ты! Напрыкащыкував пузе, тай кажешь, шо больный", да палкой его в живот и ширнул, и выгнал их из келий во двор. Получив укоризну от старца, они сели около своей подводы, не зная, что делать и что думать

о таком поступке старца. Выходит к ним послушник старца Емельян и, увидя их, сетующих, начал утешать их, говоря: "Не плачьте, рабы Божий, Бог даст, батюшка вас еще позовет". И действительно, недолго им пришлось ожидать; чрез несколько времени старец высылает свою послушницу позвать их опять в келию, и, когда они вошли, он снова начал кричать, говоря одной из своих послушниц: "Ульяна! Налый бутылку св. воды и дай оций дури, а то дорогою, як растопе сало з оцею прыкашыка, то вона хоть водою буде заливаеть его". И старец сейчас же велел им отправляться домой в свое село. Проехали они уже верст 30 от Таганрога, и вдруг с больным сделалось так нехорошо, такое сильное расстройство желудка, что от сильной слабости делался без памяти, так что только св. водою она и облегчала его тяжелое состояние, давая ему пить эту св. воду. Пока они доехали домой, это расслабление желудка было раз десять, и живот его с каждым разом становился все меньше и меньше, принимая свой естественный вид. Когда они приехали домой, то вся опухоль его опала, и живота не стало, и он имел вид обыкновенного здорового человека, а через несколько времени совершенно поправился здоровьем и прожил после сего немалое время, благодаря Бога и прославляя Его подвижника старца Павла, глубоко веря, что он получил исцеление именно по молитвам старца.

В одно время у старца Павла было много посетителей и между ними был один человек из Петрушиной, именем Стефан. В то самое время приехали из Иерусалима два поклонника, и о них доложили старцу Павлу, что они желают видеть его лично. Он велел впустить их в кухню и посылает к ним этого Стефана: "Пиды, Степан, та спросы у тих странников, шо вони на Черном мори бачили, та нехай кажут правду". Стефан вышел к ним и говорит: "Батюшка спрашивает вас, что вы видели на Черном море, да говорите правду". Они содрогнулись от старцевой прозорливости и открыли ему всю истину. "Когда мы ехали по Черному морю, - рассказывали те странники, - была сильная буря и шторм, пароход качало из стороны в сторону, так что волны переливались через него, и мы были в большой опасности и приходили в отчаяние. Не надеясь на человеческие усилия помочь беде, мы обратились тогда к молитве и призывали имя старца Павла, чтобы он своими молитвами исходатайствовал нам у Бога помощь и спасение. И вдруг, о чудо! Увидели мы старца, прошедшего по пароходу в белой одежде, подобной снегу, подвязанного поясом, с палкою в руках, и он

стал невидим, после чего буря начала стихать, и скоро сделалась на море тишина, и мы благополучно доехали до пристани и теперь заехали поблагодарить его, великого молитвенника за бедствующих людей". Когда Стефан вошел в келию и передал старцу этот их рассказ, который слышали все посетители, тогда старец призвал этих странников и просил их и всех слышавших никому не рассказывать об этом событии: "Пока я не помру, - говорил старец, - а як помру, то хоть и всем рассказывайте".

Во всех приведенных случаях мы видели, как действенна была молитвенная помощь старца Павла в отношении людей страждущих при его жизни, но и по смерти его сильна его молитва для верующих, по свидетельству людей, испытавших на себе благодатную силу этой молитвы праведника.

Прошло после смерти старца Павла лет восемь; одна девица, по имени Татьяна, жившая в келий старца в качестве послушницы, однажды зимою пошла без благословения на море принести воды. Придя к ополони, она стала набирать из нее воду, и вдруг ведро (вероятно, от сильного холода рука ее ооченела) сорвалось с ее руки и скрылось под водой. Испугавшись случившегося, она не знала, что делать и как ворочаться в келию с одним ведром, тем более, что она нарушила келейное послушание, выйдя без позволения. Она долго употребляла все усилия, чтобы достать ведро, опускала в ополонку руку и коромысло во все стороны, но ничего не получалось; промучившись так долгое время и изрядно намерзшись, она стала молиться Богу, и тут ей пришли на память слова старца Павла, как он говорил одному посетителю: "Як у тебе буде яке горе, хоть на мори, хоть на воли, а ты крычы: "Павло, ратуй!" - и я буду помогать тебе". Со слезами на глазах, она в отчаянии стала кричать и просить старца: "Батюшка, старец Павел! Ты ж так учил людей просить тебя и обещал им помогать, помоги же и мне, живущей в твоей келий, найти потерянное!", и, осенив себя крестным знамением и сказавши: "Господи, благослови, батюшка дорогой, помоги", она закинула коромысло в воду, и вдруг как бы кто руками накинуд ведро на крючок, и она вытащила его из ополонки, радуясь и благодаря Бога и дорогого старца, веря, что именно он помог ей в ее несчастьи.

В 1902 году, в Великий пост, одни синявские рыбаки ловили рыбу на Дону компанией. В то время наказным атаманом некоторые места в реке были строго запрещены для ловли и за ними следила

стража: случалось даже, что некоторые хищники, ловившие рыбу в запретном месте, даже убивались стражею, а рыболовные снасти отбирались в пользу казны, но эти вышеупомянутые рыбаки ловили рыбу на разрешенном месте. Улов их Господь благословил, и они поймали много рыбы и приставили ее для продажи в Таганрог и сейчас же по приезде тут же на пристани ее продали, сторговавшись с покупателями, за 700 рублей. Только что они успели ее сдать покупателям и готовились получить за нее деньги, как вдруг к ним подбегает полиция и всех их здесь же арестовывает; проданную рыбу отобрали, а их посадили в участок по доносу неизвестных лиц, здесь же присутствующих, обвинивших их в том, что якобы они ловили эту рыбу в запретных местах. Сидят они в участке и не знают, что им делать, за что их посадили и что их ожидает? Находясь в такой напасти и не чувствуя за собой никакой вины, они начали молиться, чтобы Сам Господь их защитил. И вот, одному из этих рыбаков, по имени Василий, который был зятем одного благочестивого благодетеля старца, по имени Леона Катрича, пришло на память воспоминание о великом старце Павле, который во время своей жизни много помогал бедствующим людям в их несчастиях. Он и говорит своим товарищам: "Братцы, знаете, что я надумал? Есть здесь недалеко в городе келия старца Павла, давайте пообещаем пожертвовать в нее хотя бы немного на деревянное масло для лампады, если мы получим деньги за проданную рыбу". Все с радостью ухватились за эту мысль и с усердием пообещали принести свою жертву в келию старца, молитвенно призывая при этом на помощь прашедника, чтобы он помолился о них Господу об избавлении их от напасти. И о, чудо! Только что они это сделали, вдруг открывается дверь, где они сидели, входит к ним полицейский и сопровождает их к начальнику. Начальник с честью отдал им деньги 700 рублей, успокоил их и отпустил домой с добрым расположением, говоря: "Идите себе с Богом", а тех клеветников осрамил и выгнал их вон, и они с позором при многочисленной толпе, осыпавшей их насмешками, принуждены были почти что бежать и моментально скрылись из виду. Тогда те рыбаки, приписывая свое освобождение молитве старца Павла, тотчас же отправились исполнить свое обещание - поблагодарить своего заступника и помолиться в его келий. Пришедши к воротам старцевой келий, они попросили впустить их туда, но послушница, вышедшая к ним, когда увидела этих людей, - их было четыре человека, и все они

были необыкновенно большого роста и на вид суровые, - она испугалась и не хотела их впускать, но, узнав от них, что они пришли издалека и по очень важному делу, наконец, решилась открыть им фортку. Вошедши в келию, они с усердием помолились Богу и рассказали живущим там послушникам о всем случившемся с ними, приписывая свое спасение молитвам великого подвижника старца Павла, и пожертвовали обещанное на неугасимую лампаду. В то время был в келий старца один благодетель, приехавший из Ростова-на-Дону, по имени Иван Калинович Омельченко, который видел этих рыбаков и все рассказанное ими слышал, и он прославил Бога и Его подвижника старца Павла.

Упоминаемый уже в этом жизнеописании Антон Харитонович Мерошниченко после кончины блаженного каждый год неопустительно раз или два ездил на его могилу и в келию в Таганрог из любви к старцу, который своими молитвами много помогал ему. Перед смертью старец Павел завещал ему не оставлять его келий и живущих в ней, и Антон Харитонович свято исполнял это завещание и много жертвовал туда как деньгами на наем обеден, так и вещественными приношениями. Это продолжалось лет 20 после смерти старца, но вот незадолго до смерти на Антона Харитоновича напало искушение, враг начал внушать ему нехорошие мысли в отношении старца: зачем он все в Таганрог дает деньги нанимать по старцу обедни, когда он мог бы пожертвовать эти деньги и в свою приходскую церковь и дать заработать своему храму, а также и своим духовникам. Вняв этой злой вражеской мысли, он один год решил не поехать в Таганрог и заказал в своем храме годовой сорокоуст по старцу, уплатив за ежедневное служение литургий 700 рублей и успокоив себя мыслию, что он сделал все должное по отношению к старцу. Но спокойствие его продолжалось недолго; на него напала такая тоска и досада, что не было для него радостного ни одного дня с тех пор, как он перестал ездить в Таганрог. К тому же служба в приходском храме совершалась небрежно и с пропусками: приедет он в церковь среди недели, а службы или вовсе нет, или служится обедница, что очень его огорчало и тревожило его совесть, что он неправ в отношении к почившему старцу, так сильно его любившему. В семействе у него также было что-то неладное: сыновья его, прежде скромные люди, свихнулись, часто стали проводить время в компании среди гуляющих и вели себя далеко не так, как прежде. Народ все это

видел и, раньше всегда относившийся с уважением к Антону и всей его семье, теперь стал даже смеяться, говоря его сыновьям: "Отец ваш годовой сорокоуст нанял, а вы гуляете да пьянствуете", и много ему пришлось вынести порицаний и огорчений от своих односельчан. Но это было еще не все. При такой неурядице Господь наказал его еще стихийным бедствием: пронеслась большая буря над его имением, которая сильно разорила его: посрывала крыши с его амбаров и разных строений и разнесла много зернового хлеба; много также пропало и других предметов хозяйства, так что он понес большие убытки в течение того года в своей экономии, и Антон Харитонович упал духом, а главное, в будущем не видел для себя ничего отрадного, и начал он задумываться, не оттого ли это все ему приключилось, что он стал забывать своего друга и благодетеля старца Павла. Тогда во сне явился ему старец и, став у порога его дома, как бы наяву своим обычным громким голосом говорит ему: "Антон! Пора в Таганрог ехать". Сон этот разбудил и встревожил его; он немедленно собрался и поехал в Таганрог, в келию старца: нанял обедню по нем, отслужил панихиду над его могилой и попросил у старца прощение, и мгновенно сердце его успокоилось, и стала в душе радость. С того времени до конца своей жизни Антон Харитонович опять стал ездить в Таганрог и посещать могилу и келию блаженного старца Павла. Этот случай вразумления, данного старцем своему бывшему другу, ясно показывает, что старец Павел, так много послуживший ближним своим при жизни, не забывает их и после своей смерти. Стяжавший пламенную любовь к Богу и возлюбивший ближнего своего по заповеди Божией, он воистину имеет дерзновение к Господу, испрашивая верующим и обращающимся к нему помощь и заступление от Господа.

Не ограничиваясь изложенными к сей главе случаями, в которых проявилась благодатная помощь старца верующим людям, приведем еще примеры такой помощи, явленные блаженным старцем уже много лет спустя по его кончине. Для большей достоверности описываемых ниже поистине дивных деяний почившего старца предоставим говорить о них лицам, испытавшим на себе эту благодатную помощь.

Смоленской губернии, Гжатского уезда, села Рождественского крестьянка Наталья Ф. Потапенкова, имевшая от роду 40 лет, проживающая в г. Таганроге около тридцати лет, в доме по

Старопочтовой ул., № 64, рассказывала, что с 1889 г. от самого замужества страдала она внутренней болью, сопровождавшейся удрученным состоянием души: развратные мысли не давали ей покоя, какая-то невидимая сила заставляла ее ругаться бранными словами, и, несмотря на лечение, она не получала облегчения. Зависела ли ее болезнь от ее слабого организма или от частых родов (у нее было шестнадцать душ детей) - неизвестно, но только болезнь эта не поддавалась лечению и в последние годы все больше усиливалась: брань и ругательства до того ею овладевали, что она, не отдавая себе отчета, кляла и бранила своих детей-малюток, просила им у Бога смерти, иногда же в порыве исступления на нее находили страшные мысли - умертвить ребенка или искалечить его. Неудивительно посему, что дети эти под влиянием материнских проклятий в большинстве долго и не жили и скоро умирали; из шестнадцати душ только трое остались в живых. Выше сказано, что она обращалась к таганрогским докторам, но помощи от них в своей болезни не получала. Как-то однажды купила она у одного развозчика молоко, и, когда опорожняла кувшин, то развозчик и говорит ей: "Скорей, тетка, давай кувшин, а то мне непременно нужно заехать на кладбище". А время было уже позднее. Она спросила его, отчего он так спешит на кладбище, разве есть у него кто там похоронен. Тогда тот развозчик начал ей рассказывать о благочестивом старце Павле Павловиче; как он, когда был жив, говорил ему: как хорошо будет человеку тому, кто будет ходить в его келию, а после его смерти на его могилу. "Вот я стараюсь исполнять его слово и часто посещаю его могилу и чувствую себя в своей жизни хорошо. Смотрю я на тебя и замечаю, что ты больная, вот я и тебе советовал бы сходить на старцеву могилу и в его келию". Женщина эта исполнила совет развозчика и пошла искать келию старца (три дня искала ее), затем пришла на могилу его и со слезами стала просить его св. молитв. Почувствовав некоторое облегчение в своей скорби, она тайно от своего мужа стала часто посещать его могилу, усердно прося старца о выздоровлении. В скором времени брань и дурные помыслы исчезли, внутренняя боль облегчилась, и она стала жить спокойно и с тех пор вот уже двадцать три года чувствует себя совершенно здоровой, прославляя Бога и приписывая свое исцеление заступничеству праведного старца Павла, которого она с великою верою почитает и к которому прибегает во всех обстоятельствах своей жизни.

У вышеупомянутой женщины Натальи Потапенковой, получившей исцеление у старцевой могилы, была родная сестра Анна, по мужу Сорокина, также проживающая в городе Таганроге, имеющая теперь от роду 47 лет. Получив благодатную помощь от старца, Наталья, по чувству родственной любви, стала молиться и просить старца за свою погибающую от сильного пьянства и разврата сестру, и молитва эта, растворяемая обильными слезами и подкрепляемая верою в силу молитв старца, не осталась тщетной. Вот что рассказывала о себе эта самая Анна Сорокина, как она провела свою жизнь: прожила она в замужестве как следует, по-христиански, - пять лет, последние же тринадцать лет вела очень распутную жизнь, без водки не могла прожить ни одного дня во все эти годы; пропила все свое имущество, которое получила она от родителей в приданое, а также все оставшееся от свекрови; пила так сильно, что снимала последнюю сорочку, как говорят, и ту меняла на водку. Пропивши все свое, она нередко захватывала и чужое и несла в кабаки. Часто бросала свой дом и шлялась по кабакам, где с такими же, как и сама, распутными мужчинами гуляла и развратничала, допиваясь нередко до того, что валялась без чувств на улицах под заборами, одним словом, дошла до того в своей жизни, что, потерявши человеческую совесть и стыд, обратилась в босовичку, погибая и нравственно, и физически. В последнее время от великого и чрезмерного пьянства у нее стали появляться припадки белой горячки, при которых она доходила до того, что хватала в руки топор и веревку с намерением лишить жизни себя или мужа. Припадки болезни повторялись все чаще и чаще; ум ее начал как бы помрачаться, и она не знала уже, что ей и делать, но Милосердный Господь, "не хотящий смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему", показал этой погибающей женщине путь спасения в сонном видении. Видится ей во сне, рассказывала она, будто она на Таганрогском кладбище пришла к какой-то гробнице и увидела там свою родную сестру, которая стояла там и, обращаясь к этой гробнице, усердно молилась за нее об избавлении ее от пьянства. Выслушав ее моление, Анна тут же спросила сестру: "Кого ты просишь за меня?", но она, вместо ответа, взяла меня за руку и толкнула меня на ту гробницу со словами: "Молись и ты и проси, здесь прозорливый лежит". Поднявшись с гробницы и оглянувшись назад, я тут увидела своего Ангела-хранителя, который сказал мне: "Покайся, а то я тебя брошу, и ты погибнешь". Здесь я проснулась и не могла

понять, что со мной... Тогда я отправилась к сестре и рассказала ей про свою болезнь, также и какой сон видела. Выслушав меня, сестра с первого же слова начала говорить мне о старце и советовала просить его св. молитв: "Ты бы, сестра, ходила на гробницу батюшки старца Павла и на его обедню, да пила бы св. воду, взявши с его молебна, которая освящается по литургии, да взяла бы земли с его могилы, может быть Господь исцелил бы тебя по молитвам старца".

Эти слова как бы пронзили мое сердце до глубины души, и я, истрадавшись от великого горя, воскликнула: "Веди, веди меня, сестра, куда хочешь, лишь бы я только не погибла!" Через два дня по обычаю была обедня по старцу Павлу в Кладбищенской церкви, и мы с сестрой пришли туда, и, когда после обедни священник пошел служить панихиду на могилу старца, тут-то я и рассмотрела ту самую гробницу, которую видела во сне, и от душевного волнения и в ужасе закричала: "Сестра, сестра, вот это та самая гробница, что я видела во сне, тут мое спасение от гибели; прошу тебя и умоляю, не оставляй меня и всегда води до этого гроба". С того времени я часто начала посещать могилу старца и бросила пить водку. Теперь расскажу, каких трудов стоило мне мое исцеление от этой гнусной и тяжелой болезни - пьянства; невидимый враг человеческого спасения полагал мне великое препятствие на пути к обращению; больших трудов стоило мне вначале посещать могилу старца, я с неохотою шла, но все-таки старалась принудить себя, так как от каждого посещения могилы старца я чувствовала облегчение. Видя мое твердое намерение к своему исправлению, враг начал разжигать мою плоть всеми мерами: мне так хотелось водки, что внутренности мои, казалось мне, горели, и от великого воспаления я не могла удержаться и кричала неистовым голосом, а также рвала на себе всю одежду; хлеба и другой пищи я не могла принимать в это время, только и находила себе спасение у могилы старца. Измучившись припадком, я бросаю все, накидываю на себя шаль и, не считаясь со временем (даже зимою), скорее бегу на кладбище к могиле старца, которая стояла еще без часовни, падаю на могилу и кричу, прося у него помощи от этого вражия разжигания, беру с могилы землю, ем ее и осыпаю ею все тело, которое, казалось мне, находилось в пламени; тут-то я и чувствую облегчение, у меня является аппетит, и, придя домой, я могла принимать пищу. Так я мучилась целых полгода и все это время боролась со своим тяжелым положением, ежедневно бегая на могилу старца, которая давала мне

облегчение и поселяла в душе надежду, что Милосердный Господь и Матерь Божия спасут меня от этой ужасной болезни по молитвам праведного старца. И действительно, надежда моя не осталась тщетной, через полгода вражия борьба меня оставила, я почувствовала успокоение в душе и полное выздоровление от своей болезни; с того времени пошел уже седьмой год; я чувствую себя очень хорошо, как будто я на свет народилась; все соседи мои удивляются перемене моей жизни и, зная мою прошлую жизнь, с недоумением спрашивают, как и кто мог отвлечь меня от такой мерзкой и распутной жизни, я же твердо уверена, что Господь меня исцелил по молитвам Своего угодника благочестивого старца Павла, в чем даже могу свидетельствовать под присягою. Адрес мой: г. Таганрог, Александровская улица, № 19. Свидетель моей болезни и выздоровления Ф. Черидов.

Села Николаевки, Таганрогского округа, крестьянка Марфа И. Паравская, имевшая от роду 40 лет, страдала десять лет расслаблением всех членов и болезнью внутренних органов, особенно позвоночный столб не давал ей никогда покою. Испытала она все простые средства и ничего от них пользы в болезни своей не получила. Тогда она обратилась в г. Таганрог к врачам, которые, внимательно осмотрев ее, нашли у нее серьезную болезнь и сказали, что ей необходимо тщательное лечение и хороший уход, на что требовались средства, но так как последних у нее не было, то она решила отправиться в с. Шабельск, где была бесплатная земская лечебница. Там доктора пользовали ее две недели, и она не только не получила облегчения, а, напротив, состояние ее сделалось очень тяжелым, и врачи, опасаясь ее смерти, отправили ее обратно домой, где она долгое время находилась между жизнью и смертью. Испытавши и простое лечение, и врачебную помощь, она решила прибегнуть к последней и единственной помощи - Божией. Услыхав от людей про старца Павла, она решила поехать на его могилу и со всем усердием стала молиться там о своем исцелении, прося старческих молитв за себя пред Богом. Вера ее в силу старческих молитв не посрамила, и она почувствовала облегчение. Взявши с могилы земли, она уже дома привязала ее к позвоночному столбу и носила, отчего стала замечать, что боли ее членов уменьшились и все тело ее укрепилось, так что понемногу она начала даже делать домашнюю работу, между тем как раньше она в силах только была в постели лежать. Через несколько времени она совсем выздоровела от своей болезни, приписывая свое исцеление милости Божией и св.

молитвам старца Павла. В благодарность за свое исцеление она обещала часто посещать могилу старца и посещает ее два раза в неделю до настоящего времени. "Свидетели моей болезни и выздоровления муж мой Павел Паравский и Наталья Мартыненко".

Таганрогского округа, хутора Бесергеновки жена крестьянина Романа Надольского, по имени Евдокия, 48 лет, рассказывала, как она в 1909 году получила исцеление от могилы старца Павла. "Восемнадцать лет я страдала хроническим помешательством, как признали мою болезнь доктора. Каждый год два или три месяца у меня появлялись припадки умопомешательства является у меня какой-то безотчетный страх. Я боюсь людей, бросаю дом и даже грудных детей на произвол судьбы и бегу в степь, и живу там недели по две, а иногда и больше, чем много хлопот доставляла мужу и домашним, которые принуждены были часто и подолгу искать меня, но у меня опять являлась мысль бежать из дома, нередко я даже обманывала мужа, говоря, что пойду в церковь, г. между тем убегала в степь и скиталась там. Муж мой все старания прилагал к моему лечению; за эти восемнадцать лет мы пролечили шесть коров, а по мелочи и сосчитать нельзя; долечились до тех пор, что пришли в крайнюю бедность; испытала я и простых лекарей, и ученых докторов, и кто бы чего ни посоветовал, то исполняли. В последнее время доктора отказывали в моем лечении и советовали отправить меня в Новочеркасск в сумасшедший дом. Ездили мы по совету людей и к святыням Киевским, но и там Господь не благоволил подать мне исцеление, но Своими неисповедимыми судьбами привел меня на могилу Своего нового угодника старца Павла, где благоволил послать мне Свою небесную помощь. Пролечивши все свое состояние, мы пришли в крайнее убожество, а мое болезненное несчастное состояние не улучшалось и только вызывало сострадание людей, видевших меня. Одна таганрогская госпожа, у которой я жила в прислугах девушкой, жалея меня, из своих собственных средств истратила на мое лечение 300 рублей, но болезнь моя не поддавалась лечению и становилась горшей; мои односельцы, жители села Бесергеновки, видя мои страдания, горевали надо мной, и вот одна старушка, узнав о моем несчастном положении, посоветовала мне пойти на обедню, совершаемую по старцу Павлу, и подать о упокоении его просфору и затем ту просфору кушать, а также пойти на его могилу и помолиться ему об исцелении, что я с великим трудом исполнила: в церковь я

сходила и просфору за упокой старца подала, но когда я решилась пойти на могилу его, то какая-то невидимая сила мне препятствовала и внушала мне такие мысли: неужели поможет тебе эта мертвая могила, и я два раза ворочалась назад, наконец, в третий раз с великим усилием пришла на могилу старца и усердно просила его о своем исцелении. Накануне этого посещения старцевой могилы мне было сновидение, будто какой-то старец взял меня за голову и подавил ее руками крестообразно, и при этом сказал: "Теперь будешь здорова". По описанию вида старца - это был именно старец Павел. С того времени прошло уже три года, припадки моей болезни более не повторяются, и я чувствую себя совершенно здоровой, благодаря Бога и праведного старца Павла".

Одна молодая женщина, крестьянка Черниговской губернии, проживающая в Таганроге Агафия Терещенкова, двадцать пять лет страдала от младенчества припадками, и в такой болезни вышла замуж. Припадки ее не оставляли и с возрастом, и доводили ее до всевозможных мучений, ни днем, ни ночью она не находила себе покоя; во время ночи припадки ее еще более ожесточались, ее бросало в постели, и ей казалось, что тело ее разрывается на части, и, бывало, так ее измучит за ночь, что молодая женщина не имела на себе никакого вида, и в таком несчастном состоянии ей нередко приходила мысль покончить жизнь самоубийством. Не имела она утешения и в храме Божиим, когда, бывало, придет помолиться в церковь; страшные и хульные мысли на Бога и Божию Матерь одолевали ее, и она не могла даже смотреть на божественные лики св. угодников, а когда ее подводили к Св. Тайнам, то от великого трясения и нервного расслабления она едва стояла на ногах. В таком горестном несчастном состоянии обратилась она в Греческую церковь к священнику Матфею Попандопуло, который вычитывал над нею заклинательные молитвы, но Господь не благоволил подать ей исцеление, и болезнь ее продолжалась; сколько раз она служила молебны с водосвятием, но все напрасно. Тогда она по совету людей добрых отправилась на могилу старца Павла и, помолившись здесь, почувствовала успокоение, а затем и облегчение от припадков болезни. "С того времени я неоднократно стала посещать могилу блаженного старца и раз от разу мне становилось лучше, так что в настоящее время (прошло уже пять лет) я чувствую себя совершенно здоровой; не знаю, как благодарить мне Бога, что теперь в храме Божиим имею возможность спокойно

молиться, радуюсь и благодарю великого старца Павла за его св. молитвы о мне, грешной, так как с твердою верою свидетельствую, что по его молитвам Господь дал мне исцеление. Свидетель моей болезни о. Матфей Попандопуло".

У одного крестьянина Донской области, Таганрогского округа, Тимофея Голотина, четырехлетняя дочь Варвара страдала частыми припадками. Все эти четыре года родители употребляли все средства, чтобы видеть своего единственного ребенка здоровым, но болезнь не уменьшалась, а напротив, усиливалась, так что припадки временами повторялись два-три раза в сутки! В 1903 году, когда они переезжали на жительство в Таганрог, то везший их с вокзала извозчик, увидя страдания девочки от случившегося с ней припадком, дал матери такой совет: "Вот что вы сделайте: здесь у нас на кладбище похоронен старец Павел, так вы подайте об упокоении его просфору и кормите этой просфорой свою дочь, и она, Бог даст, будет здорова". Они послушались этого совета, начали давать девочке просфору, и ей стало лучше. Тогда они стали водить, по совету людей, девочку еще на могилу старца и на обедню, совершаемую по нем, и в скором времени припадки болезни совсем уничтожились, и теперь девочка эта в полном здравии растет на радость родителям. В настоящее время ей уже 18 лет. Мать этой девочки Параскева Голотина также страдала внутренней женской болезнью, так что работать она не могла, и только кое-что делала, и то с трудом, по домашности. Хотя и искала она помощи в лечении, но таковой не получала. Когда же, водя свою девочку на могилу старца и на его обедни, стала молиться и за себя и просить помощи у старца, то почувствовала и себя лучше, а затем и вовсе стала здорова и в благодарность за свое выздоровление дала обещание всегда посещать могилу старца, что и исполняет до настоящего времени, посещая ее три раза в неделю.

Проживающий в г. Таганроге, Смоленской губернии, Гжатского уезда крестьянин Спиридон Потапенко заболел желчной болезнью. Немедленно же был приглашен к больному таганрогский врач Шамкович, который нашел его болезнь тяжелой и опасной и, признав надежду на его выздоровление сомнительной, отказался его лечить. Тогда домашние его обратились за помощью к старцу Павлу, взяли от его гроба земли и св. воды из его келий, которой больной так сильно желал; стали давать ему пить эту воду, и больной скоро почувствовал себя лучше, внутреннее воспаление стало

уменьшаться, и желчная болезнь стала проходить, к удивлению и радости всех домашних, которые и не надеялись уже его видеть в живых, считая его почти безнадежным; теперь же говорили, что он воскрес из мертвых. Выздоровление свое больной приписывает силе молитв старца. Свидетели его болезни - кассир Таганрогского вокзала Георгий Кочергин и Наталья Китова. Старопочтовая улица, дом № 64.

В 1909 году у одной таганрогской мещанки Софии Сидовой, проживающей на Дачном переулке, № 15, семилетняя девочка Анна по неосторожности обварила свое лицо кипятком. Мать в великом испуге, не зная, что делать, схватила в руки мелкой соли и ладонью начала тереть по обваренному лицу, так что вся кожа с лица осталась в руках ее, глаза, рот и шея слились в одно, и не было на ней подобия лица человеческого. Эта девочка, привыкшая всегда бывать на могиле старца, стала просить и кричать: "Мама, мама, несите меня скорей на могилочку старца Павла". Мать в испуге схватила свою дочь и побежала с ней к гробнице старца и, когда вошла в часовню, посадила ее на могилу, а сама с горькими слезами припала также к гробнице и кричала: "Батюшка дорогой, что же мне теперь с нею делать?" Тут ее сейчас же осенила мысль взять от лампы его масла, и она, взявши в рот масла взбрызнула им в обваренное лицо своей дочери, которое скорее походило" на мясо, и продолжала плакать и просить у старца его св. молитв. Посидев немного у могилы, она обернула девочку в простыню и отправилась домой, взявши и туда масла, от старцевой лампы. Когда она раскутала девочку, то увидала на лице ее крупный пот, девочка же от великой боли продолжала стонать и по временам вскрикивала. Когда сбежались соседи, то все пришли в ужас, что она мазала обваренное лицо деревянным маслом, и предлагали каждый свое лекарство, но девочка, ничего не видя от большой опухоли, слыша все эти предложения, наотрез отказывалась от них и все только кричала: "Мама, мажьте мне лицо батюшкиным маслом". С великими криками и стоном она, наконец, заснула, и вот ей снится сон, будто несут гроб со старцем Павлом, и она подбежала к нему и кричит: "Батюшка, исцели меня!" Тогда старец протянул свою руку и сделал на ее лице крестное знамение. Когда девочка проснулась, боль ее немного стихла и в четырех сторонах на ее лице (следы, как она рассказывала, перстов старца) стали обозначаться места заживления; кожа стала заживать, и лицо постепенно очищалось от ожогов, так что и следов не осталось от сильного обвара. Все случившееся с девочкой Анной

могут подтвердить свидетели, живущие также на Дачном переулке, Матрена Лукьяновна Жилина, № 17, и Мария Савронова, № 12-й.

Крестьянин Харьковской губ., Изюмского уезда, Цареборисовской волости, Антон Леонтьев Манжура, в 1910 году в феврале месяце принес на могилу старца Павла свою больную трехлетнюю дочь Елену, которая болела около трех месяцев неизвестною, но тяжкою болезнью. Ребенок почти ничего не ел, и состояние его здоровья угрожало смертью, но когда его положили на гроб старца, с того времени у него явился аппетит, и он стал выздоравливать и в скором времени совершенно оправился от болезни. Свидетели этого исцеления Андрей и его жена Феодосия Терещенковы.

Таганрогская мещанка Мария Пилищелкова свидетельствует: "Я страдала пороком сердца десять лет, и все эти годы без лекарств не могла жить ни одного дня и все-таки не получала никакой пользы; тело мое иссохло до костей, потому что от этой томительной сердечной болезни не было у меня никакого аппетита. По совету добрых людей я начала ходить к могиле старца Павла и просить его св. молитв, прикаться к его могиле и бывать на обеднях, которые совершаются по нем в храмах Божиих два раза в неделю, и почувствовала в скором времени исцеление своего наболевшего сердца. Это было в 1905 году; с тех пор я считаю своим долгом посещать его могилу и заупокойные литургии по нем в благодарность за свое выздоровление. Живу я на Старопочтовой ул., № 34".

Рязанской губернии Касимовского уезда, жена крестьянина Ксения Волкова, проживающая в Таганроге в собственном доме, по Николаевской улице, № 84, имевшая от роду 59 лет, заболела нервным расстройством: хульные помыслы против лика Божия и против Самого Бога и Его святыни не давали ей покоя день и ночь, она сильно страдала, чувствовала сильную боль в подгрудной области, и ей казалось, что так образовался как бы нарост, который не давал ей не только наклониться, но даже препятствовал дыханию, и она тяжело дышала. Она сначала старалась скрывать свою болезнь от домашних, ходила не раз в церковь и служила молебн о своем выздоровлении, но молитва ее не принесла ей облегчения, хульные мысли по-прежнему преследовали ее, и она решила высказаться пред мужем и поведать ему о своем горе, говоря: "Веди меня, старик, на кладбище к могиле старца Павла, а иначе я погибну". И вот 10 марта, в день памяти старца Павла,

они явились на могилу его и усердно молились там об исцелении болящей. Как свидетельствует сама исцелевшая, с того дня ей стало лучше, хульные помыслы исчезли, нарост под грудью стал уменьшаться, и в настоящее время она совершенно здорова. Этому пошел уже второй год, что может подтвердить муж ее Никита Волков.

Крестьянка Курской губернии, проживающая в Таганроге, Елена Черкасова, 46 лет, страдала двадцать восемь лет черной болезнью: "чувствовала боль в членах, отвергала святыню и крестное знамение не могла положить на себя, как будто сила какая удерживала мою руку, и я не могла довести ее до лба. В храм Божий, если и ходила, то с великим принуждением, и тяжело мне было стоять в нем; какое-то сильное раздражение нападало на меня, и я всегда выходила из него раньше времени. При этой душевной болезни у меня были сильные рвоты, так что иногда повторялись на день несколько раз. Все эти двадцать восемь лет провела я в болезненно-угнетенном состоянии, страдая духом и телом, но когда я узнала могилу праведного старца Павла, с того времени я почувствовала облегчение, и, по милости Божией и молитвам старца, до сего времени живу спокойно и благополучно. Адрес мой: Полтавский переулок, №78. Свидетельница моей болезни и выздоровления Неонила Егавцова, Екатериновская ул., 125".

Таганрогская мещанка Ефросинья Попова рассказывала: "Заболела у меня девятилетняя дочь Елена; болезнь эту доктора называли сивопляской; три с половиной месяца девочка сильно страдала; обращалась я с ней к доктору г. Заку, который прописал ей пить какую-то микстуру, но она не принесла ей ни малейшего облегчения, и она по-прежнему испытывала сильные боли во всех членах; на ногах не могла стоять, голова и руки подергивались непрестанно, а в половине времени болезни она и совсем перестала ходить и слегла. Тогда я оставила все лечение искусных врачей и обратилась за помощью к могиле старца Павла. Когда в Греческой церкви была обедня по старцу Павлу, я принесла на руках туда свою больную дочь, где о. Матфей Попандопуло приобщал ее Св. Христовых Тайн; он видел страдания моей больной дочери и может подтвердить ее бывшую болезнь, но Господу не угодно еще было подать исцеление больной; когда же я в день памяти старца в 1910 году 10 марта пришла с своей расслабленной дочерью на могилу старца Павла и, положивши ее на ту могилу, стала от великой скорби кричать

и просить старца о помощи, помощь эта не замедлила явиться: не успели мы выйти из кладбища, как мою больную дочь начало сильно рвать и таким смрадом, что нельзя было близко к ней подойти, после чего по приходе домой она успокоилась и с тех пор начала выздоравливать, вскорости стала ходить и сделалась совершенно здоровой. Свидетели болезни и исцеления моей дочери: Мария Вишневская, Подгорная ул., № 21, и Ксения Старченкова, Акушерск. ул., № 53. Адрес мой: Камышовская ул., № 10.

Таганрогская мещанка Параскева Гончарова семь лет страдала запоем, сильно пила водку и притом старалась больше пить тайком от мужа. Муж ее, человек трезвый, ходил ежедневно на поденную работу и, когда приходил домой к обеду, никогда почти не обедал, так как жена его в пьяном состоянии не могла вовремя приготовить обед, а если и готовила его, то такой, что невозможно было его есть; при этом она обыкновенно встречала его ругательствами, придиралась к его словам и нередко вступала с ним в драку, и это продолжалось почти что каждый день, в продолжение семи лет. В наказание за такую ее жизнь Господь попустил, что враг наслал на ее имение множество лягушек, которые наполнили не только двор, погреба и кадки с варевом, но проникли даже в жилое помещение, и их было великое множество. Женили они своего единственного сына, но и тут их, вместо радости, постигло несчастье: невестка их Фекла в скором времени разбита была параличом, голову ей повернуло лицом к плечам, руку правую откинуло на грудь, а левую на спину, ноги также были скорчены, шесть недель ее кормили с рук, как младенца, и положение ее было ужасное. Тогда-то Милосердный Господь положил на сердце матери вдуматься в свою распутную и непостоянную жизнь и искать спасения. Добрые люди посоветовали ей ходить в храм на обедни, совершаемые по старце Павле, и пойти на его могилу; она исполнила этот совет, побывала на заупокойной литургии по старцу, принесла св. воды, освященной на молебне, окропила этой водой все свое жилище, а также взяла земли с могилы старца и осыпала ею весь свой двор, - после чего лягушки моментально исчезли; также и сама начала пить св. воду и есть просфору с старцевой обедни и давать эту святыню своей больной невестке, разбитой параличом, и Господь, по молитвам старца, даровал ей и всему семейству в течение месяца совершенное исцеление. Это произошло в 1908 году. Все рассказанное

может подтвердить свидетельница несчастной нашей семейной жизни - Анастасия Потапенкова, живущая по Мостовой улице, д. № 22.

У таганрогского мещанина Козьмы Ковалева десятилетняя дочь Клавдия от самого рождения страдала падучей болезнью, которою много причинила скорби своим родителям, с сожалением смотревшим на страдания своего ребенка, но не имевшим возможности помочь ей чем-нибудь. Но когда мать повела ее в келию старца Павла и помолилась там о ее выздоровлении, с того самого дня падучая болезнь стала проходить и совершенно уничтожилась в 1905 году. Свидетели этого исцеления Параскева Шуляпчикова, Чеховская улица, № 169, и Феодор Лавуров, Мясницкая, № 36.

Таганрогская мещанка Параскева Васильевна Сальникова, 43 лет, страдала долгое время болезнью сердца и принимала всевозможные средства к облегчению своей болезни. "Два доктора: железнодорожный г. Грабовский и заводской г. Попов лечили меня, но не принесли мне никакой пользы; тогда я пошла на могилу старца Павла и стала просить его св. молитв; через две недели явился мне во сне старец Павел и прикоснулся своими руками к моему больному сердцу со словами: "исцелися", и затем стал невидим. Когда я проснулась, то к радости своей почувствовала, что сердце мое успокоилось, и я не замечала в нем никакой боли; вскоре я совершенно сделалась здоровой, за что и благодарю Бога и Его верного служителя старца Павла".

В городе Петровске, на Кавказе, по Нагорной улице проживает одна женщина, 38 лет, Параскева Хорунжая. Один год страдала она припадком, от которого у нее сильно болели голова, руки и ноги; голова, казалось ей, раскалывалась надвое; много раз ходила она к местным докторам и к частным, и железнодорожным, и не получала выздоровления. В 1909 году приехала она в Ростов-на-Дону к доктору; знакомые посоветовали ей поехать в Таганрог к могиле старца Павла. Она послушала их совета, побывала на могиле старца и в его келий и почувствовала облегчение в своей болезни. Когда же, немного спустя, посетила в другой раз могилу старца Павла, головная боль ее совсем прошла, и вот два года уже она чувствует себя совершенно здоровой.

Города Лебедина, Харьковской губернии, крестьянка Соломония Руденкова, живущая в Таганроге двенадцать лет, - шесть лет страдала нервным расслаблением, которое страшно влияло на сердце и голову. "Я испытывала сильное сердцебиение и головную

боль, которая часто доходила до помрачения сознания; при этом у меня были сильные рвоты, без слабительного я не могла прожить ни одного дня; испытала я много лекарственных средств, но помощи от них не видела; когда я узнала могилу старца Павла и стала брать с нее землю, которую в большом количестве поедала в неделю, то первая болезнь моя стала уничтожаться, и теперь, по милости Божией и молитвам старца Павла, я живу в добром здравьи без всяких лекарств. Исцеление я получила в 1909 году".

Азовская мещанка, живущая постоянно в Таганроге, Параскева Антоновна Шуляпченкова, 38 лет, страдала с первых лет своего замужества женской болезнью тринадцать лет. "Было сделано три операции, и все бесполезно, но когда я стала ходить к могиле старца Павла, то начала чувствовать себя здоровой. При последней операции я сильно боялась, не надеялась уже в живых остаться, но в сонном видении старец явился мне и ободрил, говоря: "Ну, живи, живи", и при этом протянул эти слова голосом, тем указывая, что мне еще придется пожить на свете. Действительно, вот уже шесть лет после того я живу в добром здравьи. Исцеление я получила в 1906 году. Мой адрес: Чеховская улица, № 169. Свидетельствовать о моей длительной болезни и исцелении могут Василий Гусев, Карантинная улица, № 48, и Мария Ковалева, Мясницкая, № 36".

Четырнадцатилетняя девочка Анастасия Абраменкова, дочь таганрогской мещанки, живущей в селе Барандаки, в семи верстах от Таганрога, заболела сивопляской; лечили ее в Красном Кресте в городе Таганроге, но болезнь ее не оставляла; но когда мать привезла больную на могилу старца Павла, больной сделалось легче, и теперь, по милости Божией, она совершенно здорова. Исцеление это было в 1908 году. Свидетельницы его: Анна и Матрона Ивановы и Дарья Рыбинская, живущие в том же селе Барандаки.

Таганрогский мещанин Константин Николаевич Усачев заболел тифом. От этой болезни лечил его доктор г. Федоров, но, предвидя плохой исход болезни, отказался его лечить. Тогда родители, возложив надежду на Бога, привезли его чуть живого на могилу старца Павла и, усердно помолившись там Богу и приложившись к гробу старца и попросивши его молитв о болящем, получили утешение. К их радости больной почувствовал себя сейчас же лучше, так что своими ногами пошел от гроба старца домой и в скором времени оправился от своей тяжелой болезни. Проживает

Усачев по Кузнечной улице, № 13. Достоверность случившегося с Усачевым могут подтвердить свидетельницы: Матрона Топченкова, Буяновская улица, № 33, и Марфа Рукова, № 41.

Ростовская мещанка, живущая в Таганроге, 38 лет, Екатерина Буценкова рассказывает. "Страдала кровотечением; меня лечили врачи в Красном Кресте и признали, что у меня неизлечимая язва, почему и отказались меня лечить, прибавив, что только тогда можно использовать, если сделать операцию, которая будет стоить 80 рублей. Я, как женщина бедная, не имевшая средств на такое дело, отказалась от операции и прекратила свое лечение, которое, кстати сказать, мне больно не нравилось, так как при лечении доктора заставляли меня есть всегда мясное и скромное, несмотря на Великий пост, а у родителей своих я была приучена к строгому соблюдению св. постов, так что совесть меня всегда мучила, что я ела скромное и пища эта была для меня отвратительной, и я с великой нуждой ее ела. Выписавшись из Красного Креста, я всю надежду возложила на Господа и Божию Матерь, усердно моля Их об исцелении, и Милосердный Господь указал мне место, где я могу получить исцеление. В одну ночь явился мне во сне старец, в белой сияющей одежде; вид его был такой благолепный, что и описать трудно; старец сказал мне: "Приди на мою могилу и ляг в длину ея". И еще прибавил: "Хоть раз приди". Я спросила его: "А кто Вы такой, дедушка?", а он ответил мне: "Я - Павел Павлович", - и стал невидим. Когда я проснулась, то мне стало очень радостно, что я видела такого дивного старца и рассказала свой сон своему семейству и знакомым. На это домашние и знакомые стали говорить мне, что" сон этот к тому, что я скоро умру от родов, так как в та время я была в положении. После виденного мною сна я пошла на могилу старца Павла и усердно молилась там о том, чтобы мне не умереть; затем я пошла в келию старца и обратилась за советом к послушнице старца Павла - Марии: что мне делать в своей болезни и какую пищу принимать? Она сказала мне: "Брось все твои лечения и не ешь скромной пищи, а ешь хлеб и овощную пищу и будешь здорова". Все это я исполнила, и с того же дня ток кровотечения начал уменьшаться, и в течение месяца я сделалась здоровою и благополучно родила младенца. Таким образом, то, что было сказано домашними и знакомыми к моему несчастью, послужило мне к благополучию, за что усердно благодарю Господа, и праведного старца Павла. Это случилось в 1910 году в Великий пост.

Свидетельницы моего исцеления: Мария: Кузьминична и Мария Григорьевна Шейниковы, Касперовка по Конторск., ул., 4, а я живу по Харьковской улице, 7".

Жена таганрогского мещанина Мария Вишневецкая, 37 лет, страдала около десяти лет внутренней болью; доктор, лечивший ее, признал в ней какие-то налеты в легких и прописал ей пить свиное сало с молоком и лекарства какого-то на три рубля. "Как женщина бедная, с трудом добывавшая себе с мужем кусок хлеба и имевшая шесть душ малолетних детей, я не могла исполнить докторское предписание и тратить такую сумму в один раз, а посему оставила докторское лечение, но болезнь моя ухудшалась так, что в последнее время я совсем слегла в постель, не могла даже свободно слово сказать, так как у меня были страшные хрипы и боли; бывало, как стану говорить, то мне казалось, будто внутри меня ножами режут; но Всемилостивый Господь благоволил еще мне на свете пожить ради малолетних детей, вложил Он в сердце добрых людей дать мне совет, куда обратиться за выздоровлением. Знакомые мои посоветовали мне съездить на могилу старца Павла и там попросить его об исцелении, что я и сделала. Взявши земли с его могилы, ела ее, разбавляя св. водою, и в скором времени поправилась и теперь совершенно здорова. Это произошло в 1910 году, что может удостоверить муж мой Федот Вишневецкий и Ефросиния Попова, Камышовская улица, 10. Мой адрес: Касперовка, Подгорная улица, 21".

Ростовского н/Д округа, села Койсуга, вдова Фекла Чирвенкова страдала падучей болезнью и одержима была кликушеством. Три года не могла принимать Св. Христовых тайн; бывало, как подведут ее к Причастию, то зубы ее смыкались невидимою силою, и когда поест, то непременно подавится, и в таком состоянии, задыхаясь, бегаёт по хате, показывая тем, что пришел ее конец, Единственная дочь ее, тогда еще девочка, видя происходящее с матерью, перепугивалась чуть ли не до смерти, но когда услышала она, что в Таганроге есть старец Павел, который исцеляет больных, приехала она на могилу старца, где припадок ее болезни проявился во всей силе; она неистово кричала страшными голосами, но затем, приложившись к могиле старца, успокоилась и почувствовала облегчение в своей болезни. Исцеление ее произошло после посещения могилы старца в 1904 году. Свидетельница всего описанного того же села Койсуга, крестьянка Варвара Лопатина.

Таганрогского округа, Федоровской волости, села Щербаковка крестьянин Андрей С. Рыженко рассказывает: "Шестнадцать лет я сильно простудился и два года болел, затем немного поправился. Когда мне было двадцать лет, меня родители женили, и я с первых же дней женитьбы опять заболел вследствие той же простуды, и болел двадцать лет. Все зимы этого времени я лежал в постели и принимал всевозможные средства к своему выздоровлению; летом кой-как поработаю, но все-таки к трудной работе я был неспособен, а зимою снова ложился. Четыре раза сидел я на "декокте", шесть дней в пару парился. Паренье было такого рода: летнею порою растапливают русскую печь до самого сильного каления, кипятят два больших чугуна воды, стелют на печь овсяной соломы и обливают ее этой водою, затем расстилают простыню и кладут меня на ту солому и укрываюсь одеялом и еще свитой и кожухом; и лежу я в таком положении с утра до вечера, а вечером снимают меня с печки, и лекарь начинает растирать все мои члены перцем, настоящим на водке; от какого массажа я остаюсь чуть живой, питаю в душе надежду, что получу облегчение. Шесть дней продолжалось такое лечение, но, к великому сожалению, болезнь моя не проходила, а все больше усиливалась. Четыре раза я бросал кровь, ставил по двадцать банок на груди и спине, и чего только со мной не делали, что вспомнить грустно, как я мог все это переносить. Однажды принял такую растирку, что на ногах кожа сгорела и потрескалась, и ноги мои сделались черные, как уголь; два дня я не мог повернуть их от острой боли, но, видимо, Сам Господь поддерживал мои силы и давал мне терпение, чтобы прославить Своего подвижника Старца Павла. Ездил я по совету людей лечиться и в другие места, ездил и к святыне, был в Киеве у мошей свв. угодников, но Господу неугодно было подать мне выздоровление. В последний двадцатый год своей болезни пользовался я у многих искусных врачей, ездил и к немецкому доктору в колонию "Русафель". Доктор этот был опытный в болезнях и многим больным помогал; к нему всегда собиралось много народа, и он известен был по всей округности.

Повез меня, отец к нему; он внимательно осмотрел меня, нашел у меня сильную простуду, сделал мне ванну, которая мне несколько не помогла, и прописал лекарства на пять рублей. Все это я исполнил, но пользы не получил никакой, напротив, я даже оглох, и ноги мои и все члены как болели, так и продолжали болеть. Невозможно описать

всего, что я перенес во время своего лечения в продолжение двадцати лет, - такие испытал боли, что ни сидеть, ни лежать было невозможно. Отец мой был человек при средствах, и ему очень хотелось видеть меня здоровым, так как у меня была семья - четыре сына, и Господь Милосердный не оставил меня Своею милостью: нашлась добрая женщина, которая, советуя, говорила мне: "Ты бы еще поехал в Таганрог, там есть раба божия Мария, она тебе может посоветовать, чем и как лечиться, да еще в Таганроге есть могила старца Павла, она тебя и туда поведет, может, Господь пошлет тебе здоровье. Этот совет крепко запал мне в душу, и я целый месяц мечтал, как бы мне там побывать. В одно время отец мой отправлялся в Таганрог; я начал просить его взять и меня туда с собою, но он, видя мою слабость, не хотел меня брать с собою; но я все-таки упросил отца и поехал с ним. По приезде в Таганрог, я отправился искать келию старца Павла, а отцу объяснил, что пойду к какому-то лекарю, и долго искал ее. Когда я пришел туда, в тот день была обедня по старцу Павлу в Троицкой церкви, и сестры направили меня идти туда, а затем с людьми пошел и на могилу старца, чтобы усердно помолиться там и, удивительно, несмотря на слабость своих сил, я шел бодро, и сила у меня как будто явилась, и я мало устал, хотя пройденное расстояние было довольно значительно.

Помолившись у старцевой могилы, я по совету матушки Марии остался пожить в келий старца четыре дня, отговелся и причастился Св. Христовых Тайн и чувствовал в продолжение этих дней, что силы у меня прибавляются, все боли мои как будто занемели, и я сам себе не верил. Ноги, которыми еще недавно с таким трудом переходил по комнате, стали крепкими, и я решил идти, и отправился пешком в свою деревню, которая находится от Таганрога в сорока пяти верстах. Все это я прошел в полдня, и когда вышел из города, то от радости даже бежал: пробегу верст пять и смотрю на свои ноги, не болят ли они, но они, напротив, сделались твердыми и здоровыми, легко, как бы воздухом поднимались к ходьбе, и я не мог прийти в себя от радости. Поистине, это - дивное чудо милости Божией, на мне, грешном, совершившееся по молитвам великого подвижника блаженного старца Павла. Это исцеление мое совершилось в 1910 году, и теперь я совершенно здоров. Свидетели моего исцеления крестьяне моего села: Федор Мазуренко и Андрей Сазонов".

Таганрогская мещанка Домникия Жданова в 1904 г. принесла на могилу старца своего ребенка, которому было один год от роду; имя его Димитрий. С самого рождения он болел сухотами и, несмотря на докторское лечение, оставался безжизненным и иссох до костей; когда же мать положила его на гроб старца и, усердно помолившись, взяла травы, которая лежала на могиле, и искупала ребенка в этой траве, младенец стал оживать и в скором времени сделался здоровым, что может подтвердить свидетельница сего Ирина Пинкова (Александровская улица, 13). Родители младенца живут на той же улице, 136.

Ростовского округа, села Батайска крестьянка Мария Шевцова в 1910 году в мае месяце привезла свою трехлетнюю дочь Евгению, которая от рождения страдала глазной болью; глазами она не могла смотреть и все их шурила, а в последнее время совсем не могла их открыть. Ее долго лечили домашними средствами, а затем мать повезла ее в Ростов к известному главному врачу г. Гурвичу. Возили ее туда три раза, и однако, лечение не принесло ей никакого облегчения, с каждым разом становилось все хуже, и она, не открывая глаз, кричала день и ночь. Потерявши надежду на лечебную помощь, родители в горе повезли ее, по совету людей, в Таганрог на могилу старца Павла, чтобы там еще попросить помощи Божией в своем великом несчастье. Надежда их не обманула. Помолившись у гробницы старца, они прожили там еще два дня, побывали на заупокойной литургии по старце и приобщили ослепшую девочку Св. Христовых Тайн, и Господь, по молитвам Своего угодника, благоволил дать прозрение их ослепшей дочери. По прибытии домой, девочка стала смотреть глазами ясно, и не прижмуривая их. Свидетели этого исцеления того же села Екатерина Попова, Васса Корниенкова и Ксения Девичова.

Таганрогская мещанка Мария Платоновна Демиденкова, 32 лет, два года страдала вражьим страхованием. Враг казался ей в виде страшного змия, который везде ее преследовал, куда бы она ни пошла и что бы ни делала. Начнет молиться Богу, он видится ей лежащим в св. углу под угольником; станет ли есть, он опять пред нею лезет головою в посуду или стакан; пойдет ли в погреб взять соленья, он ворочается в кадушке, и она, не взявши ничего, от страха бежит в дом. От такого страхования все члены ее были взволнованны, и не могла она вследствие сего ни есть, ни пить, ни спать спокойно, страшно исхудала и потеряла силы, так что не могла ничего работать, и за ней

смотрели домашние, как за ребенком. Обращались с ней родственники к докторам, но последние, вместо лечения, советовали отправить ее в Новочеркасск в сумасшедший дом; на что мать больной никак не согласилась и взяла ее к себе в дом, где и смотрела за ней. Служила она о ее здравии молебны, но болезнь ее не проходила; тогда добрые люди посоветовали ей повезти больную на могилу старца Павла, и, когда ее ввели в часовню, то она страшно рвалась и кричала неудержимым голосом, так что ее с великим трудом подвели и приложили к могиле старца. С того времени здоровье ее начало возвращаться, и видимое бесовское страхование исчезло. В настоящее время она чувствует себя совершенно здоровой и работает все. Исцеление это произошло в 1910 году, его могут удостоверить свидетели: Параскева Сальникова, Николаевская улица, № 14; Анна Афонина, Гоголевский переулок, № 9 и Агафья Чеботарева, слобода Гуляй-Борисовка Таганрогского округа.

Азовский мещанин Филипп Иванов Половинка, 20 лет, служил на месте у хозяина-шорника в Ростове-на-Дону. В одно время служившие у этого шорника ребята-мастеровые завели вольный разговор касательно религии, причем этот парень Филипп крайне дерзко выражался о Боге и Его Св. Промысле. В ту же ночь за свою дерзость он был наказан Богом: Господь отнял у него ум, и он сделался как бесноватый и лишился дара речи. Хозяин не мог уже его держать в мастерской и определил в лечебницу по нервным болезням, где заплатил за него 45 рублей в месяц. Там его лечили целый месяц, но не могли привести его в сознание: родители его, престарелые отец и мать, очень скорбели за ним и не знали, чем ему помочь. В больнице его больше не стали держать, так как нечем было платить за него, и родители принуждены были взять его домой. В скором времени они услышали от людей, что в Таганроге есть могила праведного старца Павла; они с великим желанием и верою отправились туда с своим большим сыном и со слезами стали просить старца Павла об исцелении его от тяжелой болезни. С великим трудом десять человек едва привели его к могиле связанного по рукам, но он часто вырывался из рук и упирался ногами, не желая подойти к могиле. Ежедневно родители водили его в Греческую церковь, где бесовская сила еще больше его ломала и сгибала его члены, но отец его имел великую веру к старцу Павлу и, молясь, говорил ему: "Старец Павел, исцели сына моего, не отойду от могилы твоей, пока не дашь мне твоей помощи". Так молился несчастный отец, любящий своего сына, и Господь не оставил

его Своею милостью, но по молитвам старца послал его сыну исцеление от болезни. Сын его постепенно начал приходить в чувство, заговорил и стал креститься. Обрадованный отец не знал, как и благодарить Бога за исцеление сына; пробыл здесь еще немного времен и, взявши земли от гроба старца и св. воды, освященной после Литургии по старце, а также подаваемых о его успокоении просфор, возвратился домой. Вскорости больной совсем оправился от болезни и стал работать вместе с отцом по рыбной ловле. После своего выздоровления больной еще раз приезжал в Таганрог поклониться на могиле старца и благодарить его за его св. молитвы, в силу которых он получил выздоровление. Все бывшие здесь, видевшие его больным, а теперь здоровым, изумлялись такому чуду и прославляли Бога и Его подвижника благочестивого старца Павла. Достоверность происшедшего может подтвердить бывший хозяин его Александр Иванович Рыхлов, г. Ростов-на-Дону, Степная улица, 41, и азовская мещ. София Левченкова, Мало-Садовая улица, 2. Адрес исцеленного: Азов, балка близ Крепостной церкви, 21.

Азовская мещанка Евдокия Васильевна Кудлаева, 45 лет, вследствие случившегося несчастья с ее сыном, от сильного волнения заболела болезнью пищевода. Она не могла принимать никакой пищи, даже крошку хлеба и воду пила с трудом, отчего стала слабеть силами, не могла работать и в конце концов дошла до такого состояния, что не могла поднять трех фунтов, так она обессилела и по временам лежала в постели. По совету людей она поехала в Таганрог на могилу старца Павла, где усердно молилась об исцелении. После панихиды, взявши кусочек земли с могилы, она попробовала проглотить его, когда же свободно проглотила его, тогда стала есть кусок хлеба, раздаваемый на могиле старца в память его, и почувствовала, что пища стала проходить беспрепятственно. Поблагодарив Бога и старца Павла за облегчение своей болезни, она стала принимать без труда всякую пищу, и силы начали к ней возвращаться. В одно время, желая испытать себя, в состоянии ли она работать, она взяла корзину, положила в нее двадцать бутылок квасу и понесла через несколько кварталов для продажи; свободно донесла ее без посторонней помощи и нисколько не устала; после этого она стала работать всякую работу, благодаря Бога и старца Павла за свое исцеление. Это было в 1906 году, и вот уже 5 лет чувствует себя совершенно здоровой и в благодарность за свое выздоровление часто посещает могилу старца.

Адрес исцеленной: г. Азов, Московская улица, № 1. Свидетельницы Матрона Мальцева, там же, № 39, и Вера Резникова, Гимназическая улица, № 55.

Таганрогского округа, Мало-Кирсановской волости и села крестьянка Мария Кошило, 25 лет, болела пять месяцев острым умопомешательством, от которого страшно буянила, разрывала на себе одежду и веревки, которыми ее связывали. Когда ее родные, набравшись с нею много горя, привезли ее в Таганрог к могиле старца Павла, то там она своим неистовым криком многих привела в страх и ужас, на людей плевала и страшно ругала. Целую неделю ее родственники приводили ее на могилу старца, а также водили ее в церковь царя Константина, где с великим трудом и усилием приобщили ее Св. Христовых Тайн. Священники Греческой Церкви о. Матфей и о. Георгий видели проявления ее болезни. От крика ее в церкви стоял большой шум, и никакая сила не могла остановить ее болтовни. По приезде домой больная сделалась тише, и в течение месяца она совсем выздоровела от этой тяжелой болезни. Это произошло в 1910 году в сентябре месяце. Свидетели ее исцеления того же села крестьяне: Степан Беланов и у Евфимия Приходина.

Житель Таганрога Яков Скороходов, 32 лет. живущий по Второй Гимназической улице, № 17, около десяти лет страдал хроническим катаром желудка, тошнотой, головокружением и рвотами; обращался он к медицинской помощи, но все это было тщетно, и никакое врачебное средство не могло улучшить состояние его здоровья. В 1909 году Скороходов узнал о дорогом батюшке старце Павле. Когда 3 февраля совершалась обедня в церкви царя Константина по старце Павле, то Скороходов пошел туда и начал там усердно молиться о своем выздоровлении. Отслушав молебен и панихиду по старце, он вместе с другими людьми отправился на могилу старца на кладбище, и там у гроба его также просил себе исцеления от своей долгой болезни, и Господь не оставил его молитвы и послал ему облегчение: на другой же день он стал чувствовать себя лучше, головокружение уничтожилось, и, продолжая ходить на его могилу, он получил полное исцеление в непродолжительном времени и теперь чувствует себя совершенно здоровым. Жена его Ефросиния также долгое время страдала головокружением, причем часто нападали на нее хульные помыслы против Бога и Его свв. угодников, так что она не в силах была бороться с ними, но когда она стала

посещать могилу старца Павла и совершаемые по нем обедни, Господь по молитвам старца дал ей здоровье, и хульные помыслы не стали ее беспокоить. Хотя свидетелей сей болезни мужа и жены Якова и Евфросинии и не найдется, кроме одного Бога и их самих, но сами исцеленные, твердо веря, что исцеление им дано Богом по молитвам праведного старца Павла, готовы всегда дать присягу в том пред Богом и Его служителем.

Азовский мещанин Николай Полуэктов, 35 лет, страдал три месяца внутренней болью, от которой сделались большие нарывы на боку. Три раза делали ему операцию, лежал он и дома и в больнице, и как он ни старался вылечиться, ничего не получалось; но когда его родная сестра привезла от лампады масла из часовни старца Павла, тогда больной бросил все свое лечение и начал пить понемногу это масло и мазать им больные места, и сразу почувствовал облегчение: нарыв на боку прорвался и из него начала выходить материя, и рана стала очищаться, так что в скором времени он выздоровел и сам приехал на могилу старца Павла поблагодарить его за его св. молитвы и исцеление, которое совершенно приписывает старцу.

Таганрогская мещанка Евдокия Жданова, 39 лет, семнадцать лет страдала внутренней болезнью и головной болью. За это время много испытала она и докторских лекарств, и простых средств, но пользы от них не получала. Она иссохла в болезни до того, что можно было пересчитать все ее кости, которые, казалось, ввалились внутрь тела. Вышедши из терпения, она бросила всякие лечения и обратилась с усердною молитвою к Богу о своем исцелении, и Господь не оставил ее Своею милостью: услышала она от людей о старце Павле и стала ходить на кладбище на его могилу и стала чувствовать себя лучше. Через несколько времени она во сне увидела самого старца Павла, который, подошедши к ней в часовне, сказал ей: "Падай к этому гробу и будешь здорова", что она и сделала. Проснувшись, она отправилась к могиле старца, приложилась в то самое место, куда указывал ей явившийся во сне старец, и с того времени сделалась совершенно здоровой, приписывая свое исцеление заступничеству за нее перед Богом старца Павла. Это произошло в 1910 году. Свидетели ее болезни и выздоровления по молитвам старца Павла - Анна и Матрона Ждановы, живущие по Кузнечному переулку, № 6.

Из села Николаевки крестьянин Павел Степанов Поревский, 49 лет, заболел прогрессивным параличом, - у него постепенно стали

отниматься правая рука и нога; с великим трудом явился он, конечно, с помощью людей, на могилу старца, чтобы просить его помощи, но тут с ним сделалось совсем плохо, паралич разбил его, и с помощью бывших у гроба старца богомольцев больного пришлось перевезти в келию старца Павла, чтобы он мог полежать там до извещения его родственников, которые бы его взяли домой. Пришедши в себя после случившегося с ним припадка болезни, он попросил у послушниц масла от лампы, которая неугасимо горит в старцевой келии, и стал растирать им себе парализованную руку и ногу, которыми перестал он владеть совершенно; при этом он с великим чувством изумления просил Господа и молитв старца о своем исцелении. И что же? "Поистине Господь сотворил чудо Своей милости и не оставил моей надежды на исцеление тщетно; к утру я почувствовал облегчение и нашел в себе столько сил, что решил с людьми отправиться домой. Твердо верю, что по молитвам праведного старца Господь послал мне столь неожиданное и скорое выздоровление от болезни". Свидетели

видимого сего чуда крестьянин Андрей Рыженко,

села Щербаковки, и Евдокия Цюрютина,

крестьянка села Николаевки

Таганрогского

округа.

***ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ БЛАЖЕННОГО
СТАРЦА ПАВЛА; ЕГО КОНЧИНА И ПОГРЕБЕНИЕ.
ЛЮБОВЬ К НЕМУ НАРОДА И ПАМЯТЬ О НЕМ
ПОСЛЕ ЕГО СМЕРТИ И В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ***

Приближаясь к своей

кончине, старец Павел не оставлял своих подвигов, пребывая в строгом посте, молитве и богомыслии. За пять лет до смерти он никогда не выходил из своей келий, спал очень мало, также и ел очень мало: однажды в день, вечером. Он любил пить русский квас: бывало, намочит в своей кружке сухарь с утра, и лежит этот сухарь в квасу до вечера, а вечером он обыкновенно вкушал эту скудную пищу. В последнее время никто не видал, чтобы он много поклонов совершал в молитве, а бывало, когда остается один в своей келий, двери же в келию всегда были закрыты, то непрестанно молился ко Господу и Его Пречистой Матери Владычице Богородице, молился преимущественно умной молитвой; иногда же молился сидя, воздевая преподобные руки свои к Богу, прося милости у Всеблагого Господа всем православным христианам и припевая голосом: "Пресвятая Богородице, спаси нас" и призывая на помощь всех святых угодников Божиих, называя их по именам. Тогда все бывшие в доме слышали его молитвенный глас, а видеть его нельзя было, так как двери его были заперты. Некоторые же из послушниц его из любопытства смотрели, бывало, в дверную щель около пола, что делает батюшка, и видели его всегда молящимся.

Незадолго до смерти закрылся у старца Павла один глаз, а затем вскорости и другой; телесные очи закрылись, а душевные еще больше открывались; бывало, все скажет, что делается в келий, и говорит обидным голосом: "А лыхо вашему батькови, понаидающая, та понапывающая и сыдять, а лампыды пылають и тухнуть, а воны их не подправляють", так на самом деле и было, и послушницы, уличенные в

небрежности, просят прощения и говорят: "Да разве вы, батюшка, видите?"

По-прежнему старца Павла посещало много народа, чтобы получить от него наставление. В это же время незадолго до смерти старца пришел к нему один Екатерининский солдат, именем Емилиан; ему было уже больше 60 лет, он понравился старцу, и старец оставил его жить у себя. Емилиан был очень хорошего характера, смирный человек, усердный к Богу и молитве, особенно любил он совершать поклоны, что очень нравилось старцу, и ленивых он даже нанимал, как сказано выше, класть поклоны по две копейки за сотню. За усердие к молитве и смирение все бывшие в келий полюбили Емилиана, и вот, когда он придет, бывало, из церкви, то послушницы из уважения к нему приготовят ему трапезу, а иногда чай. В последнее время одна благодетельница подарила старцу самовар, но старец сам никогда не пил чаю, а послушницы только изредка; и вот однажды старец застал этого Емилиана за чаем и начал его, несмотря на его старческий возраст, потягивать палкой, говоря: "А лыхо твоему батькови, хибя я тебе приняв чай пить, я тебе приняв Богу молыщя", и этими словами так смутил старика, что он от того раза до самой смерти своей не пил чаю. Еще ему старец Павел предсказал: "Ты поели мене будешь жыть больше двадцати лет", что и сбылось: прожил он после смерти старца двадцать один год и, когда умер, положили его рядом со старцем Павлом по левую сторону его могилы. Прожил он на свете 90 лет, был очень усердный молитвенник: в сутки клал по 1000 поклонов, а когда за три года до смерти ослабел, то вычитывал по несколько сот Иисусовых молитв, с которыми на устах и предал дух свой Богу 1900 года января 15 дня.

К старцу Павлу часто ездил один священник из села Николаевки, недалеко от Таганрога, отец Антоний Попов, и спрашивал у него советов, слушал его и уважал старца, верил ему и считал его за истинного старца Божия. Когда отец Антоний приедет, бывало, к старцу Павлу и поздоровается с ним, то старец любезно принимал его и сейчас кричит, бывало, на своих послушниц громким голосом: "Дивчата, дайте отцу Антонию сухарей". Делал он это ему в притчу касательно его жизни. Отец Антоний был вдовец, жизнь его с молодых лет была одинокая и нерадостная, но жизнь он вел хорошую, примерную для многих из своих собратий. В службе отличался усердием, был нестяжательный и довольствовался тем, что ему давали.

Рассказывали его прихожане, что за браки он ничего ни с кого не брал, за что терпел много неприятностей от своих сослуживцев, и вообще немало переносил гонений за то, что желал служить правдою Богу и людям. Отец Антоний очень любил старца и принимал его наставления с радостью. Старец часто подолгу беседовал с ним, особенно о службах церковных, и спросит, бывало, старец: "Отец Антоний! Шо, ты служишь обедню в среду та в пятницу?", а он ответит: "Нет, Павел Павлович, не служу, потому что нет никого в церкви из людей". А старец покачает головой да скажет: "О, Боже, Боже! Шо ж ты кажешь, отец Антоний, шо людей нема? Там Сам Господь в храме Божиим присутствует, Сама Царица Небесная, там Архангелы и Ангелы и Николай чудотворец, потому что его храм, там Кузьма и Демьян и сколько там святых угодников, шо и не пересчитаешь, а ты не служишь обидни". И отец Антоний послушал совета старца и очень часто служил обедню в среду и пятницу и в малые праздники. Служба его была монастырская, продолжительная; в воскресные дни литургия кончалась часов около двенадцати, и за это он был многими гоним. У отца Антония, по его старанию, был девичий хор, и бывало, когда он приедет к старцу Павлу, то привозит с собою и девушек-хористок. Старец очень любил церковное хоровое пение; вот он, бывало, заставит этих девушек отца Антония петь, сам станет перед иконами, облокотится на свою палку и с благоговением и великим вниманием слушает их; особенно он любил слушать и заставлял их петь воскресные тропари: "Ангельский собор, удивися", и при этом пении он всегда умилялся до слез и, склоняясь головой, обыкновенно покачивал ею, выражая этим безмолвно, что сердце его распялялось любовью Божией, и он говорил тогда отцу Антонию: "Когда я помру, то ты, отец Антоний, приезжай меня хоронить". Священник так и исполнил это слово старца: когда старец умер, то отец Антоний день и ночь со своим девичьим хором служил панихиду над его телом и до сорока дней часто приезжал на могилу и там служил панихиду по старцу, - так он уважал и любил блаженного старца. Отец Антоний своею любовью отвечал на любовь к нему старца, который много делал и говорил отцу Антонию, что всего невозможно и вспомнить; девушек же отца Антония старец по обыкновению одевал бубликами, пряниками и другими снедями, иногда дарил им головные платки, ласкал их и отпускал их с любовью, хваля их за усердие и труды во славу Божию.

Незадолго до смерти старца загорелся соседний дом, смежный со старцевой келией; в то время был сильный ветер, и искры от пожара несли прямо на его келию. Послушницы старца сильно испугались, как бы не загорелась келия, прибежали к старцу, взяли его под руки и стали насильно выводить из келий, он же никак не хотел выходить и ничего не велел выносить из нее, но послушницы от великого страха не послушали старца, вывели его самого и много вещей вынесли из келий во двор. И когда вывели его на двор, то он, стоя у хозяйского дома, оперся на свою палку и поднял очи на небо, пламенно молясь Господу о спасении. В это мгновение ветер повернул свое направление в другую сторону, и огонь не причинил никакого вреда его келий, по его горячей и дерзновенной молитве к Богу.

Перед своею смертью старец Павел созвал своих послушниц и стал их спрашивать, кто как будет поминать его. Все они так или иначе ответили ему, а одна из послушниц, упоминаемая в сем описании, Устинья, сказала ему: "Если вы, батюшка, оставите денег на это, то я и буду вас поминать". Старцу не понравились эти слова. Хорошо и приятно было бы ему выслушать, если бы она ответила хоть так: "Выпрошу у добрых людей и помяну старца", и старец, рассердившись, сказал ей: "А лихо твоему батькови, вон с моей хаты!" При этом одной послушнице молодой Улиании сказал: "А ты, дивчино, де будешь, то не забудай Павла". Он провидел, что Улиания не будет жить в его келий, что и случилось. Через десять лет после смерти старца Улиания, вместе с баронессой Е. К. Таубе, уехала в город Гатчину, откуда впоследствии, по благословению отца Иоанна Кронштадтского, переехала в Кронштадт, и живет в настоящее время в Доме Трудолюбия отца Иоанна. Получив ответ от всех послушниц, старец обратился, наконец, к послушнице Марии Величковой: "А ты, Марья, як будешь мене поминать?" Больше других почитая старца, она хотела высказать свое усердие, как будет поминать его, и только сказала: "А я, батюшка...", но старец не дал ей говорить и сказал: "Буде, буде, дивчино, знаю, знаю, як ты будешь поминать мене". И, действительно, старец сказал истину: она так поминает его, что всю жизнь свою полагает на это доброе дело; она поминает старца так, как никто из других послушниц, оставшихся в его келий, из которых некоторые, кто по гордости, а кто по лености и нерадению к подвижнической жизни, какую вел старец и какой учил живущих с ним, оставили место его подвигов и ушли, забыв святыя заветы

блаженного старца. А эта послушница Мария, став на его место и сделавшись старшею, с великим усердием старалась поминать его, каждую неделю по понедельникам нанимая обедни по старцу Павлу, служа панихиды по нем и раздавая бедным милостыню в память старца, и по его примеру, как он поступал в своей жизни. Поминование это, продолжающееся до сего дня, год от году усиливается, благодаря усердию и любви к старцу вышеназванной послушницы Марии. Народ часто посещает его могилу и молится здесь за благочестивого старца, веря, что по его молитвам Господь пошлет ему помощь и милость Свою, и вера эта не напрасна: многие по вере своей получают у его могилы исцеления своих душевных и телесных недугов.

Однажды, незадолго до смерти старца, его послушница Мария поразилась большой перемене в здоровье старца. Голова его, прежде крепкая и здоровая, стала бессильная и как бы мертвая, и силы его оставили, и бодрость исчезла, тогда как недавно еще старец, бывало, как турнет кого, то и на ногах не удержишься (старец обладал хорошим здоровьем и физической силой). Подумав о скорой кончине старца, Мария и вздумала теперь спросить его, где она будет жить, когда старец умрет, и говорит ему со слезами: "Батюшка, вы, верно, скоро умрете, где я тогда буду жить, тогда меня Феона выгонит отсюда". Феона эта была старшая послушница старца, которая жила у него лет пятнадцать и управляла его хозяйством, а Мария жила только пять лет и исполняла послушание кухарки. Старец Павел, выслушав ее, сказал: "Дивчино, не знаем, хто кого выгоне, чи тебе Хвиона, чи ты Хвиону", да еще прибавил: "Лыхо батькови, усе ий отдав, а вона ще й плаче, а я уручаю вас всех Царице Небесной, Она вами всеми управит; Мартияниха, добрая барыня, будет вас держать", указывая при этом на одну бедную женщину, здесь бывшую, которая сама себя и свою семью не в состоянии была прокормить и постоянно питалась в келий старца. Но не ложно было слово старческое: он духом провидел будущую судьбу своих духовных дочерей-послушниц и что случится по его кончине. Когда умер старец, то одна благородная жена, посещавшая при жизни старца, - баронесса Е. К. Таубе, - купила в собственность то подворье, где находилась келия старца Павла, сделала хороший ремонт на свой счет и предоставила это подворье в полную собственность послушниц старца, из которых Мария Величкова заняла место старшей и сделалась руководительницей остальных в строго подвижнической, по примеру старца, жизни.

Старшие же девушки Хиония и Анастасия не проявили должного внимания к словам старца, нарушили послушание и, оставив место подвигов великого подвижника, через год уехали в Иерусалим на поклонение; воротившись же оттуда и узнав, что баронесса сделала купчую бумагу не на них, а на другую послушницу - Улианию Лысогорскую, по своей гордости и самолюбию заделись и не пожелали больше жить в келий старца, оставив ее навсегда; Мария же Величкова, та, которой старец сказал, что все ей отдал, а она еще и плачет, с первых же дней по смерти старца осталась жить в его келий, внимательно смотрела за ней и все старание прилагала, чтобы дорогого батюшку поминать. Вот и сбылось слово, сказанное ей перед смертью старцем: "Не знаем, хто кого выгоне, Хвиона тебе, чи ты Хвиону".

Старец Павел все, бывало, говорил Марии: "Дивчино, бережи ноги, и тоби Бог даст усе". И истинно слово его: все Господь дал ей за ее послушание старцу, и она строго и во всем следует тем наставлениям и заветам, которые ей преподавал старец при жизни. Храня в своей душе страх Божий и воздержание, она проводит жизнь истинной подвижницы в подвигах поста и непрестанной молитвы, мудро руководя ко спасению как своих меньших духовных сестер, так и приходящих в келию старца и к его гробу.

Приняв старшинство, Мария вместе с ним приняла и перенесла много трудов и забот для поддержания той жизни, какую вел старец, для поминовения его и прославления его имени и подвигов. И правду нужно сказать, много горя и скудости пришлось перенести оставшимся послушникам после смерти старца, но, имея глубокую веру в Бога и навывки терпению, сильная духом руководительница сестрами послушница Мария не отчаялась в милости Божией и в святых молитвах старца Павла, и первая жертва ее Богу за старца была - неугасимо горевшие лампы пред образами, пред которыми молился и предал праведную свою душу Богу блаженный старец Павел.

Старец не оставил после себя никаких денежных средств, а если при жизни у него и бывали деньги, жертвуемые ему от благодетелей, то он обыкновенно раздавал их неимущим или на украшение храмов Божиих. Приношений этих старцу всегда было много, и дающая десница его никогда не оскудевала; вот почему при жизни старца келия его и живущие в ней никогда и ни в чем не терпели недостатка, а напротив же, будучи, по словам Апостола, нищим, старец многих

обогащал и питал сырых и убогих. После смерти старца приношения эти от его благодетелей оскудели, хотя и не совсем прекратились; многие благодетельствованные старцем душевно и телесно всегда помнили его и не забывали оставшихся после него сирот-послушниц. И вот, кто жертвовал в келию старца муку, то Мария с прочими девушками пекла из нее хлеб и пирожки; продавали их на базаре и вырученные деньги употребляли на церковное поминовение старца и милостыню в память его.

Приближаясь к смерти, старец неоднократно говорил своим посетителям: "Хоть я помру, а вы мого миста никола не забувайте. Мой куст никогда не будет пуст", и истинны слова его: прошло после его смерти уже много лет, а память о нем в народе не забывается, и могила его и теперь посещается множеством народа.

За три дня до своей кончины старец Павел заболел, ничего не ел и не пил и лежал в своей келии в глубоком молчании, так что все живущие с ним думали, что у него отобралась речь, но в день кончины своей он заговорил с окружающими, и все возрадовались. В самые те дни пришел к старцу один крестьянин верст за семьдесят от Таганрога. По случаю болезни старца живущие не допускали его в келию, но он умолял их доложить старцу и пустить его к нему. Когда послушницы доложили о нем, то старец велел впустить его в прихожую, где принимал всегда народ, с великим трудом встал со своей скамейки, взял палку в руки и вышел к нему и спросил: "Чого тобі, человеце добрый, нада?" Тот сказал: "Принес я вам, батюшка, милостыню, чтобы вы помолились за меня Богу". Чувствуя большую слабость, старец с трудом его выслушал, взял у него подарок и сказал: "Ну, добре, добре", - и не поблагодарил его, а только сказал: "Иды собі с Богом", и ушел в свою келию. Тогда послушница Мария и говорит ему: "Батюшка, хотя бы спасибо сказали человеку", а старец, как бы недовольный, ответил ей: "А лыхо ий батькови, як умре, то все получе на тим свити". Вышеупомянутый посетитель прожил у старца несколько дней; в то время Господь открыл старцу час его отшествия, и он громким голосом позвал свою послушницу Анастасию, которая писала у него письма и все, что нужно, и сказал ей: "Настасья, пиши записку у Яловойску, шо я скоро уже умру, и дайте ее этому человеку, чтобы он передал ее просфорнице Екатерине, а она пусть скажет моим людям о моей кончине, а Никите пусть не дает, потому что он никому не скажет", - что и сбылось. Приехал этот человек в названное село,

долго искал просфорню Екатерины и, не нашедши ее, отдал эту записку Никите, Никита же в то время видел сон, что старец еще не скоро умрет и, поверив этому сну, не внял словам старца и не сказал о его кончине никому из людей, знавших и почитавших его, так что никто из них и не приехал на его погребение, и тогда много пролили слез не только о лишении дорогого наставника, но и о том, что не удостоились видеть его погребение и проститься с ним.

Кончина старца Павла последовала в 1879 году в марте месяце, ночью под 10 число. 9 марта он сделался крайне слаб и приобщился Св. Христовых Тайн от монастырского иеромонаха Дамиана и в 1 час 33 минуты ночи предал свою праведную душу в руки Божий. Сохранился в воспоминании лиц, близких к старцу, рассказ об этом иеромонахе Дамиане. Иеромонах Дамиан в последнее время состоял духовником старца и всегда до самой кончины праведного старца приобщал его Св. Тайн. Незадолго до его смерти, в одно время, когда о. Дамиан пришел с Св. Дарами, чтобы причастить старца, последний, проницательно смотря ему в глаза, сказал: "Ты будешь великий человек", - а он и говорит старцу: "Какой я могу быть великий человек - простой иеромонах?" Старец же, как бы рассеивая в нем недоверие к его словам, сказал ему: "Такий, шо больший быть не може", - и пророческие слова эти действительно исполнились в жизни иеромонаха Дамиана, которого Господь сподобил достигнуть высокого сана: он в 1900 году сделался патриархом Иерусалимским.

Интересен также другой рассказ. В то время, когда старец жил еще в земной жизни, был в живых и знаменитый проповедник протоиерей Бандаков. К старцу Павлу ходило всегда за наставлениями много народа; шли к нему и странники большими партиями, и никто не миновал убогой келий блаженного старца. Отец Василий Бандаков прославился не только своими проповедями и красноречием, но и жизнь он вел хорошую, строгую, можно сказать, подвижническую. Он почитал праведного старца и имел к нему доверие и уважение, но ненавидящий добро враг рода человеческого, желая уязвить его душу завистью, внушил ему мысль гнать на старца Павла, и вот отец Бандаков с некоторого времени стал негодовать на блаженного, что к нему много народа идет, и так продолжалось до смерти старца, но Господь вразумил его видением. В ту самую ночь, когда умер праведный старец, отец Василий Бандаков видел, что ангелы несли на небо душу и пели радостные песни, и спросил он их: "Чья это душа,

восходящая к Богу с пением ангельским?", и услышал с небес голос: "Эта блаженная душа есть душа Павла Павловича". И вот, когда наутро разнесся слух по всему Таганрогу и окрестностям его, что Павел Павлович умер, тогда отец Василий в обычной своей проповеди перед множеством народа свидетельствовал: "Вот, братия и сестры, и я, грешник, гнал Павла Павловича, но в ту ночь, когда он умер, мне было видение во сне: Господь открыл мне, и я видел душу его, несомую ангелами на небеса". Это свидетельство отца Бандакова удостоверяет нас в истинности слов Господних: что "честна пред Господом смерть преподобных Его". Блаженная кончина старца была наградою ему за его праведную и богоугодную жизнь.

Когда последовала кончина старца Павла, в то время у него были два посетителя из села Николаевки - Ефим Корнюшка и Иван Лисогорский, которых Господь удостоил омыть тело великого подвижника Божиего старца Павла, и когда они это совершали, то там предстоящие видели, что лицо его просияло великою радостью, с благодатной головы его по всему телу до самых ног шла как бы желтоватая тень, и после нее тело сделалось белое, подобно снегу. Все видевшие это знамение благодати Божией над старцем Павлом, умилились сердцем и прославили Бога за такую Его милость. После омытия тела, эти же посетители одели его в чистые одежды, а две престарелые послушницы Устинья и Ксения надели ему на ноги чулки; приготовили столы в его келий, обшили их белым коленкором и положили на них бездыханное тело подвижника. Он умер телом, но души праведных в руках Божиих, и как сказал Господь во Своем Божественном слове: "Православляющего Мя прославлю", так и исполняет Господь Свое обещание, исполнил он его и над Своим верным рабом старцем Павлом. Он умер в глубокую ночь, а чуть только начало светать, весь город Таганрог и окружающие его деревни подвинулись, узнав о кончине Павла Павловича, как многие его называли. Слух о смерти его с быстротой молнии распространился везде, и повалил народ толпами в его убогую келию, чтобы увидеть его и приложиться к его праху, и так много народу шло, что невозможно было и во двор зайти, а двери его келий буквально ломились от большого стечения народа. Так были тронуты сердца людей столь великим покойником и горячей к нему любовью, что не желали расстаться с его телом, целые дни и ночи готовы были люди стоять у его гроба без пищи и сна. По случаю необычайного стечения народа во

дворе келий почившего снаряжена была полиция, которая по очереди выпускала всех желающих приложиться к умершему старцу. Среди приходящих немало было больных, одержимых злыми духами, которые при гробе старца обнаруживали и проявляли припадки и другие неестественные действия: охали и кричали различными голосами, лаяли, как псы, и кукарекали, как петухи, и все тайные болезни этих несчастных были обнаружены. Обращаясь к нему, как к живому, и прилаживаясь к его телу, больные кричали ему: "Павло Павлович, помилуй и помолись за нас", и многие из больных по вере своей получали у его гроба исцеление. Тело почившего подвижника стояло непогребенным три дня, и народу за эти три дня перебивало у его гроба столько, что нужно было считать тысячами. На третий день в три часа утра для большего удобства желающих приложиться, гроб с останками почившего был вынесен из келий во двор, и стояло тело его во дворе до восьми часов утра. Когда вынесли гроб из келий, то коленкор, которым были покрыты столы, мгновенно был разорван на части, и все наперерыв старались хоть малый лоскуток его взять себе для памяти о великом старце, многие же брали его по вере для исцеления своих недугов. Тогда живущие в келий послушницы, видя происходящее, и себе стали делать то же, но успели схватить только небольшие кусочки, - все было разобрано народом.

Когда гроб с телом усопшего стоял еще во дворе, то привели туда одну таганрогскую женщину по фамилии Бачиха; она жестоко страдала припадками и была одержима злыми духами, и вот ее с трудом четыре человека влекли к гробу старца, она же сильно упиралась, кричала неестественным голосом и ежеминутно вырывалась из рук ее несших, но когда ее приложили к телу, она сейчас же сделалась бессильной, как бы мертвой, так как по молитве старца враг вышел из нее, оставив ее чуть живой. Исцеленная тогда стала сама креститься с усердием и благодарила Господа и Его угодника, а те мужчины, которые ее подводили к телу, обернулись на восток и, молясь, говорили: "Слава Тебе, Господи, что Ты благодать Свою послал нашему Таганрогу".

Это исцеление больной припадочной женщины поразило многих из народа, видевших его, а одна послушница старца - Устинья, часто оскорблявшая его при жизни своим непослушанием, увидев это знамение благодати Божией от гроба старца и уверившись в его праведности, со слезами на глазах просила прощения у Господа и у

старца Павла за то, что часто спорила с ним из-за пустяков. Тогда она вспомнила слова праведника, как он часто говорил им: "Хозяин квартиры не знает, кто у него во дворе живет, а дивчата не знают, кому служить", а когда умер старец, то все узнали, что за человек он был.

Когда хоронили старца Павла, погода была очень грязная и холодная, но народ на это не смотрел.

В восемь часов утра пришли из приходской церкви Св. Николая священнослужители - о. Николай Шапошников и диакон Григорий Данников. Прибыл к тому времени и о. Антоний Попов со своим девичьим хором из села Николаевки.

Совершив во дворе над телом старца последнюю панихиду, подняли его гроб и понесли для отпевания в Кладбищенскую церковь к началу Литургии. Несли его по Екатерининской улице; улица эта в то время была не вымощенная, так что грязь была буквально по колени и много задерживала печальное шествие; мешала также свободному шествию большая масса народа, который толпами теснился и окружал гроб своего любимца, желая быть к нему ближе и поминутно прилаживаясь к телу почившего. Тогда несшие гроб принуждены были поднять носилки высоко и несли его над своими головами на ладонях, чтобы не замедлять хода, а нужно было успеть к началу Литургии. Многие из народа тогда влезли на заборы и крыши домов, чтобы хоть оттуда посмотреть в последний раз на святое лицо старца. Когда внесли гроб с почившим в Кладбищенскую церковь, началась Божественная Литургия, которую совершали соборно три иерея - вышеупомянутые о. Николай Шапошников, о. Антоний Попов и Иаков Досичев из Кладбищенской церкви. Кладбищенская церковь очень маленькая и не могла вместить и десятой части стекшегося на погребение старца народа; во время совершения Литургии в церкви был необычайный шум от великой тесноты, а также от множества больных и припадочных, здесь находившихся, которые сильно кричали, и сдержать их не было никакой возможности. Одни кричали: "Павло Павлович, помилуй", другие кричали: "Помолись за нас", хватили его за руки и тянули из гроба, лобызая их. Понятно, от такого шума и крика не было слышно ни возгласов священнослужителей, ни даже певчих, поющих службу, так что совершать службу и петь приходилось попредметно. По окончании Литургии последовал чин отпевания, и затем гроб с останками почившего понесли к приготовленной для него могиле в одном квартале от церкви. Толпа

народа все возрастала, и, когда его вынесли из храма, люди хлынули ко гробу, чтобы еще в последний раз приложиться и облобызать дорогой прах, и народ не давал ходу носильщикам. Пришлось нести гроб к могиле (саженей не больше 120-150) более часу. Народ так был тронут сердцем, что готов был до самой ночи стоять и прилаживаться, выражая тем самым свою любовь к старцу и почтение. Тогда многие, не могущие добраться до гроба, стали залезать на деревья, на памятники и на кресты, и смотрели с великим желанием на небывалое до сих пор в Таганроге печально-торжественное зрелище.

В три часа дня или позже гроб опустили в могилу и предали его земле, но народ и после этого до самой ночи оставался здесь, поклоняясь у его могилы и молясь об упокоении его праведной души. Тогда исполнились слова почившего, которые он говорил своим посетителям: "Когда я умру, то соберется много мух и будут сидеть они и на домах, и на деревьях, и на заборах, и на крестах".

Видя многих больных и припадочных исцеленными, народ умилился сердцем и прославлял Бога, давшего благодать почившему старцу, и исполнилось тогда над старцем Павлом слово Господне: "Прославляющего Мя прославлю".

Со дня его погребения и доньше Господь прославляет Своего раба, и могила его с того времени осталась незабвенной не только Таганрогом и его окружностями, но и отдаленными местами. Народ, посещающий могилу старца, служит там по нем панихиды, с призыванием имени Господня и старца Павла, берет землю с его могилы и чрез нее, по вере своей в праведника, получает исцеление душевных, а нередко и телесных своих недугов, наипаче же в лихорадочной болезни - такие люди носят на шее землю с его могилы. В благодарность за помощь, являемую старцем, люди приносят ему на могилу от своего усердия масло для неугасимой лампы у его гроба, свечи и ладан.

После погребения старца в продолжение сорока дней, и до году в его келий читался по нем неусыпаемый Псалтирь, а в Иерусалимском монастыре был по нем сорокоуст. В подражание тому, как старец каждый понедельник нанимал обедни, в Кладбищенской церкви каждый понедельник служили Литургию за упокой его души и панихиду; в последние же годы обедни по старцу Павлу служились два и три раза в неделю, и эти обедни, а после них панихиды, усердно посещаются народом, который не забывает старца вот уже несколько

десятков лет. Да и как забыть такого великого благодетеля, по молитве которого многие и многие получили милость Божию; из любви к старцу эти многие ежедневно посещают его могилу.

Кроме заупокойных литургий и панихид каждую неделю в понедельник, четверг и субботу, два раза в год совершается в келий старца торжественное всенощное бдение с молебном и панихидою по старцу, его родителям и благодетелям его келий. Совершаются эти службы в день его ангела 6 ноября. В эти дни бывает большое стечение народа со всех окрестностей, душ 500 и более; народ накануне слушает всенощную, а в самые дни памяти старца слушает заупокойную Литургию и отправляется на его могилу, где бывает торжественная панихида и раздача милостыни народу в память старца; а затем народ опять приходит в его келию, где предлагается ему поминальная трапеза.

Вскоре после кончины благочестивого старца Павла один усердный его почитатель - подрядчик кирпичного завода Никанор Иванович (фамилия неизвестна), который еще при жизни старца купил место для его могилы, огородил его деревянной решеткой. Старец Павел при жизни своей хоронил здесь своих послушниц. Со дня его погребения в 1879 году до 1905 года на его гробе, как мы сказали, в известные дни, а когда и ежедневно, совершались панихиды, какая бы погода ни была - грязь ли, дождь или снег шел, - ни священники не отказывали, ни народ не переставал проявлять своего усердия к почившему, стоя зачастую в грязи по колени, иногда под проливным дождем, в метель и сильные морозы, и совершая заупокойные пения над своим дорогим покойником. Видя труд и усердие народа к Своему избраннику, Господь по молитве старца положил в сердце одному благочестивому человеку сделать хоть какую-нибудь защиту от непогоды посетителям старцевой могилы. Этот благодетель, именем Иван Никитич Ионикин, в 1905 году явился однажды на могилу старца отслужить по нем панихиду. В то время лил большой дождь, но, несмотря на это, священник и послушницы старца, а также и народ стояли у могилы и совершали панихиду. Это обстоятельство навело Ионикина на раздумье, и в сердце его явилось сожаление, что место упокоения такого великого человека, несмотря на то, что его посещает множество народа, остается без призора и надлежащей подобающей ему защиты от непогоды осенью и зимой, а летом от солнца и зноя. Тогда он решил поставить на свои средства, хоть из дешевого

материала, деревянную часовню, и с этой целью обратился за разрешением к подлежащему начальству, заявив об этом своем желании предварительно кладбищенскому священнику о. Александру Курилову и местному благочинному священнику о. Александру Баландину и заручившись поддержкою в этом деле гласного Таганрогской думы, заведующего кладбищем. Желаемое разрешение скоро было получено, и Ионикин приступил к постройке памятника-часовни. Сломав решетчатый палисадник, он в начале ноября месяца 1905 года начал, а к Рождеству Христову окончил постройку. Этот памятник-часовня, размером в длину 14 аршин и в ширину 10 аршин, имеет вид часовни с пирамидальной крышей, увенчанной крестом. В нем двери и 7 окон; посреди него находится могила старца Павла, имеющая вид гробницы с насыпанной в нее землей и в изголовьи которой возвышается большой восьмиконечный крест с прибитым к нему распятием и вставленной здесь же лампадой, которая горит неугасимо. Внизу креста прибита жестяная досточка со следующей надписью:

"Под сим крестом покоятся останки раба Божия старца Павла Павловича Стожкова. Родился в 1792 г. 6 ноября, скончался в 1879 г. 10 марта. Старец Павел Павлович Стожков родом был дворянин Черниговской губернии, Кролевецкого уезда, был сын Губернского канцеляриста, коллежского регистратора. Жил в г. Таганроге более 50 лет, сначала занимался простыми работами и временами ходил в Северную и Западную страну на поклонение, а в последнее время занимался преимущественно благотворительными делами. Предстоящая сия могила сокрыла старца и отца, который был приятель странных, милостив для нищих и убогих и изувеченных калек. Таков он был в строгих подвигах самоотвержения весь свой временный век, с молодости и до старости лет был образ кротости и добродетелей предмет. Христе! Нас грешных Искупитель, прими раба Твоего в Обитель".

Вся часовня-памятник внутри украшена св. иконами, пожертвованными благодетелями и почитателями почившего старца; пред иконами много лампад. Все место под часовнею занято могилами приближенных старца, его послушниками и послушницами, умершими при жизни старца и после его смерти. Внутри часовни имеются надписи похороненных там сподвижников старца Павла, а с левой стороны его могилы, также посреди часовни возвышается еще

одна гробница послушника старца, упоминаемого в этой главе - старца Емилиана.

Часовня-памятник очень поместительна, так что в ней могут стоять человек 120-150, но в дни памяти старца она далеко не может вместить всех желающих, и тогда народ окружает со всех сторон, ожидая очереди войти и поклониться у его гроба. За такое усердие Ионикина к месту упокоения старца Господь, по молитвам его, Даровал исцеление его жене Марии, которая несколько лет страдала припадками, а также и его дети болели тою же болезнью. Сам Ионикин рассказывал, какое он перенес страдание и горе из-за болезни жены и детей "Бывало приду с работы домой, жена моя и трое детей сидят оборванные чуть не догола, посуда перебита, везде в доме страшный беспорядок; когда на них находил припадок, то они без сознания не знают, что и делают; кричали страшными голосами, крикали, как лягушки, сычали, как змеи, и лаяли, как псы, а в настоящее время, слава Богу, по молитвам старца Павла всего этого не стало; припадки прекратились, и все мое семейство совершенно здорово".

За великую любовь старца Павла к людям Господь воздал ему тем же. Памятник-часовня, где почивает его прах, сделался дорогим и как бы священным местом для народа, и место это он, по своему усердию, украсил св. иконами и приносит туда свои жертвы Богу за упокой праведной души. Приношения эти (деревянное масло, свечи и ладан, а также и милостыня) никогда не прекращаются, и над старцем Павлом, воистину, исполнились слова Господа нашего Иисуса Христа, какие он сказал в Святом Евангелии: "Ищите прежде Царствия Божия и правды Его и сия вся приложатся вам" (Матф. 6, 33), и еще: "Аще хотите, да творят вам человецы, и вы творите им такожде" (Матф. 7, 12). Благочестивый старец Павел при жизни своей искал главного, именно Царствия Божия: все родительское имение свое, которого было больше 60000 рублей, он роздал бедным и в жизни своей не старался приобретать себе ничего, раздавая другим все, что приносили ему благодетели, однако никогда в своей жизни он не терпел нужды; так, по неложному слову Божию, все земное приложилось ему в награду за его усердие и любовь к Богу и ближним. Как он в своей жизни старался делать всем и каждому добро, а наипаче заботился о спасении своих ближних, так после своей смерти он получил сторицею от тех, которых любил и которые воздают ему тою же любовью, тем усердием, какие старец проявлял в своей жизни. Любил старец при жизни своей

жертвовать в храмы Божий, а также раздавать людям св. иконы, деревянное масло, свечи и ладан; так теперь и ему в место его упокоения приносит народ масло, ладан, свечи. Любил также старец возжигать пред Ликом Божиим и Матери Божией и Святых светильники, да не только сам любил это делать, но и людей учил тому же. Так теперь возжигаются народом светильники и в том месте, которое сделалось местом его вечного упокоения.

Оканчивая описание жизни подвижника Павла Павловича, нельзя не сказать в заключение, что жизнь эта поистине была замечательна. Замечательна тем, что жизнь свою старец вел не в пустыне или монастыре, а в большом и шумном городе, среди тысяч людей всякого звания и всех положений. Удивительно поэтому, что старец, живя среди них, умел сохранить в своем сердце негасимую веру в Бога и воплотить в своей жизни те великие заветы Христа, которые начертаны в Божественном Его слове - воплотить среди того круговорота жизни, который, по словам песнописца, называется житейским морем, воздвигаемым постоянно напастей бурей. Да! Старец не только сохранил словеса жизни и исполнил их в своей жизни, но и другим указывал путь к тому же; он вел народ ко Христу и вечному спасению. Да!

Он был великий человек, по словам Спасителя:

"Иже сотворит и научит, сей великий
наречется в Царствии Небесном".

(Матф. 5, 19).

